

ISSN 2072-2087 (ПЕЧАТНЫЙ)
ISSN 2413-9912 (ЭЛЕКТРОННЫЙ)

ВЕСТНИК
Брянского
государственного
университета

№ 3 (49)

2021

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых
степеней доктора и кандидата наук по научной отрасли: **07.00.00** – Исторические науки и археология

Научные специальности: 07.00.02 - Отечественная история, 07.00.03 - Всеобщая история,
07.00.06 - Археология, 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического
исследования, 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.

ISSN 2072-2087 (PRINT)
ISSN 2413-9912 (ONLINE)

**The Bryansk
State
University
Herald**

№ 3 (49)
2021

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

3 (49) 2021

Научный рецензируемый журнал

СЕНТЯБРЬ

ВЕСТНИК

БРЯНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Учредитель: федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»

ББК 74.58 В 38

Вестник Брянского государственного университета. №3
(49) 2021: исторические науки и археология. Брянск: РИСО
БГУ, 2021. 176 с.

Редакционная коллегия

Главный редактор журнала – Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Заместитель главного редактора журнала – Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского»;

Ответственный секретарь журнала – Федин Андрей Валентинович, доктор исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Члены редакционной коллегии:

Альбу Ион – доктор истории кандидат, профессор кафедры истории факультета социальных и гуманитарных наук Университета «Луциан Блага», Сибиу (Румыния);

Белецкий Сергей Васильевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела славяно-финской археологии, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербург (Россия);

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Блумену Семен Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Бондаренко Дмитрий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного центра антропологии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва (Россия);

Гайдуков Петр Григорьевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института археологии РАН, член-корреспондент РАН, Москва (Россия);

Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева, Орел (Россия);

Горбачев Олег Витальевич – доктор исторических наук, профессор кафедры документационного и информационного обеспечения управления, Уральский федеральный университет, Екатеринбург (Россия);

Гребенкин Игорь Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Рязань (Россия);

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Ашихмин А.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Н. ГОЛИЦЫНА (1773-1844) ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУ- ДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА	7
Богомолова Н.Н. ОБРАЗ КОЛОНИАЛЬНОГО «ДРУГОГО»: ВОСТОЧ- НЫЙ ТУРКЕСТАН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНГЛИЧАН В 1870-Е ГГ.	16
Дроботушенко Е.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЗАКРЫТИЮ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1930-Е ГГ.	34
Золотов В.И. ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕН- НОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ	46
Ивниязева В.В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЙЛЗА ШЕРОВЕРА КАК ТОРГОВОГО АГЕНТА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ В США В 1937-1938 ГГ.	58
Исмаилова З.А. ПОСМЕРТНАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОХВАЛА ПРАВИТЕЛЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК.	70
Килин А.П. СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА СЕРАФИМА КИЛИНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ "ЛИШЕНКИ" 1930-Х ГГ.	83
Кулаков В.И. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОЛОВНЫХ ВЕНЧИКОВ В ДРЕВНОСТЯХ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ	99
Леонтьев А.А., Алиева Л.В. ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX–XX ВВ.: АНАЛИЗ ИСТОЧ- НИКОВОЙ БАЗЫ	110
Лупанова Е.М. «АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ» СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗО- ВАНИЯ НАУЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ XVIII В.	118
Мальчикова С.П. «ОТКРЫТИЕ» ЯПОНИИ НА СТРАНИЦАХ THE ILLUSTRATED LONDON NEWS (1853-1854)	129
Прилуцкий В.В. АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИЕ ПОГРАНИЧ- НЫЕ КОНФЛИКТЫ В 1870–1910-Е ГОДЫ	139

Дубровский Александр Михайлович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Енуков Владимир Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории России, Курский государственный университет, директор НИИ археологии юго-востока Руси, Курск (Россия);

Иванц Блаж — доктор философии, доцент Люблянского университета, специалист по истории политических учений, Любляна (Словения);

Ивонина Людмила Ивановна — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Смоленский государственный университет, Смоленск (Россия);

Кашенко Сергей Григорьевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения истории России, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург (Россия);

Ливцов Виктор Анатольевич — доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления-филиала, Орел (Россия);

Мезга Николай Николаевич — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель (Беларусь);

Метельский Андрей Анатольевич — доктор исторических наук, заведующий Отделом истории Беларуси IX-XVIII вв., Институт истории НАН Беларуси, Минск (Беларусь);

Мягков Герман Пантелеймонович — доктор исторических наук, профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязева, Казань (Россия);

Нахтигаль Райнхард — доктор истории хабилитат, профессор Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига, научный сотрудник, Фрайбург (Германия);

Патрушева Наталья Генриховна — доктор исторических наук, заведующая сектором книговедения, Отдел редких книг Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург (Россия);

Попов Стоян — доктор истории, доцент исторического факультета, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, Пловдив (Болгария);

Рогинский Вадим Вадимович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Новой истории, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Москва (Россия);

Сагимбаев Алексей Викторович — доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия);

Цуття Иосифуру — профессор Нихонского университета, кафедра исторических наук, Токио (Япония);

Шинаков Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

Технический секретарь журнала:

Мельников Игорь Владимирович — кандидат биологических наук, начальник редакционно-издательского отдела, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск (Россия).

В данном выпуске журнала «Вестник Брянского государственного университета» представлены материалы ученых по основным направлениям исследований.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Ответственность за точность фактологического материала, используемого в статьях, несут авторы.

Подписной индекс «Пресса России»: 40705 годовая

Пронкин С.В.

ПОЛИЦИЯ БОЛЬШОГО ЛОНДОНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ...148

Устинова Ю.Н.

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1915-1917 ГГ.).. 161

The Bryansk State University Herald

The founder – Federal State Budget Educational
Institutional of Higher Educational
«Bryansk State Academician I.G. Petrovsky University»

The Bryansk State University Herald.
№ 3(49) 2021: historical sciences and archaeology. Bryansk: RISO
BSU, 2021. 176 p.

Editorial Board

Chief editor:

Mikhailchenko Sergei Ivanovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Deputy Editor-in-Chief:

Artamoshin Sergey Viktorovich, Doctor of Historical Sciences,
Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University,
Bryansk, Russia.

Executive secretary:

Fedin Andrey Valentinovich, Doctor of Historical Sciences,
Associate Professor, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State
University, Bryansk, Russia.

Editorial board:

Albu Ion — Doctor of History habilitat, Professor of the
Department of History, Faculty of Social and Human Sciences,
University «Lucian Blaga», Sibiu (Romania);

Beletskiy Sergey Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Leading Researcher of the Department of Slavic-Finnish
Archeology, Institute for the History of Material Culture of the
Russian Academy of Sciences, St. Petersburg (Russia);

Blokhin Valery Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Head of the Department of Russian History, Academician I.G.
Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Blumenau Semyon Fedorovich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of General History and International Relations,
Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Bondarenko Dmitry Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian
Academy of Sciences, Director of the International Center for
Anthropology, Faculty of Humanities, National Research
University Higher School of Economics, Moscow (Russia);

Gaidukov Petr Grigorievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor, Deputy Director for Science of the Institute of
Archeology of the Russian Academy of Sciences, Corresponding
Member of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Gella Tamara Nikolaevna — Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of General History and Regional Studies, Oryol
State University named after I.S. Turgeneva, Orel (Russia);

Gorbachev Oleg Vitalievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Documentation and Information Support
of Management, Ural Federal University, Ekaterinburg (Russia);

Grebenkin Igor Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Ryazan State
University named after S.A. Yesenin, Ryazan (Russia);

Dubrovsky Alexander Mikhailovich — Doctor of Historical
Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician
I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Enukov Vladimir Vasilievich — Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department of Russian History, Kursk State
University, Director of the Research Institute of Archeology of
South-East Russia, Kursk (Russia);

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

Ashikhmin A.V.

ALEXANDER GOLITSYN'S ACTIVITIES
BASED ON MATERISALS OF RUSSIAN STATE
HISTORICAL ARCHIVES 7

Bogomolova N.N.

THE IMAGE OF THE COLONIAL "OTHER":
EAST TURKESTAN IN THE VIEWS OF THE
BRITISH IN THE 1870s. 16

Drobotushenko E.V.

THE ACTIVITIES OF THE SOVIET
GOVERNMENT TO CLOSE ORTHODOX
CHURCHES ON THE TERRITORY OF THE
EASTERN TRANSBAIKALIA IN THE 1930s 34

Zolotov V.I.

HISTORICAL SPACE IN A MODERN
HISTORICAL STUDY 46

Inviyaeva V.V.

MILES SHEROVER AS A SALES AGENT OF
REPUBLICAN SPAIN IN THE UNITED STATES
IN 1937-1938 58

Ismailova Z.A.

POSTHUMOUS CHRONICLE PRAISE OF THE
RULER AS A HISTORICAL SOURCE 70

Kilin A.P.

RURAL TEACHER SERAFIMA KILINA:
RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF
«THE DEPRIVED WOMAN» OF THE 1930s. 83

Kulakov V.I.

ORIGIN OF HEAD CROWNS IN ANCIENT
AESTIA AND PRUSSIANS 99

Leontev A.A., Alieva L.V.

CHURCH DISCIPLINE IN THE PSKOV
EPARCHY IN THE XIX-XX CENTURIES.
ANALYSIS OF THE SOURCE BASE 110

Lupanova Ye.M.

THE «ALTERNATIVE» MEANS OF USAGE OF
SCIENTIFIC INSTRUMENTS IN RUSSIA OF
THE 18TH CENTURY 118

Malchikova S.P.

«DISCOVERING» JAPAN ON THE PAGES OF
THE ILLUSTRATED LONDON NEWS (1853-
1854) 129

Ivants Blaj — Doctor of Philosophy, Associate Professor at the University of Ljubljana, Political History Specialist, Ljubljana (Slovenia);

Ivonina Lyudmila Ivanovna — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of General History, Smolensk State University, Smolensk (Russia);

Kashchenko Sergey Grigorievich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Source Study of Russian History, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg (Russia);

Litsov Viktor Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Central Russian Institute of Branch Management, Orel (Russia);

Mezga Nikolai Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Francisk Skorina Gomel State University, Gomel (Belarus);

Metelsky Andrey Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of the History of Belarus in the IX-XVIII Centuries, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk (Belarus);

Myagkov German Panteleimonovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Theory of State and Law and Public Law Disciplines, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryazeva, Kazan (Russia);

Nachtigall Reinhard — Doctor of History habilitat, Professor at the University of Freiburg, Albert-Ludwig, Research Fellow, Freiburg (Germany);

Patrusheva Natalya Genrikhovna — Doctor of Historical Sciences, Head of the Bibliology Sector, Rare Books Department of the Russian National Library, St. Petersburg (Russia);

Popov Stoyan — Doctor of History, Associate Professor of the Faculty of History, Paisiy Khilendarsky University of Plovdiv, Plovdiv (Bulgaria);

Roginsky Vadim Vadimovich — Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher of the Department of Modern History, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia);

Sagimbaev Aleksey Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General History and International Relations, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia);

Tsuchiya Iosifuru — Professor, Nihon University, Department of Historical Sciences, Tokyo (Japan);

Shinakov Evgeny Aleksandrovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University, Bryansk (Russia).

Technical secretary

Melnikov Igor Vladimirovich — Candidate of Biological Sciences, Chief of Editorial-publishing Department at Academician I.G. Petrovskii Bryansk State University.

In this issue of the journal "The Bryansk State University Herald" materials of scientists in the main directions of researches are presented, it is intended for scientists, teachers, graduate students and students.

Materials of articles are printed in author's edition.

INDEX 40705 OF GENERAL CATALOG «PRESS OF RUSSIA»

Prilutskiy V.V.

AMERICAN-MEXICAN BORDER CONFLICTS
IN THE 1870–1910s 139

Pronkin S.V.

GREATER LONDON POLICE: ORIGINS AND
CURRENT STATUS..... 148

Ustinova Yu.N.

SANITARY AND HYGIENIC MEASURES AT
THE FRONT AND IN THE REAR, CARRIED
OUT ON THE TERRITORY OF THE MINSK
MILITARY DISTRICT IN 1914-1917 161

УДК 94(47).0.72+0.73:930.25

Ашихмин А.В., ведущий специалист, Российский государственный исторический архив (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.Н. ГОЛИЦЫНА (1773-1844) ПО МАТЕРИАЛАМ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА

В статье рассматриваются некоторые малоизученные документы, посвященные государственной деятельности князя, обер-прокурора Св. Синода, министра народного просвещения и духовных дел, главноначальствующего над почтовым департаментом А.Н. Голицына (1773-1844). Дается краткий историографический обзор в связи с рассмотрением документальных материалов Российского государственного исторического архива, относящихся к административно-благотворительному, административно-религиозному и собственно государственному аспектам службы А.Н. Голицына. Князь был одним из самых известных и противоречивых государственных деятелей Российской империи первой половины XIX в., вследствие чего особенно важной является актуализация его документального наследия. Получившая популярность в отечественной беллетристике уже во второй половине XIX в., фигура А.Н. Голицына до сих пор активно исследуется российскими и зарубежными учеными как в традиционном источниковедческом контексте, так и в рамках подходов новой имперской истории. Поскольку документальный комплекс, относящийся к деятельности князя, хранится в разных российских научных и архивных учреждениях, в статье предпринята попытка дать общую характеристику некоторых документов из фондов Российского государственного исторического архива (далее – РГИА), раскрывающих значение деятельности А.Н. Голицына вне рамок должностей обер-прокурора Святейшего Синода и министра народного просвещения.

Ключевые слова: князь А.Н. Голицын, alexандровская эпоха, государственные деятели первой половины XIX в., архивные документы, историография.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-07-15

Фигура Александра Николаевича Голицына (1773-1844) является одной из значимых для понимания особенностей становления новых моделей российской имперской государственности в ходе проведения масштабных реформ первой половины XIX века. Деятельность А.Н. Голицына нашла отражение в огромном комплексе письменных источников, поскольку его государственная служба и общественная жизнь затрагивали самые разные сферы внутриполитической жизни

Российской империи: военная, придворная и сенаторская служба, руководство Св. Синодом и Министерством народного просвещения, благотворительная и религиозно-просветительская деятельность.

Историография, посвященная тем или иным аспектам деятельности А.Н. Голицына, включает как дореволюционные работы (А.Н. Пыпин [8], М.И. Сухомлинов [23], С.В. Рождественский [21], И.А. Чистович [25], Н.С. Стеллецкий [22]), так и сравнительно

недавние исследования. Среди последних следует выделить работы Ю.Е. Кондакова [2, 1, 2], одна из которых посвящена общему обзору документов, имеющих отношение к деятельности А.Н. Голицына в российских архивах. В частности, в данной статье рассматривались и некоторые материалы РГИА [4].

В силу специфики формирования и комплектации фондов РГИА в исторической ретроспективе следует отметить, что деятельность такого крупного государственного деятеля первой половины XIX в., как А.Н. Голицын, отразилась в огромном массиве документальных материалов, для полноценного изучения и осмысления которых понадобятся долгие годы архивного поиска и источниковедческой работы. Исторические источники, рассматриваемые в данной статье, можно разделить по классической трехступенчатой системе классификации, предложенной Л.Н. Пушкаревым в 1975 г.: по типу, роду и виду [7].

Документы, рассматриваемые в рамках данной статьи, относятся к типу письменных источников. Изучаемые письменные источники, в свою очередь, включают в себя документальные и повествовательные (нарративные). Среди документальных необходимо выделить некоторые из видов делопроизводственной документации, отложившейся в фондах РГИА и относящейся к деятельности А.Н. Голицына: указы, распоряжения, предписания, мемории, рапорты, донесения, представления, послужные (формулярные) списки, журналы заседаний, служебные записки и т.д. Среди повествовательных источников, выделим самый распространенный вид эго-документов

– письма.

Одним из магистральных направлений деятельности А.Н. Голицына была организация, руководство и участие в различных общественных организациях первой половины XIX в. Разумеется, наиболее часто в данном контексте упоминается его президентство в Российском библейском обществе, созданном в тесном взаимодействии с Британским библейским обществом в 1812 г. Основной массив документов, отражающих особенности противоречивой протестантско-просветительской инициативы правительства, хранится в фонде Российского библейского общества за 1812-1841 гг. (Ф. 808). В данном фонде хранится подлинный журнал первого генерального собрания Санкт-Петербургского библейского общества от 11 января 1813 г. [17]. Любопытно, что первое собрание состоялось в недавно купленном А.Н. Голицыным у обер-прокурора Пр. Сената П.В. Неклюдова доме на набережной Фонтанки [17, л. 2]. Также в деле перечислены имена всех 34 участников первого заседания, включая двух секретарей [17, л. 2-3 об].

Данный документ указывает на очевидное противоречие установок общества: европейская протестантская инициатива, широко распространившаяся даже в светских кругах, в Российской империи все же исходила от правителя и его ближайшего окружения, стремившихся дать развивающимся процессам яркую личностную и идейную окраску. А.Н. Голицын стал воплощением идей патерналистского экуменизма, что в сущности означало отсутствие значимых различий между традициями всех ветвей христианства

при внешней принадлежности к государственной церкви. По мнению Е.Ю. Назаренко, подобные взгляды могли проистекать из популярной в масонской культуре концепции церкви «внешней и внутренней» [6, с. 137]. Очевидным свидетельством выражения данной идеи в деятельности Российского библейского общества служит тот факт, что к его работе под государственным имперским началом привлекались самые разносторонние религиозные деятели и чиновники. Так, активное участие на начальных этапах деятельности общества принимали митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Амвросий (1742-1818), ректор Санкт-Петербургской духовной академии архимандрит Филарет (1782-1867), митрополит римско-католических церквей в России С. Богуш-Сестренцевич (1731-1826), протестантские пасторы Питт, Шейерль и Янсен, а также министр народного просвещения А.К. Разумовский (1748-1822), попечитель Санкт-Петербургского учебного округа С.С. Уваров (1786-1855) и фактический помощник А.Н. Голицына на должности главноуправляющего духовных дел иностранных исповеданий А.И. Тургенев (1784-1845).

Обширные связи Российского библейского общества в лице А.Н. Голицына с иностранными организациями похожего типа также нашли отражение в документах архива. В том же фонде хранятся дела «Письма Анны Бонтрон к князю А.Н. Голицыну и Патерсону с выражением сочувствия по поводу учреждения в России библейского общества с приложением стихов, сочиненных ею в честь общества» [18],

«Переписка [А.Н. Голицына] с Прусским библейским обществом о важном» [20], «Переписка с Леандром фон Эссом, жившим в Марбурге с 1817 по 1821 гг., о деятельности библейских обществ» [19].

Наиболее любопытным источником в контексте развития письменной коммуникативной культуры первой трети XIX в. являются письма Анны Бортрон, члена Британского библейского общества. С нескрываемой радостью протестантка обращается к организатору библейского общества в России: «Прочитала я имя ваше яко президента библейского общества в Петербурге и душа моя исполнилась хвалы и благодарения» [18, л. 4]. В письме от 30 июля Анна Бортрон написала стихотворение, посвященное А.Н. Голицыну: «...И слава будущих блаженных дней / Кидает первые свои лучи, / С британцами и он отныне заодно / Для Бога то творить, что дело есть его» [18, л. 5].

Общественная и административно-благотворительная деятельность А.Н. Голицына не являются предметом подробного историографического рассмотрения, однако, в РГИА на хранении имеется фонд Сословия попечителей призрения разоренных от неприятеля в 1812 г. (Ф. 1309). Источниковедческое изучение материалов данного фонда может дать новое представление о Голицыне-администраторе, а также дополнить существующую историографическую картину раннего этапа его деятельности. Несмотря на то, что тогдашний обер-прокурор Св. Синода и главноуправляющий духовных дел иностранных исповеданий принимал не самое заметное участие в админи-

стративной деятельности благотворительного общества, в архиве отложилось немало материалов. На основании изучения дела «Об учреждении сословия по оказанию помощи пострадавшим от войны 1812 г...» перед нами открывается типичная для общественной жизни Российской империи эпохи классицизма картина: любое общественное начинание берет старт либо по высочайшему повелению, либо под непосредственным контролем правительства. Покровителем общества является император Александр I, а в составе попечителей мы наблюдаем известных деятелей александровской эпохи: В.П. Кочубея (1768-1834), Н.Н. Головина (1756-1821), Н.А. Толстого (1765-1816), А.С. Шишкова (1754-1841). Пятым попечителем был определен А.Н. Голицын [10, л. 2-2 об.].

В задачи попечителей декларативно входили обязанности по приему денежных средств, «рассмотрению нужд просителей» и широкой огласке данной благотворительной кампании. Важной особенностью было и то, что фактически каждый попечитель отвечал за взаимодействие с конкретными социальными кругами. В случае с А.Н. Голицыным зона ответственности концентрировалась на представителях духовного сословия. Так, в деле «Письма Голицыну от служителей духовного сословия» имеются структурированные по губерниям и приходам списки служителей, жертвовавших деньги в пользу пострадавших с [12]. Также в канцелярии попечителя «Сословия» отложилась книга для записи лиц, призвавших пожертвования за 1812-1816 гг. [11]. При самом поверхностном рас-

смотрении данного документа становится ясным то, что пожертвования имели «добровольно-принудительный» характер и всегда соответствовали социальному статусу жертвующего, особенно если это касалось церковных приходов.

Поскольку попечители благотворительного общества несли на себе статус ценностно-харизматических покровителей, некоторые жертвующие деньги люди видели в обращении к попечителю определенную выгоду и желание быть замеченным, выражая свои верноподданнические чувства. В этой связи необходимо упомянуть письмо А.Н. Голицыну от ректора духовной семинарии в г. Вятке, озаглавленное как «Жертва нелестных чувствований его сиятельству Св. Пр. Синода господину обер-прокурору и кавалеру князю А.Н. Голицыну, приносимая с глубочайшим усердием в день Св. Пасхи по расположению Вятской семинарии ректора архимандрита Михаила 13 апреля 1813 г.» [10, л. 75]. Ключевым моментом, иллюстрирующим особую систему коммуникации с высшим начальством, не связанную с основной сферой государственной деятельности, является этот небольшой сюжет. Формально исполнив моральную обязанность пожертвования на небольшую сумму 50 рублей, архимандрит Михаил прилагает к письму верноподданническое сочинение, ради которого все изначально затевалось: «Возвеселись, о князь, сияет / Тебе венец на небесах. / Блаженство, слава ожидает / Тебя в превыспренных странах / Ликуй! Надежною стезею / К Христу любовь живую / Во храм бессмертья ты течешь / Законы Бога выполняешь / Царя уставы соблюдаешь /

По гласу обоих идешь» [12, л. 78 об.].

Касаясь вопросов административно-благотворительной деятельности А.Н. Голицына, нельзя не упомянуть его руководство Императорским Человеколюбивым обществом с 30 августа 1814 г. В РГИА хранится докладная записка статс-секретаря П.А. Галахова, в которой он рекомендует Александру I учредить должность попечителя общества «для правильнейшего и успешнейшего действия суммами...» и назначить на эту должность авторитетного чиновника А.Н. Голицына [15, л. 1]. Также на хранении в фонде Императорского человеколюбивого общества имеется высочайше утвержденный проект об образовании общества, к которому приложен список членов Совета [16, л. 2-3 об.]. В 1824 г. А.Н. Голицын был отправлен в отставку с должности попечителя по собственной просьбе указом Александра I [14, л. 2].

Важными источниками для изучения государственной деятельности А.Н. Голицына служат не только документы фондов Канцелярии Синода (Ф. 796), Канцелярии Обер-прокурора Синода (Ф. 797), а также фондов Министерства народного просвещения (Ф. 732, 733, 735), но и фонд Первого Сибирского комитета (Ф. 1264). Временный орган, именуемый Первым Сибирским комитетом, был учрежден как особая инстанция для рассмотрения законодательных положений, касающихся Сибири. За время существования Первого Сибирского комитета с 1822 по 1838 г. им руководили В.П. Кочубей (1822-1823), А.А. Аракчеев (1823-1826) и А.Н. Голицын (1826-1838) [11, с. 142]. Главной обязанно-

стью штатных членов Сибирского комитета было рассмотрение положений об устройстве Сибирского края [24, л. 3]. В деле «Об учреждении Сибирского комитета в 1821 г., его деятельности и упразднении в 1838 г.» имеется записка В.П. Кочубея князю А.Н. Голицыну о назначении его председателем Сибирского комитета от 28 апреля 1828 г. [24, л. 21]. Среди важных документов, имеющих непосредственное отношение к деятельности А.Н. Голицына, следует также выделить выписку из журнала Сибирского комитета от 1 мая 1828 г. за председательством князя Голицына [24, л. 25-26] и отношение А.Н. Голицына М.М. Сперанскому от 12 января 1838 г. о закрытии Сибирского комитета [24, л. 81-82].

К неочевидным направлениям государственной деятельности А.Н. Голицына также следует отнести и административное руководство работами по осушению болот в Санкт-Петербурге, проводившимися с 1817 г. до середины XIX века [5]. Через канцелярию главноначальствующего над Почтовым департаментом (с 9 ноября 1819 г.) проходили все документы, касающиеся масштабных работ по осушению болот. Основная часть документов, посвященных деятельности А.Н. Голицына в рамках работы Канцелярии по осушению и возделыванию окрестностей Петербурга, отложилась в фонде Департамента Министерства земледелия (Ф. 398. Оп. 82). В большинстве своем это отчеты о проведении осушительных работ по годам за все время действия указанной Канцелярии [13].

Делопроизводственные документы, хранящиеся в фондах РГИА,

позволяют в какой-то мере дополнить и расширить представление о тех или иных малоизученных аспектах государственной деятельности представителей высшей власти Российской империи

рассматриваемого периода. В этой связи следует отметить, что даже неинформативные на первый взгляд документальные источники могут дать исследователю новую пищу для размышлений.

Список литературы

1. Кондаков Ю.Е. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801-1825). СПб.: Нестор, 1998.
2. Кондаков Ю.Е. Князь А.Н. Голицын: придворный, чиновник, христианин. СПб.: ООО «ЭлекСис», 2015.
3. Кондаков Ю.Е. Личность и государственная деятельность князя А.Н. Голицына // Личность и власть в истории России XIX-XX веках. СПб., 1997. С. 117-126.
4. Кондаков Ю.Е. Материалы князя А.Н. Голицына в российских архивах // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2015. № 3. С. 99-106.
5. Малюкина Т.В. Документы Канцелярии по осушению окрестностей Петербурга (1817-1859 гг.) как источник по истории города // Санкт-Петербург. Три века истории. Новые открытия и материалы: материалы международной научной конференции. 27-28 ноября 2003 г. СПб.: Нестор, 2004. С. 88-90.
6. Назаренко Е.Ю. Мистический консерватизм: к характеристике мировоззрения князя А.Н. Голицына // Христианское чтение. 2017. № 6. С. 134-148.
7. Пушкарев Л.Н. Классификация русских письменных источников по отечественной истории. М.: Наука, 1975.
8. Пыпин А.Н. Религиозные движения при Александре I. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 2000.
9. РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 5. Об учреждении Сибирского комитета в 1821 г., его деятельности и упразднении в 1838 г.
10. РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 1. Об учреждении Сословия по оказанию помощи пострадавшим от войны 1812 г., письма разных лиц о пожертвовании ими денег в помощь пострадавшим, в том числе письма английского консула о присылке денег из Англии, переписка попечителей сословия о заприходовании присланных сумм.
11. РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 16. Книга попечителя «Сословия» князя Голицына для записи лиц, добровольно приславших пожертвования.
12. РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 19. Письма Голицыну от служителей духовного сословия.
13. РГИА. Ф. 398. Оп. 82. Д. 5. Отчет и записки С.С. Джунковского и других лиц А.Н. Голицыну об осушительных работах за 1818 г.
14. РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 20. Высочайший указ от 16 мая 1824 г. Совету императорского человеколюбивого общества об увольнении действительного тайного советника князя Голицына от звания и должности главного попечителя общества и об утверждении на место его преосвященного митрополита Серафима.

15. РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 3. Докладная записка от 30 августа 1814 г. с высочайшей резолюцией статс-секретаря князя Гагарина об установлении звания главного попечителя Человеколюбивого общества и при оном помощника и об утверждении в сих званиях тайного советника князя А.Н. Голицына и Галахова.

16. РГИА. Ф. 768. Оп. 1. Д. 4. Высочайше утвержденное собственноручной подписью его величества от 11 июня 1816 г. образование императорского Человеколюбивого общества с примерным штатом канцелярии Совета общества.

17. РГИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 2. Подлинный журнал первого генерального собрания Санкт-Петербургского библейского общества.

18. РГИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 35. Письма Анны Бонтрон к князю А.Н. Голицыну и Патерсону с выражением сочувствия по поводу учреждения в России библейского общества с приложением стихов, сочиненных ею в честь общества.

19. РГИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 42. Переписка [А.Н. Голицына] с Прусским библейским обществом о важном.

20. РГИА. Ф. 808. Оп. 1. Д. 87. Переписка [А.Н. Голицына] с Леандром фон Эссом, жившим в Марбурге с 1817 по 1821 гг., о деятельности библейских обществ.

21. Рождественский С.В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения. 1802-1902. СПб.: Министерство народного просвещения, 1902; Его же. Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: материалы по истории Санкт-Петербургского университета / Под ред. проф. С.В. Рождественского. Пг.: 2-я Государственная типография, 1919.

22. Стеллецкий Н.С. Князь А.Н. Голицын и его церковно-государственная деятельность. Киев: Типография И.И. Горбунова, 1901.

23. Сухомлинов М.И. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I. СПб.: Издание А.С. Суворина, 1889.

24. Съемщиков Е.А. Государственное управление Российской империи. Сибирский комитет: поиск способов управления Сибирью в 1822-1838 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2012. № 3. С. 141-148.

25. Чистович И.А. Руководящие деятели духовного просвещения в России в первой половине текущего столетия. Комиссия духовных училищ. СПб.: Синодальная типография, 1894.

ALEXANDER GOLITSYN'S ACTIVITIES BASED ON MATERIALS OF RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVES

The article examines some little-studied documents devoted to the state activities of the prince, the chief prosecutor of the Holy Synod, the minister of public education and spiritual affairs, the chief of the postal department A.N. Golitsyn (1773-1844). A brief historiographic review is given in connection with the examination of documentary materials of the Russian State Historical Archive, which are related to the administrative-charitable, administrative-religious and state aspects of A.N. Golitsyn's activities. The prince was one of the most famous and controversial statesmen of the Russian Empire in

the first half of the 19th century, which means that it is important to update his documentary heritage. The figure of A.N. Golitsyn, who have already gained popularity in Russian fiction in the second half of XIX century, is still being actively studied by Russian and foreign scholars both in the traditional «source-studying» context and the «new imperial history» approach. Since the documentary basis, related to the activities of the prince, is stored in various Russian scientific and archival institutions, the article attempts to give a general description of some documents from the funds of the Russian State Historical Archive, revealing the significance of A.N. Golitsyn outside his activities as the chief of the postal department, Chief Prosecutor of the Holy Synod and Minister of Public Education.

Keywords: the prince A.N. Golitsyn, the era of Alexander I, politicians of the first half of the XIX century, archival documents, historiography.

References

1. Kondakov Y.E. (1998). *Duhovno-religioznaya politika Aleksandra I i russkaya pravoslavnaya oppozitsiya (1801-1825)*. SPb.: Nestor.
2. Kondakov Y.E. (2015). *Knyaz' A.N. Golicyn: pridvornyj, chinovnik, hristianin*. SPb.: ООО «ElekSis».
3. Kondakov Y.E. (1997). *Lichnost' i gosudarstvennaya deyatel'nost' knyazya A.N. Golicyna // Lichnost' i vlast' v istorii Rossii XIX-XX vekah*. SPb. S. 117-126.
4. Kondakov Y.E. (2015). *Materialy knyazya A.N. Golicyna v rossijskih arhivah // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. № 3. S. 99-106*.
5. Malyukina T.V. (2003). *Dokumenty Kancelyarii po osusheniyu okrestnostej Peterburga (1817-1859 gg.) kak istochnik po istorii goroda // Sankt-Peterburg. Tri veka istorii. Novye otkrytiya i materialy: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. SPb.: Nestor, 2004. S. 88-90.
6. Nazarenko E.Y. (2017). *Misticheskij konservatizm: k harakteristike mirovozzreniya knyazya A.N. Golicyna // Hristianskoe chtenie. № 6. S. 134-148*.
7. Pushkarev L.N. (1975). *Klassifikaciya russkih pis'mennyh istochnikov po otechestvennoj istorii*. M.: Nauka.
8. Pypin A.N. (2000). *Religioznye dvizheniya pri Aleksandre I*. SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt».
9. RGIA. F. 1264. Op. 1. D. 5. *Ob uchrezhdenii Sibirskogo komiteta v 1821 g., ego deyatel'nosti i uprazhnenii v 1838 g.*
10. RGIA. F. 1309. Op. 1. D. 1. *Ob uchrezhdenii Sosloviya po okazaniyu pomoshchi postradavshim ot vojny 1812 g., pis'ma raznyh lic o pozhertvovanii imi deneg v pomoshch' postradavshim, v tom chisle pis'ma anglijskogo konsula o prisylke deneg iz Anglii, perepiska popechitelej sosloviya o zaprihodovanii prislannyh summ.*
11. RGIA. F. 1309. Op. 1. D. 16. *Kniga popechitelya «Sosloviya» knyazya Golicyna dlya zapisi lic, dobrovol'no prislavshih pozhertvovaniya.*
12. RGIA. F. 1309. Op. 1. D. 19. *Pis'ma Golicynu ot sluzhitelej duhovnogo sosloviya.*
13. RGIA. F. 398. Op. 82. D. 5. *Otchet i zapiski S.S. Dzhunkovskogo i drugih lic A.N. Golicynu ob osushitel'nyh rabotah za 1818 g.*
14. RGIA. F. 768. Op. 1. D. 20. *Vysochajshij ukaz ot 16 maya 1824 g. Sovetu imperatorskogo chelovekolyubivogo obshchestva ob uvol'nenii dejstvitel'nogo tajnogo*

sovetnika knyazyaya Golicyna ot zvaniya i dolzhnosti glavnogo popechitelya obshchestva i ob utverzhdenii na mesto ego preosvyashchennogo mitropolita Serafima.

15. RGIA. F. 768. Op. 1. D. 3. Dokladnaya zapiska ot 30 avgusta 1814 g. s vysochajshej rezolyuciej stats-sekretarya knyazyaya Gagarina ob ustanovlenii zvaniya glavnogo popechitelya CHelovekolyubivogo obshchestva i pri onom pomoshchnika i ob utverzhdenii v sih zvaniyah tajnogo sovetnika knyazyaya A.N. Golicyna i Galahova.

16. RGIA. F. 768. Op. 1. D. 4. Vysochajshe utverzhdennoe sobstvennoruchnoj podpis'yu ego velichestva ot 11 iyunya 1816 g. obrazovanie imperatorskogo CHelovekolyubivogo obshchestva s primernym shtatom kancelyarii Soveta obshchestva.

17. RGIA. F. 808. Op. 1. D. 2. Podlinnyj zhurnal pervogo general'nogo sobraniya Sankt-Peterburgskogo biblejskogo obshchestva.

18. RGIA. F. 808. Op. 1. D. 35. Pis'ma Anny Bontron k knyazyu A.N. Golicynu i Patersonu s vyrazheniem sochuvstviya po povodu uchrezhdeniya v Rossii biblejskogo obshchestva s prilozheniem stihov, sochinennyh eyu v chest' obshchestva.

19. RGIA. F. 808. Op. 1. D. 42. Perepiska [A.N. Golicyna] s Prusskim biblejskim obshchestvom o vazhnom.

20. RGIA. F. 808. Op. 1. D. 87. Perepiska [A.N. Golicyna] s Leandrom fon Essom, zhivshim v Marburge s 1817 po 1821 gg., o deyatel'nosti biblejskih obshchestv.

21. Rozhdestvenskij S.V. (1919). Istoricheskij obzor deyatel'nosti Ministerstva narodnogo prosveshcheniya. 1802-1902. SPb.: Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya, 1902; Ego zhe. Sankt-Peterburgskij universitet v pervoe stoletie ego deyatel'nosti 1819-1919: materialy po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta / Pod red. prof. S.V. Rozhdestvenskogo. Pg.: 2-ya Gosudarstvennaya tipografiya.

22. Stelleckij N.S. (1901). Knyaz' A.N. Golicyn i ego cerkovno-gosudarstvennaya deyatel'nost'. Kiev: Tipografiya I.I. Gorbunova.

23. Suhomlinov M.I. (1889). Issledovaniya i stat'i po russkoj literature i prosveshcheniyu. T. 1. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I. SPb.: Izdanie A.S. Suvorina.

24. S"emshchikov E.A. (2012). Gosudarstvennoe upravlenie Rossijskoj imperii. Sibirskij komitet: poisk sposobov upravleniya Sibir'yu v 1822-1838 gg. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istorija. № 3. S. 141-148.

25. Chistovich I.A. (1894). Rukovodyashchie deyateli duhovnogo prosveshcheniya v Rossii v pervoj polovine tekushchego stoletiya. Komissiya duhovnyh uchilishch. SPb.: Sinodal'naya tipografiya.

Об авторе

Ашихмин Андрей Витальевич – ведущий специалист отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива (Россия), E-mail: katelive11@gmail.com

Ashikhmin Andrey Vitalievich – Leading Specialist of Department of Information and Scientific Usage of Documents of the Russian State Historical Archives (Russia), E-mail: katelive11@gmail.com

УДК 94(5)+94(410)"1870/1879

Богомолова Н.Н., кандидат исторических наук, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ОБРАЗ КОЛОНИАЛЬНОГО «ДРУГОГО»: ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ АНГЛИЧАН В 1870-е гг.

В статье раскрываются механизмы репрезентации образа Восточного Туркестана, представленного в британской прессе в период экспедиции в Кашгарию чиновника англо-индийской администрации и политического советника по среднеазиатским делам сэра Д.Форсайта. Тема вписывается в проблематику образа колониального «Другого». Процесс его формирования показан посредством исследования тестовой и визуальной составляющей образа Восточного Туркестана, представленного в прессе метрополии данного периода. В центре внимания находится анализ новизны и преемственности восприятия британцами культуры, традиций и персоналий региона. Особое внимание уделяется нарративным приемам, с помощью которых британцы осмысливают особенности колониального «Другого», репрезентированного в первом массовом иллюстрированном журнале «The Illustrated London News» и таких изданиях консервативного толка, как «The Daily Telegraph», «The Morning Post», «The Standard», «The Manchester Courier», «The Leeds Intelligencer». Рассматриваются конкретные стилистические средства, используемые британской прессой при конструировании образа колониального «Другого» на страницах печатных изданий. Анализируются особенности восприятия викторианцами политической титулатуры Восточного Туркестана, местных жителей, их внешнего облика и личностных качеств, природных условий, городов, поселений, особенностей быта.

Ключевые слова: образ, колониальный, «Другой», инаковость, «полуварвары», репрезентация, восприятие, викторианские представления, стереотип.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-16-33

Британские представления о регионе Средней Азии вписываются в более широкий контекст изучаемой в исторической науке, культурологии, политической лингвистике, имагологии и социологии проблемы – феномена колониального «Другого». В исследуемый период 1870-х гг. имперская шахматная доска продолжала расширяться, включая в себя новые территории. В рамках «Большой игры» район Восточного Туркестана или Кашгарии играл одну из ключевых ролей. Интерес Великобритании к территориям Кашгарии основывался на факте, что

тот непосредственно прилегает к Британской Индии с северо-запада. А, значит, устройство линии обороны Индии от предполагаемого русского вторжения путем создания цепи буферных полуварварских государств было главным стратегическим замыслом; также имелись экономические планы империи по приобретению здесь новых рынков сбыта (для Великобритании через территорию Средней Азии и России пролегал кратчайший путь для поставки промышленных товаров из метрополии в Индию).

Кроме того, в этот период времени

англичане обнаружили, что Афганистан и Кашгария не граничат, а разделены крупным горным хребтом. Между ними зияет промежуток шириной в пятьдесят миль, о чем могут узнать и русские. Тогда они смогут «вбить узкий клин настоящей российской территории» [13, с.420] между Восточным Афганистаном и Кашгарией, и таким образом оказаться еще ближе к Северной Индии. В связи с этим фактом, британское правительство озаботилось учреждением постоянной миссии в Кабуле, но эмир Шер Али даже не согласился на переговоры по этому вопросу, тем самым стала вырисовываться перспектива войны с Афганистаном. Негодование Великобритании по поводу поведения афганского эмира хорошо выразил лорд Лоуренс, бывший генерал-губернатор Индии: «говорят, ни одна нация не имеет права вести изолированную политику и отказываться иметь контакты с соседями... Цивилизованные народы могли бы со мной поспорить в этом вопросе, но это недопустимо, я полагаю, во взаимоотношениях цивилизованных правительств с одной стороны, и диких народов - с другой» [18, 1878.5.10].

На фоне разжигания «русской угрозы» активизируется узнавание Памира. Его наиглавнейшим пунктом были географические исследования и картографирование. Как отмечает А.В. Постников [11], исследования вопросов территориальной принадлежности памирских земель влияли на принятие решений стран-соперниц (России, Великобритании, Китая, Афганистана), включенных в «Большую игру» по вопросам территориальных притязаний сторон. П. Хопкирк отмечал, что «в те времена Китайский Туркестан и на

британских, и на русских картах изображался в виде обширного белого пятна с приблизительным обозначением местоположения городов и оазисов вроде Кашгара и Яркенда. Отрезанный от остальной Центральной Азии высокими горными цепями, а от Китая бескрайним пространством пустыни Такла-Макан, он оставался одним из наименее изведанных регионов земли» [13, с.383]. На этом фоне бесспорное преимущество англичан заключалось в том, что они к 1870-м годам знали о Памире и окружающих его странах больше, чем русские, которые были вынуждены опираться во многом на сведения, полученные в Центральной Азии косвенным путем. Помимо этого, информация предоставлялась их оппонентами на переговорах, ведущую роль в которых играл «лично знакомый» с Памиром сэр Дуглас Форсайт [11, с.47].

Чиновник англо-индийской администрации и политический советник по среднеазиатским делам сэр Дуглас Форсайт, дважды побывавший в Кашгарии, имел официальное звание «посланник в Яркенд» [14, р.49], считался специалистом по региону и важной фигурой в деле установления прочных отношений с новым кашгарским правительством. Тот же П. Хопкирк утверждал, что «в то время крайне трудно было провести разделительную черту между просто изысканиями и сбором разведанных», чем, собственно, и занималась экспедиция сэра Дугласа Форсайта, посланная летом 1873 г. лордом Нортбруком через Каракорум в Кашгарию. «The Illustrated London News» отмечают, что «сэр Д. Форсайт послан во владения эмира Якуб хана

для проведения переговоров по торговому соглашению»[18, 1874.21.11]. В другой статье консервативного издания “The Morning Chronicle” отмечалось, что «недавно начатые дипломатические переговоры», и, собственно, вся политика Британского правительства в Индии сводится к «нахождению прохода в эту отдаленную страну в целях коммерции» [17, 1875.03.04]. Д.С. Боульджер отметил живейший интерес, с которым англо-индийские власти относились к этому вопросу: «для нашей торговли открылся новый путь. Восточный Туркестан, помимо всего прочего, мог стать удобными воротами к рынкам Бухары и Кульджи. В наиболее близком соседстве с нами можно было бы возродить нефритовые промыслы Хотана, и одна только шерсть Татарии, пользующаяся старинной славой, составила бы важную статью торговли. Да и манчестерские и индийские товары имели широкие возможности сбыта в густо населенных районах Яркенда и Кашгара»[15, р. 216]. Естественно, эта дипломатическая миссия, тонко замаскированная под коммерческую, имела совсем иные цели: собрать как можно больше политических и стратегических данных о спорном с Россией регионе. Официальные цели миссии определяли специфику информации, представленной в прессе метрополии. К 1870-м гг. активность британских путешественников в этом регионе стала носить легальный характер, что, во многом, способствовало появлению обширных данных о соседней с Британской Индией стране, которые публикуются в виде многочисленных отчетов, сообщений, исследований [1, с.105].

В этой связи в прессе метрополии начался процесс повышения интереса общественности к новому государственному образованию Йэттишар. Так, сюжетные линии включали в себя главным образом топографию местностей, описания городов, а параллельно с этим читателям предоставлялась информация о культуре и традициях неизведанного региона мира. Важно, что специфика изучения текста и иллюстраций в первом иллюстрированном журнале метрополии “The Illustrated London News” проявляется в неразрывной взаимосвязи вербального и невербального компонентов. Лингвисты ввели понятие креолизованного, или семантически «нагруженного» текста. Разделяя мнение о том, что вербальный компонент (собственно текст) наполняется особым значением, если соотносить его с изображением, мы говорим об огромной силе воздействия креолизованного текста на читательскую аудиторию. Расшифровка языка знаков или креолизованного текста – это метод изучения системы ценностей поздневикторианского общества, особенностей его колониального мировоззрения, и, детальнее, представлений о колониальном «Другом».

Мы не найдем в образе Кашгарии ярких, подробных характеристик «Другого» мира, образы складываются из отрывочных сведений о далекой горной стране, в первую очередь, о ее географии.

«С эскортом пехоты и конницы корпуса разведчиков, многочисленными переводчиками, секретарями, клерками и слугами делегация насчитывала триста пятьдесят человек и пятьсот пятьдесят вьючных

животных»[13, с. 413] и по праву считается самым многочисленным караваном за всю историю англо-кашгарских связей. Путь их лежал из Индии через Гималаи и Каракорумские горы, пересекал высокогорную долину Ладак и кончался в Яркенде и Кашгаре. Заявляя, что они посещают страну исключительно для налаживания торговых сношений, не было ничего подозрительного в том, что члены миссии фиксируют точные географические координаты всего, что встречается им на пути: горы, перевалы, реки, долины, редкие населенные пункты и т.д. В отчете одного из членов экспедиции сообщалось, что «путь туда невероятно труден и утомителен»[18, 1874.16.05].

То, как репрезентуется путешествие членов миссии Д. Форсайта на страницах газет и в мемуарах члена экспедиции доктора Беллью, скорее напоминает приключенческий жанр европейского романа XIX века, чем отчет. Этот жанр, действующий в рамках неоромантической системы ценностей, стал одним из выражений художественной версии «нового империализма» в последней трети XIX в. Члены миссии шли нехоженными путями в неизвестную страну, бросали вызов смерти и боли. Они вполне представляются читателям «героями своего времени», на которых стоит равняться, действующих на благо родине, воплощающих собой моральное кредо «сильного человека», воспетого в романах этого периода. Наши герои действовали «отнюдь не в тепличной среде, сталкиваясь<...>с чрезвычайными обстоятельствами, требующими напряжения всех сил, энергичных, самостоятельных решений и

действий»[12, с.6]. Так, отважные члены экспедиции были поставлены в дикие условия «этой негостеприимной местности»[12, с.139], с истинно англосаксонским мужеством вынося проблемы нехватки кислорода в горах, ночевки на ледниках, сильные ветра и холод, жгучую белизну снегов, срыв людей и лошадей с обрывов, пургу. Доктор Беллью вспоминал: «экспедиция двигалась медленно, с усилиями от станции до станции, где можно было поесть, отогреться и отдышаться, поджидая багаж»[2, с.14].

Тематика записок доктора, посвященная описаниям дороги в Кашгарию, авантюрно-приключенческая, которую впервые использовал еще Д. Дефо. Так, проход Санджу - один из самых сложных - наиболее соответствует художественному описанию невзгод, выпавших на долю смелых миссионеров: «характер подъема...особенно дик и неприятен. А между тем это только слабое представление того, что нам показал следующий день. Горы возвышаются на страшную высоту совершенно голые, неровные утесы хмурятся над узкими ущельями, извивающимися между ними, и смотрят с угрозой, вполне объяснимой массой осколков, ...которые отскочив от верхних скал, ушибли наших проводников и лошадей...Не смягченная дикость мест утомительна своим однообразием...Со всех сторон сланец и шифер, и со всех сторон одинаково обнажен и отвратителен...Высота этого места равнялась 12,050ф., и холод был жестокий». «Дорога наша - если только можно назвать дорогой место, по которому мы вели своих лошадей, карабкаясь, перелезая и

перескакивая через груды утесов, то попадая в расщелину между камнями, то шагая через труп вьючной лошади, которая, не в силах будучи служить, заполняла телом своим яму, и улучшала путь для следующих товарищей по труду»[2, с.154].

Не только привычные лошади сопровождали европейцев на пути в Кашгарию. Экзотика Восточного Туркестана представлена на страницах журнала визуальным образом верблюда. Ведь, в отличие от Индии, здесь культура и народы малоизвестны англичанам и привлекают внимание читателей. Интерес к «кораблям пустыни» (см. рис. 1) следует объяснять также коммерческой необходимостью, так как верблюд в этих землях – главный транспорт, «выносливые верблюды, которые в частом употреблении в этой стране, готовы преодолеть как далекие пустыни Гималаев и Памира, так и зыбучие пески пустыни Гоби»[18, 1875.23.01]. Иллюстрация дает нам образ из повседневной жизни – привал торгового каравана на горной тропе. Здесь интерпретация сводится к экзотичному восприятию «этого навьюченного животного». Двугорбый верблюд – это и предмет изучения, и незаменимый транспортировщик груза. Образ вьючного животного абсолютно типичен для восприятия среднеазиатских государств, его мы встречаем и в описаниях Афганистана. В какой-то степени, спокойствие, неторопливость, размеренность поступи, благородство, выносливость верблюда ассоциируется с образом самого Востока. Это хорошо видно из иллюстрации, которая так гармонично рисует сцену отдыха навьюченных товаром верблюдов

и каравановожатых. «Это может показаться удивительным, но дело в том, что торговый караван совершает свои переходы главным образом ночью, так как короткие осенние и зимние дни почти полностью заняты пастьбой верблюдов. Выступает караван вскоре после заката и идет всю ночь почти до рассвета; днем каравановожатые спят, готовят себе пищу, а верблюды после отдыха пасутся. Ночью в поисках корма они бы разбрелись далеко по степи, могли бы подвергнуться нападению волков или конокрадов, тогда как днем они всегда на виду и их можно быстро собрать для вьючки»[10, с.78].

Основа мироощущения автора мемуаров, доктора Беллью, проявляется через динамику рассказа: меняются места, люди, впечатления, он рисует себя и своих соотечественников людьми действия, противопоставляя это действие пассивности и боязливости туземцев. Случай проверить на деле волевые качества обеих сторон скоро представился: при подъеме на перевал Санджу случился обвал, «ужасный треск<...>верхняя часть прохода была одета густым туманом, из-под которого по краям виднелись люди и скот<...>Пока мы на них смотрели, другой обвал обрушился на сто <...>ярдов вправо от прохода и покатился в бездну тотчас же за тем местом, с которого мы смотрели на проход»[2, с.158]. Счастливая случайность уберегла жизни экспедиторов, и доктор Беллью, вернувшись на тропинку, чтобы «сесть на яка» встретил одного из турок, оставленного им у подножия крутизны. «Он был до того расстроен, что не обращал внимания на развевающееся по ветру свое широкое платье. Взглянув на

меня с печальным видом, уныло качал головой, и монотонно повторял: 'Фана! Чок фана!')[в переводе: «страшно, очень страшно!»], цит. по: 2, с.159]. Какая реакция в чрезвычайных обстоятельствах должна была последовать от неоромантического героя? Конечно, ему на выручку незамедлительно приходит чувство юмора: «я не мог удержаться от смеха при его забавном выражении горя». Более того, моральное кредо долга и помощи ближнему заставляет доктора «ободрить его, дав глотнуть водки из моей медной фляги, что он сделал не хуже христианина и посадил его на своего пони»[2, с.159]. Как и в структуре романтического произведения, так и в мемуарах доктора обязательно присутствует противопоставление крайностей - в данном примере - смелости англичан и трусости местных жителей.

Экспедиционные зарисовки помогают читателям составить впечатление о трудностях и опасностях дороги: долина р.Шайок среди Каракорумских гор - пустынна и сурова ко всему живому (см. рис. 2), воды реки наполняют растаявшие ледники, через которые переправлялись люди и вьючные животные (см. рис. 3). Приходилось пробираться через «узкие ущелья, окаймленные гранитными горами, отягощенными вечным снегом»[2, с.225], «завтракать на высоте 17.000 ф. над уровнем моря. Держать путь длиной в 18 миль через ледники, по сравнению с которыми ледники Швейцарии - ничто»[19, 1874.16.01]. Экспедиция сталкивалась с опасными расселинами в ледниках, не видных под слоем вновь выпавшего снега. Доктор Беллью, сопровождавший экспедицию, в своем отчете писал,

что «многие из наших спутников страдали на высоте головной болью, тошнотой и головокружением, так что даже сваливались с лошадей, причем нередко повреждали себе щеки и руки об утесы и лед». Учитывая, что звание доктора само по себе обязывает к проявлению стойкости и бесстрашия перед лицом смерти, а также милосердия к не имеющим таковых добродетелей людям, мы наблюдаем иное противопоставление крайностей, когда миссия пробиралась через Каракорумское плато. Люди и животных «страдали от недостатка необходимого кислорода...некоторые из нашего отряда совершенно падали, и просили моей помощи». А страдания одного «отважного» афганца очень «забавляли из-за сердитого ворчания и жалоб»[2, с.118,132-133]. Стойкости мирного доктора противостоит нехватка самообладания воина-афганца, клянчащего «медикаментов», хотя ему в большей степени привычны горные трудности, чем европейцам. Подобных примеров, когда полярные характеристики помогают англичанам осмысливать некую схожесть между «Своим» и «Чужим», множественны. Картину дополняла зарисовка и описание транспортировки багажа через перевал Угрюмый – последний рубеж к Яркенду: «Холод был ужасный, и по реке кое-где бежали льдины, переправляться через нее было не очень приятным делом<...>над нами висели остроконечные пики гор, ненадолго пропускающие дневной свет, что оправдывало название местности – Угрюмый перевал»[18, 1874.24.01]. (см. рис. 4)

Виды «голой бесплодной почвы», «ужасное уединение пустыни» и «преграды мрачного ущелья»[2, с.163]

постепенно сменяются этнографическими подробностями городской жизни в «средоточии Азии». Добравшись в конце сентября 1873 г. до Яркенда, миссия сэра Д. Форсайта имела в распоряжении три недели для сбора всевозможных данных, чтоб затем двинуться к Кашгару. Какими англичане рисовали себе города, подвластные Якуб беку? Свойственный неоромантизму реалистический окрас лишает Кашгарию «ослепительного блеска, наполняясь тревожной и значительной реальностью»[4, с.22] цивилизационного убожества кашгарских городов.

Столицы они характеризуют как «древние города», что в восприятии англичан отождествляется с понятиями отсталости, упадка, ушедшего величия: «Вероятно, Яркенд, этот древний город, не сильно изменился со времен Марко Поло - пяти с половиной вековой давности. Он построен из глины и грязи, и окружен стеной из тех же материалов 25 ф. на 30 ф. в высоту с пятью воротам».[18, 1874.16.05], (см. рис. 5). Англичане обнаруживают плохую обороноспособность города, разгильдяйство властей, наблюдая, что: «рва нет, и высота стен значительно складывается горами мусору, образующими местами скат, начинающийся от самого верху, так что взобраться на стену вовсе не трудно». Характерен взгляд путешественников на стражников форта и внутренних сооружений города: они сравниваются «со статуями» или с «деревянными обрубками, безмолвными и неподвижными»[2, с.195, 200].

Описывая свои наблюдения за повседневной жизнью яркендцев, англичане обнаруживают много

существенных отличий от европейских реалий жизни, вызывающие неприятие и отторжение. Так, отсутствие водопровода объясняет популярность городских водоемов, которые становятся знаком инаковости для англичан. Они отметили одну особенность, «не встречаемую нигде более в Центральной Азии», а именно - «маленькие скверы с водоемами, в тени прекрасных серебристых тополей и ив». Но «прекрасное» на этом и заканчивается. Уличные нечистоты и пыль, «женщины, стирающие грязное белье и тут же - мужчины, наполняющие свои капаки (пустые тыквы)». Символ антигигиены описан в оттенках возмущения и безразличия: «дно совершенно черно от опавших листьев и от слоя пыли, нанесенного ветром». В этих рассадниках заразы, как узнали члены экспедиции, «зимой, когда замерзают каналы, вода не меняется по три, четыре недели кряду». Никакой экзотики, только хаос, нечистоты, запустение звучат в оценках внешнего и внутреннего устройства города: «Улицы и дома кривы и неправильны, как и всюду в городах Востока<...>частные жилища снаружи имеют такой вид, как будто они оставлены в полном небрежении, а лавки на базарах и улицах хуже, чем в городах Индии»[2, с. 196]. Отсутствие культуры городского пространства, подмеченное англичанами, позволяет характеризовать население «полуварварами»[21, 1875. 2.02; 22, 1875.2.02; 17, 1875.3.02]. И найти что-то, достойное внимания в полуварварском государстве, становится все сложнее: «там и сям посреди улиц мы не встречаем ничего достойного внимания, кроме ворчащих на нас паршивых, голодных собак, обнюхивающих кучи мусору, да

детей, играющих с детским увлечением в грязи перед дверями домов»[2, с.206].

Изображения мусульман в наших иллюстрациях всегда однотипны. Визуальная характеристика мужчин из номера в номер, независимо от географии местности проявляется в изображении бороды, чалмы или тюрбана, платья. Это визуальные знаки чужака, иноверца. Ведь, по меткому замечанию Н.А. Белолипецкой, «провозглашение собственного религиозного превосходства было еще одной стороной представления об универсальности технического прогресса. Логическая связь была достаточно простой: поскольку Запад смог добиться выдающихся успехов на пути прогресса, то породившая этот прогресс религия автоматически также становилась передовой по сравнению с остальными» [5, с. 221-228].

Оказавшись в зоне, более цивилизованной, чем ущелья, перевалы и долины, тональность отчетов и писем членов экспедиции на родину претерпевает заметные изменения. Сэр Д. Фосайт писал своему брату Вильяму: «что поразило меня больше всего - это атмосфера комфорта, витающая над его владениями. Вдоль улиц городов виднеются магазинчики. Торговцы здесь хорошо устроились. Обыватели хорошо одеты, носят качественную обувь, пальто, и даже самый нищий попрошайка не остается голодным. Еды здесь в изобилии, у жителей всегда на столах есть мясо»[21, 1874.3.04; 20, 1874.3.04]. (см. рис. 6) Эти сведения представляют значительную важность в свете официальной цели британской миссии в Восточный Туркестан, а именно - «добиться от Якуб Бека

торговых льгот наподобие предоставленных русским»[13, с.413.]. Здесь имеется ввиду русско-кашгарский торговый договор, заключенный в 1872 г [9]. Изначально было ясно, что англо-индийская торговля в Восточном Туркестане не могла приобрести большого масштаба и конкурировать с российской в силу несравнимо более благоприятных условий, которыми располагала Российская империя для осуществления торговли в этом крае: географически Восточный Туркестан более тесно примыкал к Русскому Туркестану, был более доступен для проникновения со стороны Российской территории, чем со стороны Британской Индии и даже внутреннего Китая. Как выяснит путешественник Шоу, а следом за ним и миссия Д. Форсайта, высокогорный Каракорумский перевал, через который могло осуществляться караванное сообщение между Индией и Восточным Туркестаном, был открыт только пять-шесть месяцев в году. К тому же для реализации на восточнотуркестанском рынке привозился по преимуществу товар, производившийся не в Англии, а в индийских городах, которые облагались в Индии таможенной пошлиной [7, с.177]. Таким образом, подвел итог П. Хопкирк, «общирные рынки для европейских товаров, в которые так верили англичане, оказались иллюзией»[13, с.418].

Но в 1873 г. сэр Д. Форсайт и члены его миссии надеялись, что рынки Азии - бездонны, доктор Беллю засвидетельствовал, что ему «были показаны образцы так называемого 'павлиньего золота' - с примесью сернокислой меди, найденного в Шайокской долине»[2, с.121]. В

двенадцати милях от Шахидулла, выше по р.Каракаш, экспедиторы обнаруживают «нефритовые копи у подножья Куэнлуньского хребта». В свете этой информации муниципальные торговые палаты, частные торговые компании и предприниматели буквально наводнили в феврале - апреле 1873 г. индийский форин офис заявлениями, требуя ускорить поиск новых караванных путей в Кашгарию, и активизировать торговлю с Якуб бекком посредством заключения торгового договора. Подобный энтузиазм был также вызван заявлением предыдущего путешественника в эту страну - Р. Шоу о том, что английских купцов там ждет торговля «с шестью миллионами потребителей чая и ситца»[1, с.119].

Члены миссии Форсайта видели, что страна Якуб Бека «богата природными ресурсами. Золото, медь, свинец, каменный уголь имеются в любых количествах»[21, 1874.03.04; 22, 1874.03.04]. Но самое главное, отмечал глава экспедиции, «правитель имеет сильное желание вести их добычу»[22, 1875.02.02]. И, недвусмысленно добавлял он, «в мою задачу входит склонить его волю в русло созидательного начала, и я уверен, что если бы Якуб хан был более последовательным, то многого бы добился в деле разработки полезных ископаемых своего королевства». Вне всякого сомнения, сэр Дуглас рассчитывал поспособствовать этой добыче всеми силами при условии, что разработка природных ресурсов будет вестись под британским контролем.

Структура описаний, свойственная викторианской прессе, предусматривает контрастное изображение

разных тем и сюжетов. Так, все, что члены миссии видят в «этой восточной стране»[22, 1875.02.02] представляется им «интересными контрастами». Например, фигура дервиша или «попрошайки» привлекла внимание англичан. «Дервиш, стоящий на самой нижней ступени социальной лестницы, снискал уважение ни много ни мало, самого Правителя, который правит миллионами и владеет несметными сокровищами»[18, 1874.14.11]. Иными словами, здесь осмысление инаковости реалий мусульманского мира строится по принципу антитезы. Более того, С.И. Лучицкая пришла к выводу, что в этом случае «инаковость чужих традиций не только не принимается в расчет, но и наделяется отрицательным смыслом»[8, с.347]. Поэтому уважение, исходящее от власть имущих к попрошайкам, кажутся нелепым и противоречит принципам логики европейского мира. Англичане прямо заявляют, что «дервиш Центральной Азии - истинное воплощение восточной жизни», как они себе ее представляют: «леность, фанатизм, неопрятность: вот черты, почитаемые как достоинства, которые тот постоянно демонстрирует на публике»[18, 1874.14.11]. Наполняя уже имеющийся в национальной памяти обобщенный образ Востока новыми оттенками, англичане отмечают, что даже «религиозный фанатизм, свойственный их словию»[2, с.210], на самом деле отражает лишь стиль жизни населения Восточного Туркестана, «которые обычно придаются забаве и веселью, а дервиши, столь популярные в стране, должно быть нечто вроде трубадуров». Описание внешнего вида дервиша как

атрибутов инаковости, соответствует внутреннему содержанию этой фигуры: «одетые в лохмотья, дервиши презирают холод и топят заботы в диких песнях своего ремесла<...>Они носят<...>какую-нибудь шкуру, закинутую на спину. Спереди висит на шее нищенское корытце, а в руке толстая дубина или железная палка с бренчащими кольцами. Это бренчанье составляет аккомпанемент к их песням»[18, 1874.14.11]. (см. рис. 7) Доктор Беллью характеризует их как «ленивый и негодный народ». Их «неистовство»[17, 1874.13.11] воплощает нечто иррациональное, нездоровое и противопоставлено рациональности и здравомыслию европейского мира.

Таким образом, антитеза - наиболее яркий прием, который позволяет читателям осмыслить различие между их миром и миром Азии в категориях дихотомии. Конечным образом в умах викторианцев является разведение европейцев и кашгарцев по разные стороны полюса.

Символика восприятия географического положения этой местности, располагающегося «в самом центре азиатского континента»[18, 1874.28.11] свободно проецируется и на культурную составляющую образа региона - это средоточие Азии. Какую смысловую нагрузку несло в себе такое определение? Безусловно, какая бы заморская культура не бралась в расчет, она заранее проигрывала британской в уровне развития, будучи сравненная с ней по уровню цивилизованности и прогрессивности. Такая недифференцированность Востока («Восток есть Восток» - «они»)

противопоставляется мощи Запада. Этноцентризм ярко иллюстрируется такими культурными стереотипами восприятия Кашгарии, как низкий уровень цивилизованности, невежества и варварства туземцев: «жителей Центральной Азии отличает узость взглядов на цивилизацию<...>они склонны ко многим предрассудкам». Такие примеры, как ознакомление местных жителей с образцами последних технических новинок, формируют для читателя яркий образ «Другого». Так, «подарки посланника к эмиру<...>возбудили удивление<...>Швейные машинки<...>скоро попали в гарем, где прекрасные пальчики не замедлили их испортить». Мало того, человек посланный эмиром для обучения технике шитья, «оказался плохим учеником». Благодетели, рассчитывавшие на горячую благодарность, встретили непонимание и недоверчивость: «мы рассчитывали показать силу телеграфного аппарата через передачу сообщений из резиденции посланника во дворец эмира и обратно<...>Но его высочество не выражал желания видеть его в действии». «То же было», - сетует доктор Беллью, - «и с моделями паровозов и пароходов». Вывод не замедлил себя ждать: доктор объясняет отсутствие разумного любопытства «предрассудком, что они (техника) измышления дьявола», и тут же дает более рациональное пояснение: «придворные и эмир совершенно не поняли смысла их употребления и силы»[2, с. 148, 230].

Таким образом, описание долгого, опасного пути в неведомое для викторианцев азиатское царство подогрело интерес к конечной цели путешествия - его столице, а посредством

употребления таких лексических средств художественной выразительности, как сравнения и эпитеты, статьи и иллюстрации формировали образ Восточного Туркестана как страны суровой, угрюмой, холодной и дикой [18, 1874.10.01].

Перспектива торговли с «шестью миллионами потребителей чая и ситца» [20, 1874.02.03] оказалась мыльным пузырем. Путешествие в Кашгар, профинансированное Королевским Географическим обществом во главе с сэром Генри Роулинсоном, воспринималось как географический аспект Большой Игры [13, с.402]. И на этом поприще - сбора топографических данных - англичане значительно преуспели. Еще никогда английские

военные не приближались так близко к русским пределам: от Нарынского укрепления их отделяло несколько десятков км. После визита Форсайта Кашгар стал рассматриваться не как плацдарм прямого вторжения в Индию, а как потенциально богатая база снабжения войск на фланге вероятного удара, наносимого значительно западнее (через Кабул и Пешавар в Пенджаб) [1, с.123]. Соответственно и британская пресса, привлекая внимание общественности к теме Восточного Туркестана, стремилась реализовать новый элемент имперской идеи, подготавливая жителей метрополии к возможным активным действиям в Кашгарии против России.

Список литературы

1. Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека. - Из истории международных отношений в Центральной Азии. Алма-Ата, 1990. -198 с.
2. Беллью. Кашмир и Кашгар. Дневник английского посольства в Кашгаре в 1873-1874 гг. СПб., 1877. – 309 с.
3. Богомолов С.А. Художественная версия концепции «Нового империализма» в неоромантизме Р.Л. Стивенсона // Вестник ОГУ.2004. №2. С.26-29.
4. Богомолов С.А. Художественное пространство Британской империи в творчестве Дж. Конрад // Вестник ОГУ, 2004. № 6. С.21-27.
5. Белолипецкая Н. А. Формирование британских стереотипов восприятия Египта в конце XIX – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. 2009. № 4(66). С. 221-228.
6. Канонистова З.С. Стереотипы восприятий и представлений в истории. Особенности формирования образа «чужого» народа (на примере восприятия англичан в русском обществе во второй половине XIX – начале XX вв.) [Электронный ресурс]: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9738/11.pdf> (режим доступа: - 06.07.2010)
7. Кляшторный С.Г., Колесников А.А., Басханов М.К. Восточный Туркестан глазами европейских путешественников. Алма-Ата, 1988.
8. Лучицкая С.И. Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.- 412 с.
9. Моисеев С.В. Миссия А.В. Каульбарса в Йэттишаре и подписание русско-кашгарского торгового договора в 1872 г. // Россия, Сибирь и Центральная Азия:

взаимодействие народов и культур. Материалы III международной научно-практической конференции. Барнаул, 2001.

10. Обручев В.А. В дебрях Центральной Азии. М., 1951.- 320 с.
11. Постников А.В. Схватка на „Крыше Мира” (политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX в.): Монография в документах. М., 2001. — 512 с.
12. Урнов М.В. Джозеф Конрад. М., 1977. - 268 с.
13. Хопкирк П. Большая Игра против России: Азиатский синдром. М., 2004.- 640 с.
14. Alder Dr Garry. British India's Northern Frontier, 1865— 1895. 1963. L., 1963.- 271 p.
15. Boulger D.C. The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar. L., 1878.-321 с.
16. Forsyth T.D. Report of a Mission to Yarkand in 1873. Calcutta: Foreign Department Press, 1875. - 405 p.
17. The Daily Telegraph. 1874-1875
18. The Illustrated London News. 1874-1881.
19. The Leeds Intelligencer. 1878.
20. The Manchester Courier. 1874-1875, 1878.
21. The Morning Post. 1874-1876.
22. The Standard. 1874-1876.

THE IMAGE OF THE COLONIAL "OTHER": EAST TURKESTAN IN THE VIEWS OF THE BRITISH IN THE 1870s.

The article reveals the mechanisms of the East Turkestan's image representation which represented in British press during Kashgaria's expedition of sir D. Forsythe - an official of the Anglo-Indian administration and the political Adviser on Central Asian Affairs. The theme fits into the problems of the image of the colonial "Other". The process of its formation is shown through the investigation of the textual and visual components of the East Turkestan's image which represented in British press during the period. It is the analysis of the novation and continuity of metropolitan citizens' perception of their colonies that is in the focus of our attention in the first mass illustrated magazine "The Illustrated London News" and such conservative press as "The Daily Telegraph", "The Morning Post", "The Standard", "The Manchester Courier", "The Leeds Intelligencer". It is the analysis of specific stylistic means that helps to construct the image of the colonial "Other" on the pages of the British press. The author analyzes the peculiarities of the Victorians' perception of the political titlature of East Turkestan, local residents, their appearance and personal qualities, natural conditions, cities, settlements, and features of everyday life.

Keywords: image, colonial, "Other", difference, semi-barbarians, representation, perception, Victorian ideas, stereotype.

References

1. Baskhanov M.K. (1990). Politika Anglii v otnoshenii gosudarstva YAkub-beka. - Iz istorii mezhdunarodnyh otnoshenij v Central'noj Azii [The policy of England in relation to the state of Yakub-bek. - history of international relations in Central Asia].

Alma-Ata. 198 s.

2. Bell'yu. (1877). Kashmir i Kashgar. Dnevnik anglijskogo posol'stva v Kashgare 1873-1874 [Kashmir and Kashgar. Diary of the British Embassy in Kashgar 1873-1874]. SPb. 309 s.

3. Bogomolov S.A. (2004). Hudozhestvennaya versiya koncepcii «Novogo imperializma» v neoromantizme R.L. Stivensona [An artistic version of the concept of "New Imperialism" in the Neo-Romanticism of R. L. Stevenson] // Vestnik OGU. №2. S.26-29.

4. Bogomolov S.A. (2004). Hudozhestvennoe prostranstvo Britanskoj imperii v tvorchestve Dzh. Konrad [The art space of the British Empire in the works of J. Conrad]. // Vestnik OGU. № 6. S.21-27.

5. Belolipeckaya N. A. (2009). Formirovanie britanskih stereotipov vospriyatiya Egipta v konce XIX – nachale HKH v. [Formation of British stereotypes of perception of Egypt in the late XIX-early XX century]. // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. № 4(66). S. 221-228.

6. Kanonistova Z.S. (2010). Stereotipy vospriyatij i predstavlenij v istorii. Osobennosti formirovaniya obraza «chuzhogo» naroda (na primere vospriyatiya anglichan v russkom obshchestve vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.) [Stereotypes of perceptions and representations in history. Features of the formation of the image of the "foreign" people (on the example of the perception of the British in Russian society in the second half of the XIX-early XX centuries)]. [Elektronnyj resurs]: <http://www.sgu.ru/files/nodes/9738/11.pdf>

7. Klyashtornyj S.G., Kolesnikov A.A., Baskhanov M.K. (1988). Vostochnyj Turkestan glazami evropejskih puteshestvennikov [East Turkestan through the eyes of European travelers]. Alma-Ata. 290 s.

8. Luchickaya S.I. (2001). Obraz Drugogo: musul'mane v hronikah krestovyh pohodov [The image of the Other: Muslims in the chronicles of the Crusades]. SPb. 412 s.

9. Moiseev S.V. (2001). Missiya A.V. Kaul'barsa v Jettishare i podpisanie russko-kashgarskogo trgovogo dogovora v 1872 g. [A. V. Kaulbars ' mission to Yettishar and the signing of the Russian-Kashgar trade treaty in 1872]. Rossiya, Sibir' i Central'naya Aziya: vzaimodejstvie narodov i kul'tur. // Materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Barnaul. S. 15-28.

10. Obruchev V.A. (1951). V debryah Central'noj Azii [In the wilds of Central Asia] Moscow. 320 s.

11. Postnikov A.V. (2001). Skhvatka na „Kryshe Mira” (politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX v.): Monografiya v dokumentah [The battle on the "Roof of the World "(politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamirs in the XIX century)]. Moscow. 2001. 512 s.

12. Urnov M.V. (1977). Dzhozef Konrad [Joseph Conrad]. Moscow. 268 s.

13. Hopkirk P. (2004). Bol'shaya Igra protiv Rossii: Aziatskij sindrom [The Big Game against Russia: Asian Syndrome]. Moscow. 640 s.

14. CHuchin-Rusov A.E. (1996). Gendernye aspekty kul'tury [Gender aspects of

culture] // *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*. №6. S.141-153.

15. Alder Dr Garry. (1963). *British India's Northern Frontier, 1865— 1895*. L. 271 p.

16. Boulger D.C. (1878). *The life of Yakoob-Beg: Athalik Ghazi and Badaulet: Ameer of Kashgar*. L. 321 c.

17. Forsyth T.D. (1875). *Report of a Mission to Yarkand in 1873*. Calcutta: Foreign Department Press. 405 p.

18. *The Daily Telegraph*. 1874-1875

19. *The Illustrated London News*. 1874-1881.

20. *The Leeds Intelligencer*. 1878.

21. *The Manchester Courier*. 1874-1875, 1878.

22. *The Morning Post*. 1874-1876.

23. *The Standard*. 1874-1876.

Список иллюстраций

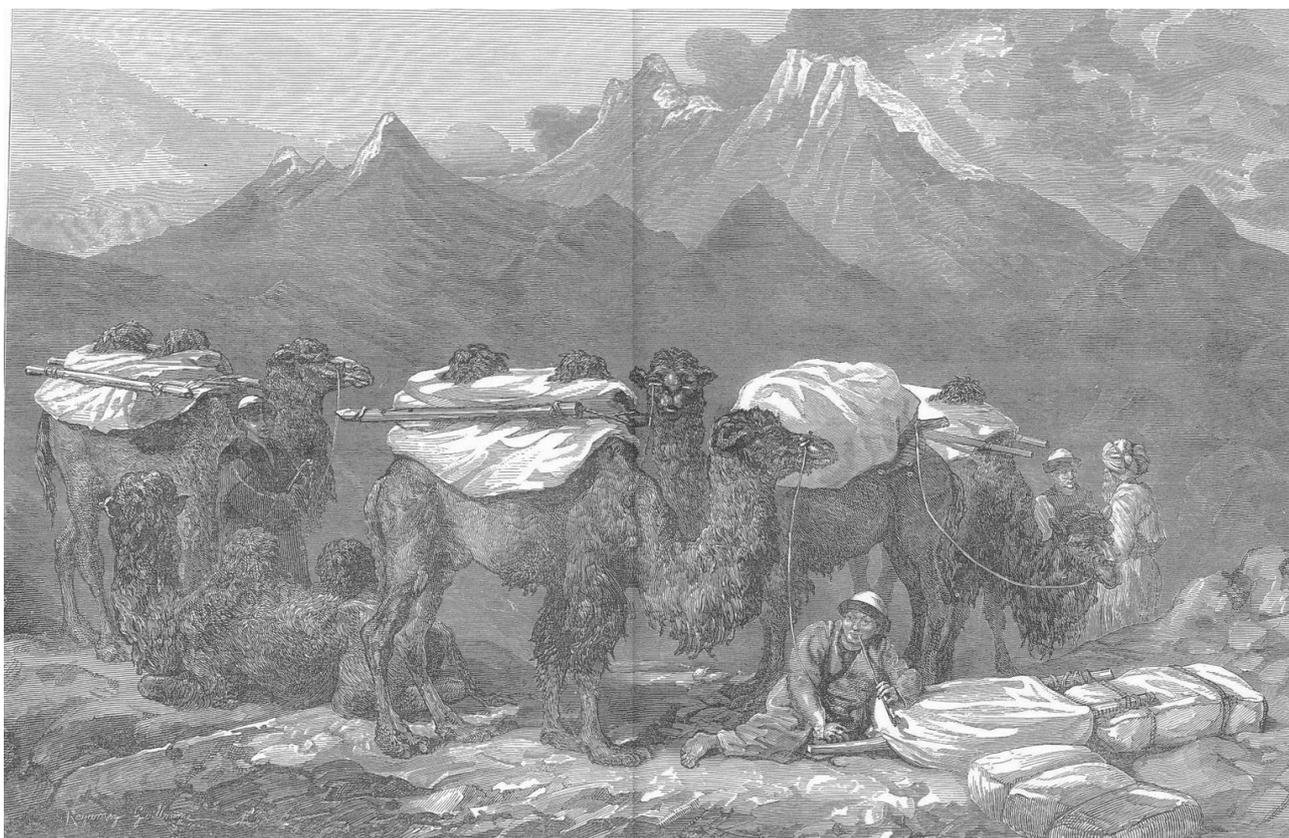

Рисунок 1 - *The Illustrated London News*. 1875. 23 января.
Корабль пустыни.

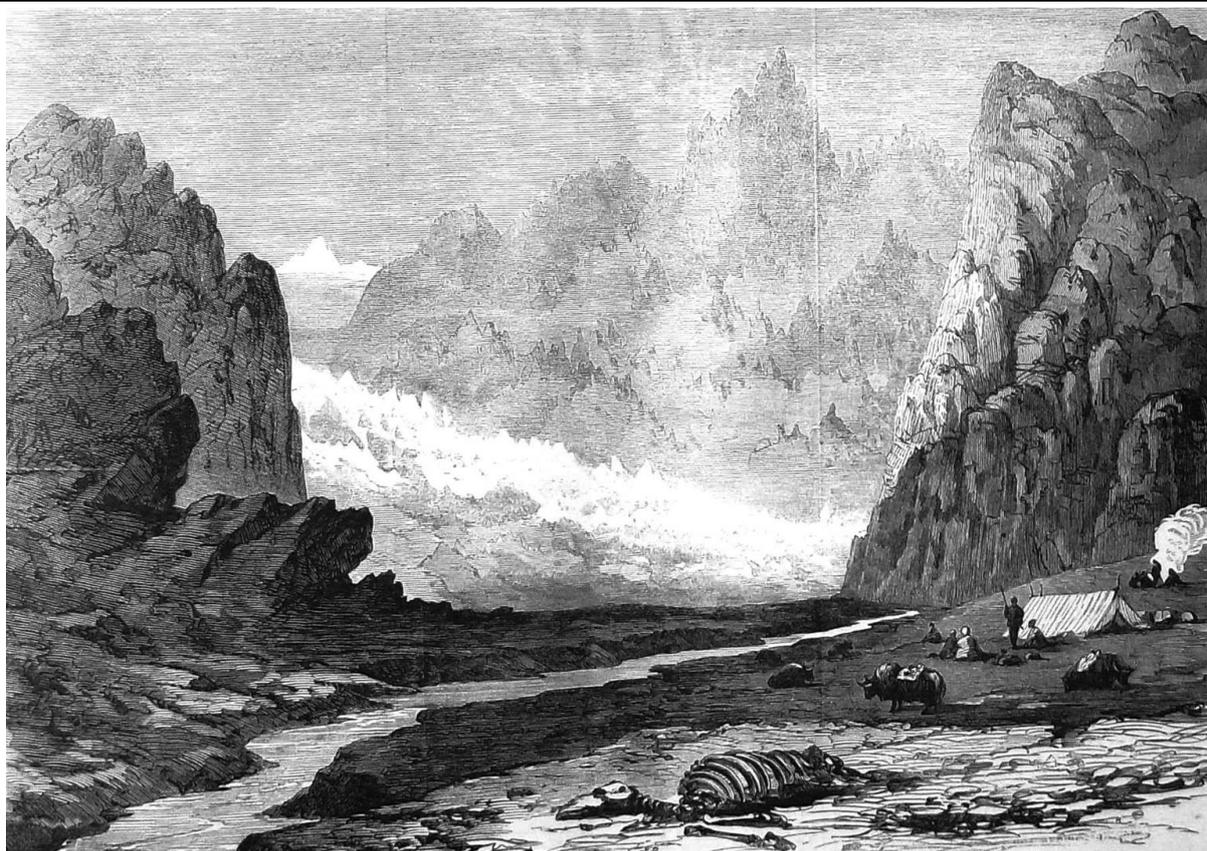

Рисунок 2 - The Illustrated London News. 1874. 16 января.
Долина реки Шайок.

Рисунок 3 - The Illustrated London News. 1874. 16 января.
Угрюмый перевал.

Рисунок 4 - The Illustrated London News. 1874. 24 января. Переправа.

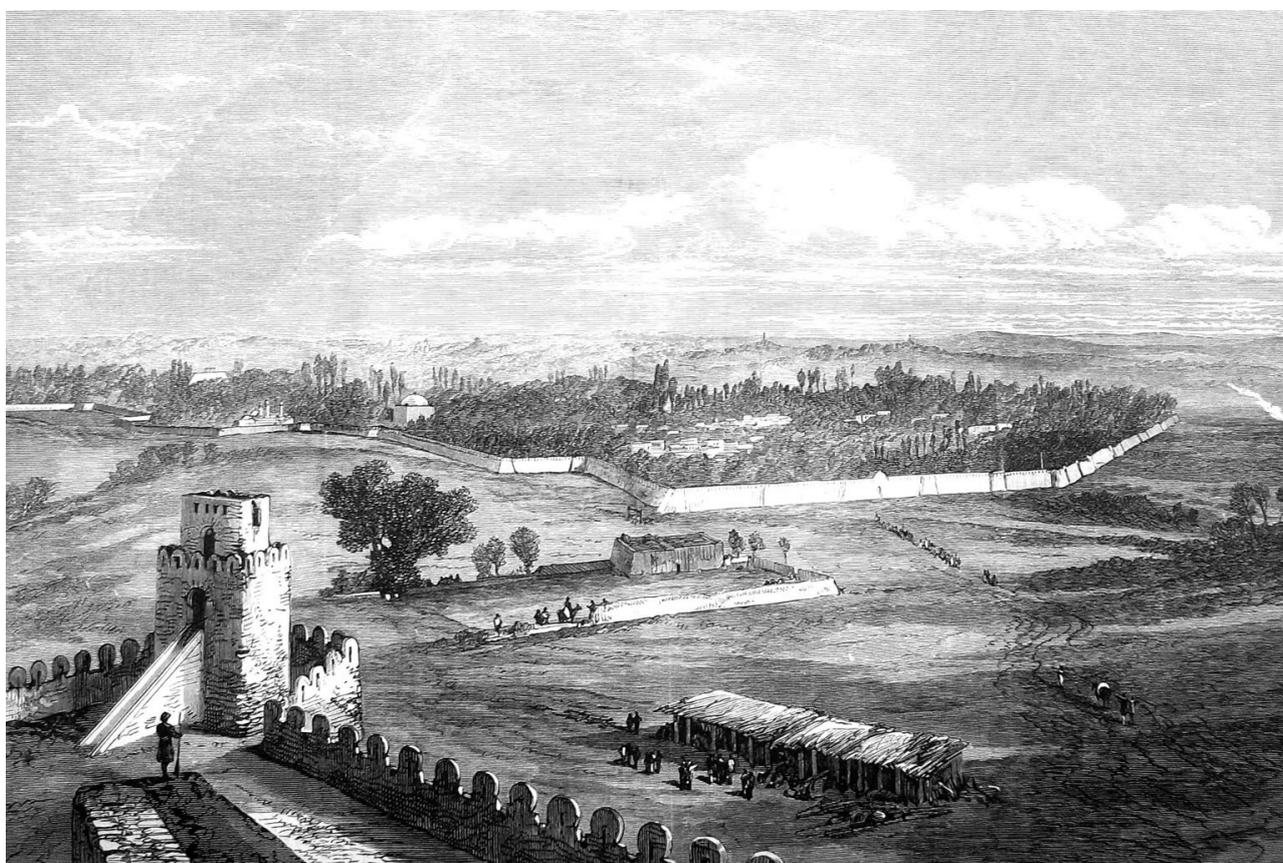

Рисунок 5 - The Illustrated London News. 1874. 16 Мая. Яркенд.

Рисунок 6 - The Morning Post. 1874. 3 апреля. Уличные торговцы.

Рисунок 7 - The Illustrated London News. 1874. 14 ноября. Дервиши.

Об авторе

Богомолова Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории, Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского (Россия), E-mail: natalie_bogomolova@mail.ru

Bogomolova Natalia Nikolaevna – Candidate of Historical Sciences, senior lecturer of the department of General History, Bryansk State University (Russia), E-mail: natalie_bogomolova@mail.ru

УДК 2-9:94:908

Дроботушенко Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ПО ЗАКРЫТИЮ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ В 1930-е гг.

В статье характеризуются особенности деятельности советской власти в Восточном Забайкалье по закрытию православных храмов в самый сложный период его православной истории – в четвертом десятилетии XX в. Отмечается, что данное время в истории православия региона изучено слабо. Имеющиеся немногие публикации содержат отрывочные данные по проблематике. Это предопределило обращение к источникам – документам Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). На их основе приводятся данные о конкретных церквях, в отдельных случаях, описывается процесс закрытия, говорится о некоторых общинах верующих, характеризуется переписка верующих с ВЦИК, содержащая жалобы на действия местных и региональных властей. Исследование опирается на принципы объективности и историзма. В основу работы легли общенаучные методы сбора, анализа и синтеза материала, а также специальные методы исторического познания. Отмечается, что в истории закрытия церквей в Восточном Забайкалье в 1930-е гг. существуют спорные моменты, требующие уточнения. В целом, данные по проблемному полю статьи, на сегодняшний день, представляются отрывочным, что предопределяет необходимость дальнейшей работы с источниками для уточнения имеющейся информации и дополнения картины новыми фактами.

Ключевые слова: православие, церковь, собор, храм, антирелигиозная деятельность власти; Восточное Забайкалье.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-34-45

История православной церкви в Забайкалье насчитывает более трех столетий. Наиболее изученным на сегодняшний день является досоветское время. Это предопределено наличием в региональных архивах материалов двух субъектов Российской Федерации, Республики Бурятия и Забайкальского края (до 2008 г. – Читинской области), по православной истории досоветского периода. Этого нельзя сказать о советском времени. По нему в хранилищах встречаем только отдельные дела. При этом практически полностью выпадает четвертое десятилетие

XX в. Часть документов по данному времени хранится в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Они и легли в основу настоящего исследования.

Следует отметить, что существует определенное количество работ, содержащих информацию по православной истории Забайкалья в 1930-е гг. Это труды таких признанных улан-удэнских исследователей, как Г.С. Митыпова и И.С. Цыремпилова. В тоже время, нельзя сказать, что данные, в них приводимые, являются исчерпывающими. При этом значительный

материал относится к Западному Забайкалью, по востоку региона его меньше [12; 18; 19; 20 и др.].

Цель данной статьи – описать особенности деятельности советской власти в регионе по закрытию православных храмов, описать динамику процессов, охарактеризовать реакцию на происшедшее сообществ верующих.

Исследование опирается на основополагающие принципы исторической науки. Принцип историзма предопределяет анализ деятельности советской власти в Восточном Забайкалье в 1930-е гг. по закрытию православных храмов в исторической последовательности. Принцип объективности дистанцирует автора от предвзятых, необоснованных оценок.

В работе использованы как общенаучные, так и специальные методы исторического познания. К первым относятся методы сбора, анализа и синтеза материала. Ко вторым сравнительно-исторический метод, позволивший рассматривать события в их историческом развитии через сравнение, метод системного анализа, давший возможность анализировать деятельность советской власти как системную последовательность.

В основу исследования легли материалы фонда Р5263 «Постоянная Центральная Комиссия по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР. 1922-1934». Именно в эту комиссию стекалась все информация по происшедшему в религиозной сфере жизни советского общества в рассматриваемое время.

Самым большим населенным пунктом Восточного Забайкалья был г. Чита, который с 1851 г. являлся

административным центром Забайкальской области. К началу четвертого десятилетия XX в. он был центром Читинского округа Дальне-Восточного (Дальневосточного) края, созданного в 1926 г. [10, с. 328; 15]. Очевидно, что в Чите было самое большое количество верующих и построек культового назначения. Дальневосточный краевой исполнительный комитет своим решением от 18 марта 1930 г. закрыл все культовые постройки Читы для служб как православного, так и иных вероисповеданий. Казанский собор (до названного решения находился в пользовании староцерковников или «тихоновцев», т.е. сторонники православной церкви под руководством Патриарха Московского и Всея Руси Тихона (Белавина)) был отдан под кинотеатр, а позже в нем создан «ссыпной пункт» [8, л. 20]. Михайло-Архангельская церковь (ранее в пользовании обновленцев), предоставлена под общежитие для курсантов. Упомянется также «островская церковь» [8, л. 20]. Это Свято-Троицкий храм в районе Большого острова. Он был закрыт в мае 1930 г. Здание церкви было передано под столярные мастерские, позже оно перешло под школу Фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) [8, л.л. 20, 22].

В одной из работ встречаем утверждение, что Казанский собор или «Старый собор», властями было решено передать «разрушителям Русской Церкви» в 1929 г., а пустовало оно с 1927 г. С 1932 г. в здании располагалась канцелярия курсов шоферов треста «Востсибзолото» [1]. Авторы статьи без отсылки к источникам называют годом закрытия 1929 г., в то время как в архивных документах, речь идет

о 1930 г. [8, л. 20].

Для создания более полной картины с культовыми постройками. Читы в рассматриваемое время упомянем, что здания католического костела и мусульманской мечети использовались как общежития. Первое лесотехнического техникума, второе – дорожных курсов забайкальской железной дороги [8, л. 20-22]. Такая политика вызывала жалобы сто стороны верующих

Президиум Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) отменил решение Дальневосточного крайисполкома от 18 марта 1930 г. и сделал попытку разобраться в том, кто же виноват в возникшей ситуации. «Виновных выявить не удалось. Читинский Горсовет и КрайРИК молчат». Также в Решении ВЦИК отмечалось, что прокурор республики (РСФСР) должен привлечь виновных к ответственности. В итоге было решено оставить все вышеназванные культовые постройки в пользовании верующих. Председатель крайисполкомы был вызван на заседание Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культов [8, л. 20].

Не совсем ясна на начало 1930-х гг. ситуация с кладбищенской церковью г. Читы. По некоторым данным, службы в ней велись обновленцами, но до какого времени на сегодня данных нет [8, л. 22].

30 июля 1930 г., в результате разукрупнения из Сибирского края выделен самостоятельный Восточно-Сибирский край, в состав которого вошли Читинский и Сретенский округа [14, с. 338]. С этого времени история православия проходила в рамках нового административно-территориального

деления. Решения о закрытии храмов или их открытии после жалоб верующих, помимо районных исполнительных комитетов, принималось краевым исполнительным комитетом Восточно-Сибирского края. В 1934 г. в его составе была создана Читинская область [10, л. 328]. Появился еще один орган власти – читинский областной исполнительный комитет.

К 1931 г. относится закрытие мангутской Троицкой церкви. Село Мангут располагалось в Кыринском районе. Согласно источникам, ходатайство о закрытии храма поступило от общины верующих. Ситуация сложилась, по-своему, странная. Решение Кыринского районного исполнительного комитета о закрытии церкви было принято на основе просьбы общины верующих. Помещению требовался ремонт стоимостью в 2 119 руб., который община не провела. Возможно, община была не в состоянии собрать требуемую сумму, т.е. верующие были поставлены перед фактом необходимости закрытия. Решение Кыринским РИК было принято, однако не нашло поддержки ВЦИК. Точнее оно было признано незаконным и должно было быть отменено. Кыринский райисполком считал, что был прав в своем решении [5, л.л. 56-64]. Известно, что мангутская церковь была действующей, как минимум, до 1934 г., к которому относятся сведения о ее повторном закрытии [4, л. 8].

Не ясна позиция по описываемой ситуации (да и по всем иным) краевой Комиссии культов. Названный орган, как будто вообще не участвовал в процессе, являясь своеобразным передаточным звеном между райисполкомом

и ВЦИК.

К началу четвертого десятилетия XX в. относится также закрытие церкви с. Улеты. Приходится оно на 1933 г. В данном случае, источники дают наиболее яркую картину агрессивной, противозаконной антирелигиозной, антиправославной деятельности властей. В конце марта 1933 г. здание церкви было занято улетовским районным исполнительным комитетом. При въезде в помещение органа местной власти все имущество общины, культовые предметы, которые находились в церкви, просто выкинули. При этом с религиозной общиной вопрос об изъятии имущества и передачи храма органам власти не согласовывался. Собрание верующих запретили, а голоса жителей села за закрытие церкви собирались «со всеми нарушениями». Последнее следует из жалобы представителей религиозного сообщества, которую они написали в Постоянную Центральную Комиссию по вопросам культов. Также в письме читаем о том, что власти не пускали в район священника для ведения служб. Жалоба относится к 1933 г., однако в ней отмечается, что верующие с. Улеты «без удовлетворения религиозных потребностей» уже четыре года, т.е. реально церковь не действовала с 1929 г. Райисполком из здания бывшей церкви выехал в начале октября 1933 г. и там был организован клуб [5, л.л. 72-75]. Были ли какая-нибудь реакция на жалобу верующих со стороны ВЦИКа, аналогичная случаю закрытия церкви в с. Мангут, в документах информации нет. В одном из дел встречаем упоминание о том, что вопрос по закрытию церкви в с. Улеты поднимался в 1934 г.

[4, л. 8]. Однозначно сказать, когда храм был закрыт окончательно, на сегодня, нельзя.

К 1933 г. относится закрытие церковей еще в ряде населенных пунктов Восточного Забайкалья, в том числе и в Чите. Речь идет о храме по ул. Селенгинской. Это, судя по всему, Михайло-Архангельская церковь, известная также как церковь декабристов. Об этом в архивных документах встречаем только краткое упоминание. Общиной верующих была подана жалоба в Постоянную Центральную Комиссию по вопросам культов. Оттуда поступил запрос, однако о чем и в чей адрес, неизвестно [5, л. 77]. В ответ на жалобу появилось Постановление Президиума ВЦИК об оставлении здания в пользовании верующих, однако выполнено оно не было. В одном из источников читаем, что работа Михайло-Архангельской церкви г. Читы «была приостановлена» [8, л. 16].

Отметим, что параллельно с Михайло-Архангельской церковью в г. Чите прекратили работу католический костел и мусульманская мечеть [8, л. 17].

И по церкви и по культовым зданиям католиков и мусульман история сохранила для нас ряд телеграмм со стороны ВЦИК в исполнительные органы, в прокуратуру с просьбой разъяснить, что было сделано для решения возникающих вопросов [8, л. 18].

К тому же времени относится закрытие церкви в селе Александровском (с. Александровка современного Читинского района Забайкальского края). Храм был закрыт с нарушениями. Это следует из жалобы, можно предположить, что в Комиссию по вопросам культов. Оттуда в Читинский

городской совет пришло письмо с указанием устранить препятствия для верующих в отправлении религиозных потребностей, а виновных в нарушении закона привлечь к ответственности, после чего сообщить о результатах проведенной работы [5, л. 79].

В 1934 г. было сформировано дело о закрытии Беклемишевской церкви, созданного в 1932 г. Хилоко-Хоацайского района (в настоящее время – Читинский район), а также ряда церквей в иных населенных пунктах. Так был поднят вопрос о закрытии храма в с. Кенон пригорода г. Читы, вновь велась речь о закрытии храмов в селах Мангут Кыринского района и Улеты [4, л. 8].

Следует сказать, что ВЦИК, в некоторых случаях, активно выступал на стороне верующих. Так, известно, что он обращался за разъяснением в Комиссию по вопросам культов при краевом исполнительном комитете Восточно-Сибирского края по поводу того, что церковь в с. Кенон осталась закрытой и не была возвращена верующим, хотя такое предложение сделано было. Причиной закрытия, по официальной версии, стала эпидемия сыпного тифа, которая до конца не была ликвидирована. Параллельно с ней проходили административные преобразования. Были упразднены Титовский и Кенонский населенные пункты, путем их присоединения к Чите. В поселении Титово шло строительство мелькомбината, а в поселении Кенон – военного городка. Соответственно сохранить, в новой ситуации, церкви за общинами верующих, по мнению, властей, было нецелесообразно. Было предложено «...свои религиозные

обряды обслуживать в церкви декабристов» [7, л. 8]. Таким образом, по мнению подписавшей письмо секретаря городского Совета г. Читы, члена Президиума Совета тов. Аллилуевой, ситуация выглядела очевидной. В телеграммах от Комиссии по вопросам культов встречаем только жалобы верующих, при этом никаких данных об открытии церкви с. Кенон, нет. Следует сказать, что община верующих названного села была достаточно большой, составляя 162 чел. [7, л. 13]

Акцентируем внимание на предложение верующим отправлять обрядовую сторону в церкви декабристов г. Читы, т.е. Михайло-Архангельской церкви. Выше отмечалось, что в 1933 г. ее работа была приостановлена [8, л. 16]. Данных о возобновлении служб нет. Здесь можно сделать два предположения. Либо храм после жалоб верующих и Постановления Президиума ВЦИК об оставлении здания в пользовании верующих все же стал действующим, либо власти «кривили душой» в письме во ВЦИК, чтобы прикрыть свое бездействие в ответ на постановления последнего. В документах сохранилось значительное количество требований ВЦИК разрешить вопрос с возвращением Михайло-Архангельской церкви г. Читы верующим, которые нашли отражение в переписке с органами власти Восточно-Сибирского края, а затем Читинской области в его составе [8, л. 18]. Они позволяют склониться к мнению, что храм в 1934 г. мог быть действующим. Известно, что службы в церкви велись в 1935 г. «тихоновцами». Во ВЦИК поступила жалоба, что тогда, решением читинского горсовета было указано допустить для ведения служб на втором

этаже храма обновленцев. Отмечалось, что это «неудобно», так как в здании всего одна дверь [6, л.л. 45, 49]. На наш взгляд, предоставление одной церкви одновременно и «тихоновцами» и обновленцам говорит о том, что в г. Чите, на тот момент, не было иных действующих православных храмов.

В документах читаем, что через какое-то время здание Михайло-Архангельской церкви было передано читинскому отделению государственного всесоюзного кинофотообъединения «Союзкино», созданного в феврале 1930 г. В скобках: «Безбожник». Вероятно речь о названии кинотеатра, подведомственного «Союзкино» [8, л. 22]. В одной из работ встречаем упоминание о том, что кинотеатр «Безбожник» в г. Чите размещался в здании закрытого кафедрального собора во имя Св. Александра Невского. Отметим, что, автором приводится традиционно «размытая» для характеристики истории православных храмов Восточного Забайкалья в целом и г. Читы, в частности, формулировка «позднее», которая не дает представления о том, в какие годы это было, а отсутствие ссылок на документальные источники не дает возможности проверить данные [2, с. 40].

В имеющихся трудах встречаем: «В сер. 1930-х храм был окончательно закрыт». Там же читаем, что какое-то время храм пустовал, после чего использовался как общежитие для сельскохозяйственного техникума [11, с. 376]. Как видим, данные о судьбе храма несколько разнятся. Архивные материалы не говорят о том, что здание стояло пустым, речь идет об общежитии иной организации, чем та, которая

упоминается в рассматриваемой работе. Статья, к которой мы обращаемся, так же, как и основная масса иных публикаций, не содержит отсылок к источникам, что, по нашему глубокому убеждению, вносит еще большую неразбериху в историю православных храмов г. Читы в 1930-е гг.

В 1935 г. была закрыта церковь в с. Нижний Ильдикан Балецкого района. Договор общины верующих об использовании здания храма был заключен в 1930 г. с сельским советом. При этом «рента уплачена, налоги также». Община верующих села была очень значительна, 475 чел. В связи с этим верующие просили церковь открыть. Свою просьбу они прописали в письме, направленном во ВЦИК 26 апреля 1935 г. [9, л. 16] Иных, кроме приведенных данных, архивные дела не дают. Размер общины верующих, позволяет предположить, что церковь могла быть открыта для служб. Однако тенденции действий власти в отношении религиозных сообществ середины четвертого десятилетия XX в., дают основание, говорить скорее об окончательном закрытии храма. Речь, судя по всему, шла об Ильдиканской Богословской церкви, история которой идет, как минимум, с начала второй половины XIX в. [17, с. 25]

К тому же времени относиться закрытие церкви в с. Ново-Никольск (в настоящее время – с. Новоникольское) Петровск-Забайкальского района. Населенный пункт был небольшим. В нем проживало 256 чел. Решение о закрытии было принято Петровск-Забайкальским районным исполнительным комитетом. Президиум с ним согласился, о чем, в одном из писем, извещал

исполнительный комитет Читинской области Восточно-Сибирского края, а также ВЦИК РСФСР [9, л. 17].

К 1935 г. относится закрытие одного из храмов г. Сретенск, какого, из источников не понятно. Однако в данном случае ВЦИК отреагировал, описав, что в случае закрытия церкви не в установленном порядке, требуется вызвать председателя религиозного общества и произвести регистрацию служителей культа [9, л. 25]. Итоговое замечание вызывает вопрос о связи закрытия храма с регистрацией священнослужителя. Можно предположить, что отсутствие таковой стало поводом к закрытию церкви.

В том же году была закрыта церковь в с. Цаган-Олуй Борзинского района. Жалоба верующих направлена во ВЦИК. Оттуда поступило множество запросов к районным властям с просьбой разъяснить ситуацию, однако ни одного ответа на них в архивных материалах нами не встречено [6, л. 43].

В отношении церкви с. Бырка Быркинского района, решение о закрытии со стороны Восточно-Сибирского крайисполкома было принято в 1935 г. на основании того, что здание требовало ремонта, стояло бесхозным, не охранялось и разграблялось. В этом была виновата община верующих. Было объявление о сдаче здания в аренду другой общине, однако желающих не нашлось. В то же время верующие с. Бырка в своих жалобах во ВЦИК храм просили оставить [6, л. 43].

В том же году власти начали процесс опроса жителей г. Нерчинск по поводу закрытия Свято-Воскресенского собора. Как, в одном из писем отмечали верующие, представители

власти ходили с опросом только по квартирам неверующих. Община верующих города составляла 1 700 чел. При этом две церкви города, «Староградская» и кладбищенская были закрыты до 1935 г., а сами здания «сломаны», причем согласия верующих также не спрашивали. Отмечалось, что при единственном действующем храме города – Свято-Воскресенском соборе служил один священник, который при этом «обслуживал» весь Нерчинский район, а также соседний Сретенский и др. районы [8, л. 10].

Несколько позднее, в начале марта 1936 г., была закрыта церковь в с. Александровский Завод. Решение принималось либо на уровне районных властей либо на уровне краевых, документы по данному вопросу уточнений не содержат. Известно, что оно было утверждено Всероссийским центральным исполнительным комитетом, причем отмечалось, что основой утверждения стало отсутствие жалоб на закрытие со стороны верующих [4, л.л. 1, 3]. В то же время сохранилось письмо на имя председателя ВЦИК М.И. Калинина, в котором верующие с. Александровский Завод просили защиты от райисполкома, забирающего храма. Однако отметим, что это письмо от одного человека и, вероятно, как серьезная жалоба рассматриваться ВЦИК не могло [4, л. 4].

Источники содержат скудную информацию по вопросу деятельности районных культовых комиссий на территории Восточного Забайкалья в 1930-е гг. Нами встречено только одно упоминание о культовой комиссии Александрово-Заводского районного исполнительного комитета. В ее состав

входили член Президиума райисполкома, заведующий районным отделом образования и секретарь ВЛКСМ района [5, л. 85]. О деятельности самой комиссии данных не встречено, однако по Александрo-Заводскому району приводятся краткие статистические данные по православной церкви. Так, на 1933 г. в районе было две группы верующих – «тихоновцев». Помимо групп верующих, говорилось о 12 религиозных общностях, 11 молитвенных зданиях и 2 священнослужителях. В чем разница между группами и сообществами верующих не ясно. Также как не совсем понятно, о каких молитвенных зданиях идет речь, о церквях или о церквях и молитвенных домах. Об обновленцах в Александрo-заводском районе в начале четвертого десятилетия XX в. данных нет [5, л. 85].

В архивных фондах есть дела, содержащие Протоколы заседаний Постоянной Центральной Комиссии по вопросам культов, на которых рассматривались вопросы закрытия церквей и ликвидации религиозных сообществ. Такое дело, к примеру, относится к 1931 г. Интересно, что никакой информации по Забайкалью в них нами не встречено [3].

Таким образом, архивные материалы дают нам представление о том, что, на протяжении всей первой половины четвертого десятилетия XX в. в Восточном Забайкалье непрерывно шел процесс по уничтожению православной церкви в ее главном проявлении – официальном отправлении обрядов, для чего были необходимые действующие культовые постройки. Итогом стало закрытие всех храмов.

Источники говорят о том, что в рассматриваемое время часть действующих православных храмов закрывалась не по желанию властей в силу следования антирелигиозной политике государства, а и по ходатайству сообществ самих верующих. При этом можно говорить о том, что источники содержат достоверную, а не приукрашенную местными властями информацию, поскольку в делах представлены письма верующих с их подписями. Таковое есть с просьбой о закрытии Троицкой церкви с. Мангут. Исходя из этого, можно констатировать, что ситуация с закрытием церквей выглядит несколько иначе, чем принято считать традиционно. Храмы закрывались не только в результате «оголтелой», ненавистной к религии политики власти. С другой стороны, причиной просьбы от верующих в закрытие храма могло стать отсутствие средств на ремонт храма, а его требовали местные власти. Его отсутствие, по их мнению, и было поводом к разговорам о закрытии.

Также отметим, что в ряде случаев вышестоящие органы власти отменяли решения нижестоящих. ВЦИК не раз отменял решения местных и региональных властей о закрытии храмов или, по крайней мере, требовал разобраться в ситуации, если поступали жалобы от общин верующих. В то же время, реакция «с мест» следовала далеко не всегда.

Следует сказать, данное исследование содержит информацию по закрытию только некоторых церквей и соборов Восточного Забайкалья. Для дополнения данных требуется дальнейшая работа с архивными материалами.

Список литературы

1. Авдеев С., Саввин Д. Собор в честь Казанской иконы Божией Матери // Читинская и Краснокаменская епархия [Электронный ресурс]. URL: http://www.chita-eparhia.ru/enarh/new_eparh/ned/kazchita/ (дата обращения: 29.05.2021).
2. Баринов А.О. Александро-Невский кафедральный собор // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. В 4 т. Новосибирск: «Наука», 2006. Т. II. А-З. С. 40.
3. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 9.
4. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 436(1).
5. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 436(2).
6. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 437.
7. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 438.
8. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 439.
9. ГА РФ. Ф. Р5263. Оп. 1. Д. 440.
10. Гениатулин Р.Ф. Читинская область // Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / Гл. ред. Р.Ф. Гениатулин. В 4 т. Новосибирск: «Наука», 2006. Т. IV. С-Я. С. 324-331.
11. Кудрявцев С.В., Салмина С.В., Цыренжапова Д.Е. Старо-Читинская Михайло-Архангельская церковь // Малая энциклопедия Забайкалья. Архитектура и строительство. Новосибирск: «Наука», 2016. С. 375-376.
12. Митыпова Г.С. История ликвидационных процессов в контексте государственной, религиозной политики советского периода (1917-1945 гг.): по материалам Национального Архива Республики Бурятия, архивов ВЧК-НКВД-КГБ-ФСБ // Вестник ИрГТУ. 2006. Вып. 6. С. 67-75.
13. Нерчинск. Кафедральный Собор Воскресения Христова. Воскресенский собор, 2013 // СОБОРЫ.РУ. Народный каталог православной архитектуры [Электронный ресурс]. URL: <https://sobory.ru/article/?object=20838> (дата обращения: 26.05.2021).
14. Папков С.А. Восточно-Сибирский край // Историческая энциклопедия Сибири. А-И / Гл. ред. чл.-кор. В.А. Ламин. В 3 т. Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. С. 338.
15. Постановление ВЦИК от 4 января 1926 года «Об образовании и районировании Дальне-Восточного края» // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=24659#0> (дата обращения: 26.05.2021).
16. Свято-Воскресенский собор в г. Нерчинске // Читинская и Краснокаменская епархия. Русская Православная Церковь. Московский патриархат [Электронный ресурс]. URL: https://chita-eparhia.ru/enarh/new_eparh/shilkinskoe/nerch/ (дата обращения: 26.05.2021).
17. Состав постоянного иркутского епархиального управления. IV. Благочинные (окончание) // Иркутские епархиальные ведомости. 1863. № 3. 12 января.
18. Цыремпилова И.С. Исторический опыт взаимоотношений власти и

Русской православной церкви на территории Байкальского региона в 1920-1930-е гг. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 93-100.

19. Цыремпилова И.С. История Забайкальской епархии в 1917-1930-е гг. в архивных документах // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2018. № 3(7). С. 47-56.

20. Цыремпилова И.С. Русская православная церковь и государство: история взаимоотношений в 1917-1930-е гг. (на материалах Байкальского региона). Улан-Удэ, 2008. 300 с.

THE ACTIVITIES OF THE SOVIET GOVERNMENT TO CLOSE ORTHODOX CHURCHES ON THE TERRITORY OF THE EASTERN TRANS-BAIKALIA IN THE 1930S

The article describes the features of the Soviet government's activities in Eastern Transbaikalia to close Orthodox churches in the most difficult period of its Orthodox history – in the fourth decade of the XX century. It is noted that this time in the history of Orthodoxy in the region is poorly studied. The few available publications contain fragmentary data on the problem. This predetermined the appeal to the sources-the documents of the State Archive of the Russian Federation (SARF). On their basis, data on specific churches are provided, in some cases, the closure process is described, some communities of believers are mentioned, and the correspondence of believers with the OCAK containing complaints about the actions of local and regional authorities is characterized. The research is based on the principles of objectivity and historicism. The work is based on general scientific methods of collecting, analyzing and synthesizing material, as well as special methods of historical knowledge. It is noted that in the history of the closure of churches in Eastern Transbaikalia in the 1930s, there are controversial points that require clarification. In general, the data on the problem field of the article, to date, seems sketchy, which determines the need for further work with sources to clarify the available information and supplement the picture with new facts.

Keywords: Orthodoxy, church, cathedral, temple, anti-religious activities of the authorities, Eastern Transbaikalia.

References

1. Avdeev, S., Savvin, D. Cathedral in honor of the Kazan Icon of the Mother of God [Sobor v chest' Kazanskoj ikony Bozhiej Materi]. 26 may, 2021 from http://www.chita-eparhia.ru/enapx/new_eparh/ned/kazchita/
2. Barinov, A.O. (2006) Alexander Nevsky Cathedral [Aleksandro-Nevskij kafedral'nyj sobor]. *Enciklopediya Zabajkal'ya. Cyitinskaya oblast'* [Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region]. Novosibirsk. II. P. 40.
3. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 9.
4. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 436(1).
5. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 436(2).
6. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 437.
7. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 438.
8. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 439.
9. GA RF. F. R5263. Op. 1. D. 440.
10. Geniatulin, R.F. (2006) Chita region [Chitinskaya oblast']. *Encyclopedia of Transbaikalia. Chita region* [Enciklopediya Zabajkal'ya. Cyitinskaya oblast']. Novosibirsk. IV. P. 324-331.

11. Kudryavcev, S.V., Salmina, S.V., Cyrenzhapova, D.E. (2016) Staro-Chitinskaya Mikhailo-Arkhangelsk church [Staro-Chitinskaya Mihajlo-Arhangel'skaya cerkov']. *Small Encyclopedia of Transbaikalia. Architecture and construction* [Malaya enciklopediya Zabajkal'ya. Arhitektura i stroitel'stvo]. Novosibirsk. P. 375-376.

12. Mitypova, G.S. (2006) The History of Liquidation Processes in the context of state and Religious policy of the Soviet period (1917-1945): based on the materials of the National Archive of the Republic of Buryatia, the archives of the Cheka-NKVD-KGB-FSB) [Istoriya likvidacionnyh processov v kontekste gosudarstvennoj, religioznoj politiki sovetskogo perioda (1917-1945 gg.): Po materialam Nacional'nogo Arhiva Respubliki Buryatiya, arhivov VCHK–NKVD–KGB–FSB)]. *Vestnik IrGTU* [Herald of the IrSTU]. Vol. 6. P 67-75.

13. Nerchinsk. Cathedral of the Resurrection of Christ. Resurrection Cathedral (2013) [Nerchinsk. Kafedral'nyj Sobor Voskreseniya Hristova. Voskresenskij sobor]. 26 may, 2021 from <https://sobory.ru/article/?object=20838>

14. Papkov, S. A. (2009) East Siberian Region [Vostochno-Sibirskiy kray]. *Historical Encyclopedia of Siberia* [Istoricheskaya enciklopediya Sibiri]. Novosibirsk. P. 338.

15. Resolution of the Central Executive Committee of January 4, 1926 “On the Formation and zoning of the Far-Eastern Region” [Postanovlenie VCIK ot 4 yanvary 1926 goda «Ob obrazovanii i rajonirovanii Dal'ne-Vostochnogo kraja»]. 26 may, 2021 from <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=24659#0>

16. Holy Resurrection Cathedral in Nerchinsk [Svyato-Voskresenskij sobor v g. Nerchinske]. 26 may, 2021 from https://chita-eparhia.ru/enapx/new_eparh/shilkinskoe/nerch/

17. Composition of the permanent Irkutsk Diocesan administration. IV. Deans (end) (1863) [Sostav postoyannogo irkutskogo eparhial'nogo upravleniya. IV. Blagochinnye (okonchanie)]. *Irkutskie eparhial'nye vedomosti* [Irkutsk Diocesan Gazette]. 3. January 12.

18. Tsyrempilova, I.S. (2017) Historical experience of the relationship between the authorities and the Russian Orthodox Church on the territory of the Baikal region in the 1920–1930-ies [Istoricheskij opyt vzaimootnoshenij vlasti i Russkoj pravoslavnoj cerkvi na territorii Bajkal'skogo regiona v 1920-1930-e gg.] *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History*. [News of the Irkutsk State University]. 22. P. 93-100.

19. Tsyrempilova, I.S. (2018) The history of the Transbaikal diocese in the 1917–1930-ies. in archival documents [Istoriya Zabaykalskoi eparchy v 1917-1930-e gg. v archivnykh dokumenty]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Herald of the East Siberian State Institute of Culture]. 3(7). P. 47-56.

20. Tsyrempilova, I.S. (2008) The Russian Orthodox Church and the State: the History of Relations in the 1917-1930-ies. (Based on the materials of the Baikal region) [Russkaya pravoslavnaya cerkov' i gosudarstvo: istoriya vzaimootnoshenij v 1917-1930-e gg. (na materialah Bajkal'skogo regiona)]. Ulan-Ude. 300 s.

Об авторе

Дроботушенко Евгений Викторович – кандидат исторических наук, доцент, декан историко-филологического факультета, Забайкальский государственный университет (Россия), E-mail: DRZZ@yandex.ru

Drobotushenko Evgeny Viktorovich – Candidate of Historical Sciences, Docent, Associate Professor, The Dean of the Faculty of History and Philology, Transbaikal State University (Russia), E-mail: DRZZ@yandex.ru

УДК 930.2

Золотов В.И., доктор исторических наук, профессор, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В СОВРЕМЕННОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ЗНАНИИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения исторического пространства, одного из направлений современного исторического знания. Ещё в середине ушедшего столетия Ф. Броделем был актуализирован вопрос о социальной составляющей исторического пространства. В современном социально-гуманитарном знании всё более востребованным становится понимание разных масштабов глобализации, соотношения национального и наднационального, специфика «инаковости» развития того или иного государства. В методологии темы географическое пространство очерчено границами социального взаимодействия и, определённым образом, трансформируется в пространство историческое. Предметное поле исторического пространства в любом случае социокультурное и определяет особенности существования социальной общности. Границы общности формируют сети взаимодействия, составляют пределы реальному поведению индивидов и их межличностным отношениям. Природа предмета исторического пространства продуцирует проблему соотношения социологического и антропологического подходов в изучении векторов развития исторического пространства. В современном историческом знании всё более заметно значение антропологической эпистемы, глубинной бессознательной основы социальных практик (И.М. Савельева). Невнимание к такой основе стало фокусом критики «геоистории» Броделя, непризнание им истории ментальностей как предмета, определяющего основные векторы общественного развития. На конкретных примерах П.Ю. Уваров рассматривает процесс становления средневековой цивилизации в оптике взаимодействия различных социальных общностей эпохи. Перемещение кочевых цивилизаций из Восточной и Центральной Азии в западном направлении привело к коренным изменениям в земледельческом социуме на западе Евразии. Именно здесь сформировались условия, обеспечившие эффективное взаимодействие индивида и общества в пространстве прихода и поместья, этих центров силы и влияния при слабом государстве. Образ мышления в регионе обеспечивал созидательный потенциал социальных противоречий. Потерю Испанией к концу XVI в. силы и богатства И.Ю. Николаева анализирует через восприятие мира т.н. пикаро (picaño), жителя полуострова, «выбитого из колеи», хранителя социально негативных установок сознания и поведения. Пространственно-темпоральные перспективы изучения исторического пространства при соответствующих междисциплинарных подходах обретают новый эвристический потенциал.

Ключевые слова: историческое пространство, социальные общности, Ф. Бродель, антропологические подходы, бессознательное, *ecclesia*, поместье, пикаро.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-46-57

Проблема исторического пространства стала одним из направлений развития исторического знания на рубеже XX-XXI вв. Но ещё за полвека до этого Ф. Бродель с его «Историей

Средиземноморья» инициировал вопрос о понимании содержания исторического пространства. Упрёки критиков в адрес французского учёного в целом сводились к тому, что из его

«геоистории» улетучивается самое существенное - человеческое присутствие, без которого не существует «Новой социальной истории». Последующий спор Ф. Броделя и К. Леви-Стросса о сущности истории имел плодотворное продолжение, в том числе растущее внимание к исторической антропологии, истории ментальностей, микроистории, тем направлениям научного поиска, которые делали предметом истории человека во всех его ипостасях и обстоятельствах.

С другой стороны, процессы глобализации, характеризующие современное состояние мира, актуализировали существенные изменения в сфере социально-гуманитарного знания и исторической практики. Одним из аспектов глобальной истории становится внимание к разным масштабам глобализации нашего мира, проблемам соотношения в ней национального и наднационального, «инаковости» развития того или иного государства, страны. Такой разворот трендов мирового развития «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения», «идентифицируя их общие черты», но одновременно «выделяя то, что отличает их как уникально-локальные» [см.: 6, с. 197, 202].

Объектом моего исследовательского интереса станет историческое пространство. Как его понимать? Согласно П. Бурдьё, пространство в историко-теоретическом смысле осознаётся не только как синоним территории, это простейший случай, но и как помещённая в определённые рамки социальная реальность, «ансамбль невидимых связей» [1, с. 299]. Одна из главных функций географического

пространства в историческом исследовании состоит в том, что оно служит способом задать рамки предмету истории, то есть очертить границы социальных взаимодействий в прошлой реальности и тем самым трансформироваться в пространство историческое. В построении таких трансформаций велика роль субъекта исследования, историка, создающего свою «территорию историка», становящуюся предметом исследования. Историк может исходить из своего видения пространства, может говорить о пространстве, сконструированном участниками социального взаимодействия, а может изучать сам процесс конструирования пространственных образований в тот или иной период прошлого [8, с. 38].

Проблема контента и тотальной истории этих трёх пространств (сущностей) продуцирует вопросы методологии таких исследований. Из основных их три - предметное поле исследования, методы и методология исторического поиска.

Предметное поле исторического пространства может быть самым разным. Оно может быть экономическим, социальным, политическим, антропологическим. Добавим психологическое, эмоциональное, религиозное, ментальное наполнение, образы и намерения. Метафизика «ансамбля невидимых связей» определяет сущностное его наполнение, взаимодействие и взаимовлияние целого ряда импульсов и условий, их векторы и тренды - от природно-географического, политического, хозяйственного, религиозного, культурологического до особенностей массового сознания и менталитета. Однако в любом случае оно

социокультурное.

В любом случае «ансамбль невидимых связей» определяет существование социальной общности. Под ней понимаем все объединения людей, в которых создана и сохраняется, хотя бы в течение очень короткого периода, определённая социальная связь. Этим термином будем означать все устойчивые формы совместной жизни, некие глубинные регулярности. Социальной связью - совокупность отношений и зависимостей, возникающих между членами любой общности [17, с. 117, 113; 3, с. 33; 11, с. 210-211]. Таким образом, социальная общность станет предметом нашего внимания.

Социальная общность имеет разные масштабы. Способ повседневного существования людей, акторов общности, устанавливает их отношения друг к другу и образуют локальную общность. Локальная общность, в свою очередь, является частью региональной, глобальной общности. Все три разномасштабные общности существуют в различных подсистемах социального управления и играют важную роль в детерминации поведения образующих её индивидов. Границы общностей «накладываются» друг на друга, пересекаясь в локальном микрокосме и даже в одном и том же индивиде. Названные границы формируют сети социального взаимодействия, задаёт пределы реальному поведению индивидов и их межличностным отношениям, при этом сохраняя основу для сосуществования в историческом пространстве перекрывающихся друг друга социальных идентичностей [см.: 6, с. 167, 174].

Наложение контента глобальных,

региональных и локальных общностей формирует постоянный процесс взаимозависимостей, взаимодействия, взаимовлияния того самого «ансамбля невидимых связей». Непременным атрибутом изучения тотальной истории на микроуровне является сравнительный сетевой анализ индивидуальных и коллективных социальных контактов (при этом необходимо учитывать и внелокальные источники влияния и социального престижа, если таковые обнаруживаются) [см.: 6, с. 168, 169].

Применение социологических и антропологических моделей сетевого анализа межличностных взаимодействий формирует теоретические основания нашего исторического поиска, даёт контекстуальную интерпретацию развития локальной общности. Архитектура, плотность и интенсивность межличностных контактов, содержание и направленность межличностных коммуникаций определяется через контекст взаимодействия [6, с. 170].

Названные представления о предмете исторического пространства ставит проблему выбора между социологическими и антропологическими подходами его изучения. В современном историческом знании всё более заметна доля антропологических подходов. Критерий различий гуманитарного и социологического знания - в методах исследования. Социальные науки - преимущественно эмпирические и формализующие. Гуманитарные науки в исторические исследования приносят преимущественно критические или спекулятивные, интерпретативные методы, такому подходу свойственна критическое наполнение. И. М. Савельева в статье с

провокативным названием говорит о двуликости истории. Ведя речь о непростой связи теорий и методов, автор обращается к *cultural history* и постулирует, что гуманитарные основы истории реализуются через «стратегию присвоения» [9, с. 12-13, 17]. Включение воображения и работа в области допущений, что является приемлемыми гуманитарными методами, позволяет получить знание, которое невозможно обрести более «строгими» способами. Теория символического интеракционизма, по которой человеческое действие - не только взаимодействие между индивидами, но и взаимодействие в индивидуальном сознании включает непрекращающийся процесс размышления, в том числе опирающийся на источники [9, с. 20, 22].

Устойчивая эффективность гуманитарных способов познания объясняется тем, что гуманитарные науки имеют дело со смыслами (тексты разного вида), а социальные - с процессами, институтами, механизмами, действиями (*agency*). Гуманитарные науки, в отличие от социальных, не предлагают модели и не ведут наблюдения, а постигают смыслы, в том числе, «высшие смыслы», определённо находящиеся вне компетенции социальных наук. Исследование специфических гуманитарных подходов позволяет уловить вещи более эфемерные, чем тренды, паттерны, механизмы или статистические закономерности [9, с. 26]. Спрос на социальные теории у историков, определённо, остался, но социология как источник спорных теорий обеспечивает его минимально. История достаточно «социальна» и отражает *state of arts*

современных социальных наук, [10, с. 20], искусство интерпретации.

«Геоистория» Ф. Броделя появляется как следствие споров довоенного времени о равноправии социальной и гуманитарной составляющей исторического знания. Деятельность человека в определённой географической среде создаёт паритет истории и социальных наук. На рубеже 50-60-х годов прошлого века антрополог-структуралист К. Леви-Стросс оспорил первенство истории среди социальных наук. Историк, согласно Леви-Строссу, изучает базовый уровень реального, при этом его единственный, сугубо эмпирический план наблюдения малопригоден к более глубокому познанию. Историк обречён жить в непрозрачности бесформенного описания, в хаосе случайного совпадения. Только антрополог может распознать глубинную бессознательную основу социальных практик [см.: 12, с. 113-115]. Бродель парировал этот вызов, обновляя и усваивая достижения структурной антропологии через теоретическое обоснование множественности режимов исторического времени [12, с. 117-118].

Социальное содержание (наполнение) пространства стало поводом к критике броделевской концепции. В концепции времени, предложенной Броделем, замечает З.А. Чеканцева, пространственное его восприятие нивелируется [16, с. 75]. Целый ряд рецензентов, разделяя важность введения в историческое исследование принципа множественности временных деятельностей, вместе с тем отмечали, что они не в состоянии постигнуть того, как «организована иерархия разных ритмов»; каковы соотношения между

«структурами», подчиняющимися «времени большой протяжённости» и «конъюнктурами», в которых действует время сравнительно более краткое. В том числе короткое время, время человека. Отсутствие этих связей не ведёт ли к распаду изучаемой Броделем «тотальной истории» на конгломерат разрозненных явлений и процессов, образующих не логически связанное целое, а пёструю мозаику? [см.: 4, с. 119].

Таким образом, одно из основных сомнений такой критики - в непризнании истории ментальностей как предмета, определяющего основные векторы общественного развития [см.: 4, с. 123-124, 125]. В антропологии К. Леви-Стросса с её новыми возможностями к социальному бессознательному последний был более убедителен [12, с. 117-118]. Принцип множественности временных длительностей у Ф. Броделя не дали убедительной картины взаимодействия различных «структур» общества. История социальных групп в пространственно-временных рамках реального социального взаимодействия остались за пределами его поисков.

Глобальная история опирается на представление о структурной когерентности (когда всё существующее находится во взаимосвязи) мирового исторического процесса с максимальным учётом разнообразия его составляющих и взаимозависимости всех его локальных акторов [см.: 6, с. 174, 204, 211]. К началу XXI в. вопрос о том, как локальные общности «взаимодействовали с миром за пределами своих границ» в разные исторические эпохи оказался в центре внимания ведущих специалистов локальной и региональной

истории. При этом основное внимание поиска к тому, повторимся, что глобальная история «предполагает изучение локальных явлений с глобальной точки зрения», «идентифицируя их общие черты», но одновременно «выделяя то, что отличает их как уникально-локальные» [6, с. 197, 199, 202].

В этом ракурсе по-своему представляется природа, структуризация контента пространства в двух очерках П.Ю. Уварова, представленных во Введении и Заключении ко второму тому «Всемирной истории» [13, с. 5-15; 14, с. 810-818]. Том содержит современное понимание развития Средневековой цивилизации. Процесс имеет совершенно иной масштаб и траектории развития, при котором взаимодействие разных пространств эпохи Средневековья объясняет уникально-локальные черты Средневековой цивилизации Западной Европы.

Трактовка содержания и характера пространства в очерках исходит из концепции мир-системной модели становления данной цивилизации. Эта картина полна динамизма, она в постоянном развитии, подразумевает наличие множества локальных вариантов развития. Автор исходит из того, что к началу Средневековья «пояс цивилизаций», растянувшийся от Западной Европы и Северной Африки до Дальнего Востока, вполне можно назвать средневековой Мир-Системой, охватывающей к началу эпохи Средневековья большинство населения Старого Света [13, с. 8]. В каждый отдельный момент Средневековая мир-система имеет своё «ядро», «полупериферию» и «периферию». О динамике и траекториях пространства средневековых цивилизаций

говорит уже то, что первоначально таким «ядром» были номады и «кочевые империи», в конце Средневековья таковой стала Западная Европа.

Пульсация «Великой степи», протянувшейся от Маньчжурии до Приднестровья и даже Паннонии, выводит на арену многочисленных номадов. Эффективность кочевого хозяйства и проистекавшая из неё способность выставлять неслыханное число умелых конных воинов были их важными аргументами в диалоге с народами оседлых цивилизаций. Но кочевники экономически не могли существовать без последних. Набеги, данничество, обмен (чаще всего неэквивалентный), формирование «своих» зависимых и полузависимых оседлых поселений (малоизвестные до недавнего времени «города кочевников») - вот неполный перечень форм этих взаимоотношений. В то же время в кочевом обществе не выработалась внутренняя потребность для возникновения государства. Однако чем богаче и сильнее была соседняя оседлая империя, тем раньше номады объединяли свои усилия - одни за другими возникают каганаты и ханства, которые иногда превращаются в «кочевые империи» [13, с. 9-11]. Их присутствие станет атрибутом средневековой Мир-Системы, во многом определяя динамику её развития.

Номады придавали «мировому Средневековью» фактор системности. Вынужденные соседствовать с кочевыми империями государства либо находили адекватные ответы на вызовы, либо погибали. Государства «второго эшелона», «полупериферия», или регионы, географически удалённые от кочевой угрозы,

продолжали ощущать влияние ритмов пульсации Великой степи. Это происходило, когда эти государства вынужденно противостояли государствам, сумевшим ответить на вызов номадов (или основанным в результате завоеваний кочевниками) [13, с. 11-12]. Региональная идентичность в этом случае понимается не как данность, а, прежде всего, как результат активности элит. Такими, очевидно, становятся племена и протогосударственные образования Восточной Европы. Акцент исследовательского поиска переносится на менталитет, образ мышления, мироощущение обитателей региона. При таких теоретических установках приоритет в процессе исследования отдаётся социокультурным измерениям и признанию активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого» [6, с. 179-180; 7, с. 8, 10].

Многочисленные регионы Мир-Системы Средневековья (Византия с её государственно-христианской концепцией государственной власти, Русское государство с заимствованиями от исторической византийской модели и ордынского наследия, Османская империя с пережитками восточной деспотии) не существовали изолированно. Взаимовлияния неизбежны и данный процесс оказывал весьма значимое влияние и для их внутреннего мира [см.: 14, с. 810]. При всём своём драматизме Средневековье демонстрирует более высокий и более гибкий уровень разнообразия и взаимодействия внутри Мир-Системы [13, с. 14, 15].

Каким образом Латинскому Западу в определённый (но исторически очень важный) период удалось стать «ядром» Средневековья? Такой вопрос выводит в поле исторического поиска наполнение пространства Западной Европы. В одних своих версиях региональная история смыкается с локальной историей, в других - дистанцируется от неё, причём границы между ними остаются неясными и зачастую просто не рефлексированы. Локальные микроструктуры имеют свой социоинтегративный потенциал. Конкретное содержание осуществляемых в них регулярных или спорадических взаимодействий «опутывает» пространства разного уровня. Эта непрерывно флуктуирующая сеть, в которой реализуется реальное многообразие социальных связей, формирует соединительную ткань социального целого [см.: 6, с. 177, 190].

Около Тысячного года, продолжает П.Ю. Уваров, Запад переживал стремительное изменение. Политическая власть оказалась в руках собственников сеньорий, осуществлявших судебные, административные и военные функции. Перенос власти-собственности на локальный уровень вёл к интенсификации крестьянского труда. Для феодального Запада основной ячейкой не только хозяйственной, но и политической жизни являлась сеньория (дополненная общиной и приходом). При слабом государстве складывается сочетание эффективного господства на местном уровне с самоорганизацией непосредственных производителей, не отделённых от средств производства - одно из самых творческих противоречий европейской феодальной системы. Главной

интегрирующей силой феодальной Европы П.Ю. Уваров называет эклессию. Историк обращает внимание на особую роль пространства прихода и диоцеза в формировании локальных общностей, изменение форм церковного (а, следовательно, социального) освоения пространства в Западной Европе [15, с. 50-73]. Христианская церковная доктрина сформулировала образную теорию двух равных по силе мечей, помогающих друг другу и никогда не соприкасающихся. Изменились и представления о Церкви как мистическом Теле Христовом, вмещающем в себя всех верующих. Поэтому резонно считать XI- начало XIV в. апогеем Церкви как главной центростремительной силы, связывающей христианскую Европу [2, с. 159, 70-71]. Ценностные установки, правовые традиции и цивилизационные особенности оказываются весьма существенными для макроэкономических показателей в силу особой пластичности средневековой западной цивилизации, порождаемой, в том числе, и особым способом мышления, способом связывать свои противоречия [14, с. 815, 816-817]. Главным актором развития средневекового общества становится самостоятельный в своём творчестве, повседневной жизни земледелец, ремесленник, торговец, университетский профессор, образованный чиновник, эрудированный клирик.

Исследование массовых представлений, коллективных, серийных стереотипов сознания как нельзя более отвечало запросу «тотальности» для выяснения их роли и функционирования социальной системы в целом. Одним из проявлений движения «за

возврат человека в историю» явилось выделение таких дисциплин, как история ментальностей, психоистория и историческая антропология.

Исходная посылка «новой научной истории» заключалась в воссоздании комплексной картины исторического бытия, в центре которой мыслится человек во всём многообразии его отношений с окружающим миром. Но именно человек - главный агент истории - оставался, по выражению И.Ю. Николаевой, «неберущимся интегралом». Его сознание, эмоции и поведение представлялось невозможным сколько-нибудь системно анализировать, чтобы не впасть в грех всякого рода возможных упрощений. Тем не менее, историк томской исторической школы сумела внести свой вклад в проблему совмещения изучения внеличной малоподвижной структуры общественного сознания и истории индивида с его уникальными интересами, чувствами и целями [см.: 5, с. 16-18, 19, 20]. Сложности верификации результатов такого исследования И.Ю. Николаева формулирует следующим образом - «Это проблема синергии рационального и неосознаваемого, проблема выявления пластики эмоциональных реакций и конструкторов сознания, проблема «наведения мостов» между коллективными и ментальными установками, проблема изменчивости ментальных структур в их системной взаимосвязи с историческим контекстом, проблема верифицируемости полученных результатов» [5, с. 19]. Ментальность, понимаемая как структурная целостность, как органичное, хотя и противоречивое единство сознательного и бессознательного определяет

предложенную И.Ю. Николаевой методологию названного поиска. Она представляется как «бессознательное, схожие представления о нём, как явления социокультурной природы и как феномена, чьё функционирование находится в определённой закономерной связи с работой «чистого сознания», поддающемуся научному анализу» [5, с. 24, 34].

Возможность синергетичной работы указанного социопсихологического инструментария с вполне определёнными макроисторическими теориями томский автор демонстрирует на ряде примеров из истории Средневековья. Одним из них является интерпретация тех обстоятельств, которые, на примере Испании XVI в., привели страну к краху. Вступив в это столетие в блеске славы и могущества, к его концу Испания теряет свои позиции.

Традиционное объяснение такого поворота в истории королевства сводится к тому, что страна была отброшена на полупериферию европейской миросистемы, главным образом в силу большого влияния идеологизированного политического режима на экономику, общество, культуру. Дворянские ценности, отрицание трудовой этики вышли за сословные рамки и стали ценностями большей части общества. Свою особую роль сыграла Реконкиста, задавшая ряд негативных «программ» или комплексов, прежде всего комплекса «героической лени».

Комплексы «лени» или «презрения» к производительному труду в Испании следует искать, считает И.Ю. Николаева, в более отдалённом прошлом пиренейского королевства [5, с. 302, 309, 310]. Автор пытается показать

системный характер особых черт пространства через призму мироощущения общества, которое несло на себе печать выраженных процессов маргинализации. Источником для анализа служит материал плутовского романа, распространённого жанра времени. Основной герой романов этого жанра - пикаро. В переводе с испанского *pica-ro* - низкий, подлый, хитрый, лукавый, а также подлец, плут, хитрец, озорник, проказник, шалун. Впервые этот термин регистрируется в текстах 1540-х годов. Он означал человека, занятого чёрным трудом, не имеющего профессии и живущего случайными заработками. К категории пикаро относились студенты-недоучки, мелкие безработные чиновники, бывшие солдаты, разорившиеся дворяне, шуты, картёжники, приживальщики, воры, проститутки. Это человек, «выбитый из колеи», маргинал, чья идентичность носила не просто спутанный, но деформированный характер, с большим грузом социально негативных установок сознания и поведения. Создаётся впечатление сытого, довольного собой, преспокойно существующего за счёт обмана и шулерства плута, который где-то даже горд собой [5, с. 302, 309, 310, 313-315].

Встаёт вопрос - почему этот образ оказался если не привлекательным, то притягивающим внимание широкой аудитории? Не было ли это связано с особенностями ментального склада широких слоёв испанского общества?

Можно предположить, что менталитет пикаро в деформированном виде «снял» некие важные установки сознания и мироощущения, присущие достаточно широкой части добропорядочных членов испанского общества.

Баснословная популярность плутовского романа даёт основание предположить, что мир пикаро, живущего легко и праздно, не брезгуя воровством, плутуя, обманывая других, по каким-то причинам давал основания для неких идентификаций внешне живущего по законам совести и права испанца [5, с. 315-316, 318-326, 329-330].

Тот отклик, который нашли плутовские романы в сознании широких слоёв добропорядочного бюргерства, позволяет говорить о наличии бессознательных идентификаций этого слоя с героями пикаресного мира. В условиях хлынувшего в страну дешевого золота и серебра, появления доступного рынка в виде колоний Нового Света, актуализировались глубинные установки, связанные с наживой, обретшие новую, причем более отрефлексированную форму. Жажда денег - превалирующая мотивация для большинства испанцев того времени. Однако слабая укорененность в ментальном универсуме испанца тех матриц сознания, которые были бы связаны с необходимостью упорного труда, в условиях быстро приносимой прибыли от колониальной торговли, отсутствия стимулирующего влияния политики протекционизма и меркантилизма, привели к тому, что эти матрицы не только не смогли стать базой для оформления новых ценностных ориентаций труда и честной наживы. Они оказались подвергнуты снижению, девальвации на уровне ценностных установок и тем самым блокировали процесс спонтанного направления энергии в производительную сферу [5, с. 355].

Пространственный поворот в

современном историческом знании актуализирует проблему глобальных, региональных, локальных контекстов развития общества. Современное понимание глобальной истории подразумевает наличие множества локальных вариантов и траекторий развития. Одной из задач этого поиска становится интерпретация пространства с точки зрения присутствия в нём человека. Человека, который не виден, его присутствие в макро- и микроструктурах пространства не имеет строгих контуров и границ. Данный феномен резко меняет содержание эвристического поиска историка - мы наблюдаем переход от казуального объяснения глобальной истории к контекстуальному.

Внимание историка сфокусировано на существующих множественных взаимосвязях, взаимообменах и взаимовлияниях между сравниваемыми объектами и их культурно-историческими контекстами, интерпретации взаимодействия между локальным и универсальным. Процесс такого взаимодействия включает различные варианты адаптации и ассимиляции к воздействиям, внешним по отношению к изучаемым локальным обществам. Пространственно-темпоральные перспективы региональной истории при таких междисциплинарных подходах обретают новый эвристический потенциал [см.: 5, с. 204, 221-226; 6, с. 221-222].

Список литературы

1. Бурдьё П. Социология политики. М.: Социо-Логос, 1993. - 268 с.
2. Воскобойников О.С. Средневековье крупным планом. М.: Эксмо, 2020. – 240 с.
3. Гидденс Э. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. – 704 с.
4. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. – 328 с.
5. Николаева И.Ю. Полидисциплинарный синтез и верификация в истории. Томск: ТГУ, 2010. – 410 с.
6. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. - 560 с.
7. Репина Л.П. История регионов, или «территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5-16.
8. Савельева И.М. Исторические исследования в XXI веке: теоретический фронт // Диалог со временем. № 38. 2012. С. 25-53.
9. Савельева И.М. Стала ли история социальной наукой // Диалог со временем. № 50. 2015. С. 9-34.
10. Савельева И.М. Историческая наука в XXI в.: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. № 58. С. 5-24.
11. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. - 487 с.
12. Трубникова Н.В. Французская историческая школа «Анналов». М.: Квадрига, 2016. - 336 с.
13. Уваров П.Ю. Что такое Средние века? // Всемирная история: в 6 томах /

Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН - М.: Наука, 2012. Т. 2. С. 5-15.

14. Уваров П.Ю. «Роскошь феодализма» // Всемирная история: в 6 томах / Гл. ред. А.О. Чубарьян; ИВИ РАН - М.: Наука, 2012. Т.2. С. 810-818.

15. Уваров П.Ю. Территория как проблема: *in ecclesiamento / incastellamento* в современной французской медиевистике // Средние века. 2018. № 79 (3). С. 50-73.

16. Чеканцева З.А. Время историка // Образы времени и исторические представления. Россия - Восток - Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. С. 67-78.

17. Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969. – 240 с.

HISTORICAL SPACE IN A MODERN HISTORICAL STUDY

The paper considers some problems of learning Historical Space, which is one of the modern historical knowledge's directions. In the mid-twentieth century, F. Brodel foregrounded matter of Historical Space social component. Understanding of different globalization's scope, correlation between national and supranational, special features of developing different nations becomes more and more demanding in modern social, humanitarian knowledge. In methodology topic geographical space is limited by social interaction, and in certain way, transforming into historical space. Subject field of Historical Space anyway is sociocultural and defines features of social community's existence. Borders of community forms chains of interaction, also forms limits of real individuals' behaviour and their interpersonal relationships. Nature of Historical Space's subject produces the problem of correlation between sociological and anthropological approach. The importance of anthropological episteme, the profound unconscious basis of social practises, is more and more visibly in modern historical knowledge (I.M Saveleva). Lack of attention to such basis became an object of criticism Brodel's «geohistory» and his irrecognition of history of mentalities as a subject defining main directions of social development. With specific examples, P.U. Uvarov considers the process of establishment medieval civilization in the context of epoch different social communities' interactions. Relocation of nomadic civilizations from East and Central Asia to the West led to fundamental changes in landowner's society in the West of Eurasia. In this area were formed circumstances, that provided effective interaction between individual and society in space of parish and manor, these two centers of power and influence, in the condition of weak government. Way of thinking in the region guaranteed creative potential of social contradictions. Spain's loss of power and wealth by the end of XVI century was analyzed through perception of the world so-called picaro, the peninsula citizen, disrupted his entire routine, the keeper of social negative attitudes of mind and behavior, by I.U. Nikolaeva. Time and space perspectives of learning Historical Study with appropriate multidisciplinary approach gain new heuristic potential.

Keywords: historical space, social community, F. Braudel, anthropological approaches, unconscious, ecclesia, estate, picaro.

References

1. Bourdieu, P. (1993). *Sotsiologia politiki [Sociology of policy]*. Moskva: Sociologos. 268 s.

2. Voskoboynikov, O.S. (2020). *Srednevekovje krupnim planom [The Middle Ages large scale]*. M.: Eksmo. 240 s.

3. Giddens, E. (1999). *Sotsiologia [Sociology]*. Moskva: Editorial URSS. 704 s.

4. Gurevich, A.Ya. (1993). *Istoricheskij sintez i Shkola "Annalov" [Historical synthesis and School "Annales"]*. Moskva: Indrik. 328 s.

5. Nikolaeva, I.Yu. (2010). *Polidistsiplinarnij sintez i verifikatsia v istorii*

[Polydisciplinary synthesis and verification on history]. Tomsk: TSU. 410 s.

6. Repina, L.P. (2011). Istoritcheskaya nauka na rubezhe XX-XXI vv.: socialnie teorii i istoriograficheskaya praktika [Historical science on border XX-XXI centuries: social theories and historiographical practice]. Moskva: Krug. 560 s.

7. Repina, L.P. (2012). Istorija regionov, ili "territoria istorika" posle prostanstvennogo povorota [Regional history, or "territory of historian" after area turning]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time]. № 69. S. 5-16.

8. Saveljeva, I.M. (2012). Istoricheskie issledovanija v XXI veke: teoreticheskij frontier. [Historical Research in XXI century: theoretical frontier]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 38. S. 25-53.

9. Saveljeva, I.M. (2015). Stala li istoria social'noj naukoj. [Is history social science?]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 50. S. 9-34.

10. Saveljeva, I.M. (2017). Istoricheskaya nauka v XXI v.: kljuchevie slova. [Historical science: principal words]. *Dialog so vremenem*. [Dialogue with Time]. № 58. S. 5-24.

11. Tezaurus sociologii: tematiceskij slovar-spravochnik / Pod red. J.T. Toschenko. (2009). [Thesaurus of sociology: subjecting dictionary-reference book / ed. J.T. Toschenko]. Moskva: UNITI-DANA. 487 s.

12. Trubnikova, N.V. (2016). Frantsuzskaja istoricheskaja shkola "Annalov". [French historical School "Annales"]. Moskva: Kvadriga. 336 s.

13. Uvarov, P. Yu. (2012). Chto takoe Srednie veka? [What is the Middle Ages?]. *Vsemirnaja istoria: v 6 tomakh* / Gl. red. A.O. Chubarjan; IVI RAN. [General History: 6 vols. By gen. ed. A.O. Chubarjan; IGH]. Moskva: Nauka. V. 2. S. 5-15.

14. Uvarov, P. Yu. (2012). "Roskosh feodalizma". ["Luxury of Feudalism"] // *Vsemirnaja istoria: v 6 tomakh* / Gl. red. A.O. Chubarjan; IVI RAN. [General History: 6 vols. By gen. ed. A.O. Chubarjan; IGH]. M.: Nauka. V. 2. S. 810-818.

15. Uvarov, P. Yu. (2018). Territoria kak problema: inecclesiamento / incastellamento v sovremennoj frantsuzkoj medievistike. [Territory as problem: inecclesiamento/incastellamento on contemporaneous French medieval research] // *Srednie veka*. [Studies on Medieval and Early Modern History]. № 79 (3). S. 50-73.

16. Tchekantseva, Z.A. (2010). Vremja istorika // Obrazi vremeni i istoricheskie predstavlenija. Rossija. Vostok. Zapad. [Historian's time // Shape of time and historical idea. Russia. East. West]. / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug, 2010. S. 67-78.

17. Stchepan'skij, Ya. (1969). Elementarnie ponjatija sociologii. [Sociology elementary concepts]. Moskva: Progress. 240 s.

Об авторе

Золотов Всеволод Иванович - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: viz.volic@yandex.ru

Zolotov Vsevolod Ivanovich - Doctor of Sciences in History, ordinary professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskij (Russia), E-mail: viz.volic@yandex.ru

УДК 94(4+7)

Инвьяева В.В., аспирантка, младший научный сотрудник, МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МАЙЛЗА ШЕРОВЕРА КАК ТОРГОВОГО АГЕНТА РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ИСПАНИИ В США В 1937-1938 ГГ.

В статье описывается деятельность Майлза Шеровера, американского предпринимателя, президента компании «Гановер Сейлз Корпорэйшн», выполнявшего функции торгового агента Испанской Республики в США в 1937-1938 гг. В исследуемый период М. Шеровер участвовал в ряде инициатив руководства Испанской Республики: испано-американские переговоры по вопросу о сохранности финансов и имущества американских компаний на территории Испании и продажа серебряных запасов Банка Испании Соединённым Штатам с целью оплаты военной техники, товаров гражданского назначения и сырья на вырученные средства. Помимо выполнения посреднических функций между Второй республикой и США в сфере торговли М. Шеровер с целью оказания помощи Республике активно занимался политической деятельностью, последствия которой дискредитировали посольство Испании в Вашингтоне, о чём испанский посол Фернандо де лос Риос, относившийся настороженно к предпринимателю, регулярно докладывал премьер-министру Испанской Республики Хуану Негрину и её министру иностранных дел Хулио Альваресу дель Вайо. В целом деятельность Майлза Шеровера не всегда была последовательной: преследуя цель помочь Второй республике, он занимался не только вопросами испано-американской торговли в годы войны, но и вёл активную политическую деятельность, выходящую за рамки его официальных полномочий и ставившую в трудное положение дипломатию Второй республики в США.

Ключевые слова: Гражданская война в Испании, Вторая республика, Майлз Шеровер, Фернандо де лос Риос, Банк Испании, Национальный совет по внешней торговле, политика нейтралитета, испано-американские отношения.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-58-69

В условиях напряженной международной ситуации второй половины 1930-х годов Гражданская война в Испании, начавшаяся 18 июля 1936 года как внутренний конфликт, очень быстро «интернационализировалась», став первой битвой против фашизма в Европе, в ходе которой столкнулись интересы почти всех великих держав. На протяжении всей войны, начиная с 27 июля, мятежники во главе с Франсиско Франко получали помощь от Италии и Германии, в то время как Франция и

Великобритания объявили о невмешательстве во внутренние дела Испании. СССР с сентября 1936 года оказывал военную и продовольственную помощь Второй республике, однако, объемы поставок фашистских государств франкистам превышали советскую помощь Республике [1, с. 146]. Соединённые Штаты Америки после начала Гражданской войны в Испании не отступили от своей внешнеполитической линии, проводя политику нейтралитета: 1 сентября 1936 года государственный секретарь

США Кордэлл Хэлл уведомил американского посла в Испании Клода Бауэрса о том, что Соединённые Штаты никак не могут отклониться от политики невмешательства в «печальный испанский конфликт» [19, р. 249], а 6 января 1937 года Конгресс США принял резолюцию, объявившую незаконным экспорт оружия, боеприпасов и средств войны из любого места Соединённых Штатов и их владений в Испанию [29, р. 97]. Тем не менее на протяжении всей войны все усилия испанской республиканской дипломатии в США, ключевой фигурой которой являлся Фернандо де лос Риос, посол Испанской Республики в Вашингтоне, были направлены на то, чтобы добиться помощи законному испанскому правительству. В этой связи после принятия данной резолюции Фернандо де лос Риос по поручению министра иностранных дел Испанской Республики Хулио Альвареса дель Вайо приступил к налаживанию контактов с американской компанией «Гановер Сейлз Корпорэйшн» и с её президентом, американским предпринимателем Майлзом Шеровером [25, р. 3]. В настоящем исследовании будут рассмотрены основные направления деятельности М. Шеровера на данном посту и его взаимодействие с политическими деятелями Второй республики и Соединённых Штатов.

Как правило, деятельность Майлза Шеровера как торгового агента республиканской Испании в США исследуется в рамках дипломатии Второй республики в Соединённых Штатах в годы Гражданской войны в Испании, преимущественно в контексте деятельности посла Республики в Вашингтоне в 1936-1939 гг. Фернандо де лос Риоса

и его взаимодействия с М. Шеровером [25, 26, 28]. Центральным источником для исследования заявленной темы является документация испанского посольства в Вашингтоне из личного архива посла де лос Риоса (г. Мадрид), в которой содержится переписка М. Шеровера с послом Республики в Вашингтоне, с представителями Национального совета по внешней торговле США и с заместителем министра финансов Второй республики Деметрио Дельгадо Торресом [2-17].

Испанское посольство в США обратило внимание на предпринимателя М. Шеровера, гражданина США, президента и казначея компании «Гановер Сейлз Корпорейшн», основанной 18 августа 1936 года и занимавшейся сделками с ценными бумагами [3], по рекомендации К.А. Уманского, советника Полномочного представительства СССР в США в 1936-1939 гг., с которым посол де лос Риос поддерживал «близкие и сердечные отношения» [2]. Тем не менее сам К. Уманский неоднократно предупреждал Ф. де лос Риоса о том, что Шеровера «необходимо контролировать, сводя его обязанности к выполнению чётко поставленных задач» [2]. В соответствии с указанием министра иностранных дел Х. Альвареса дель Вайо, 30 августа 1937 года испанское посольство в Вашингтоне официально сообщило о назначении нью-йоркской фирмы «Гановер Сейлз Корпорэйшн» эксклюзивным агентом правительства Республики по закупкам американского оборудования, а также сырья и материалов, производимых в США, отметив тот факт, что весь экспорт в Испанию ограничивается товарами, не запрещёнными законодательством о нейтралитете [17].

В тот же день американская газета «Вашингтон Пост» опубликовала краткую заметку, посвящённую данному событию, под названием «Нью-йоркская фирма стала испанским агентом» [30, р. 9]. Правительство Второй республики полагало, что данная процедура облегчит и упорядочит процедуру осуществления испанских закупок в США [9]. Обращаясь к данным общего объема двусторонней торговли в период с 1936 по 1938 годы, с одной стороны, представляется уместным говорить о сокращении доли Соединённых Штатов в общем обороте внешней торговли республиканской Испании после начала войны: в 1936 году она составила 22,2%, в 1937 – 15,1%, в 1938 – 18,7% [24, р. 19]. С другой стороны, показатели 1937-1938 годов свидетельствуют о постепенном росте доли США в общем обороте внешней торговли Испанской Республики.

Одной из самых важных и первых инициатив правительства Второй республики, в осуществлении которой Майлз Шервер принял самое активное участие в качестве торгового агента республиканской Испании в США, стала попытка приобретения правительством Республики в Соединённых Штатах лимузина с пуленепробиваемым стеклом и кузовом для премьер-министра Хуана Негрина [16]. 7 сентября 1937 года посол Ф. де лос Риос обратился к государственному секретарю Корделлу Хэллу с соответствующей просьбой: «Имею честь обратиться к Вам с просьбой о том, чтобы соответствующий департамент правительства США дал своё согласие на экспорт в Испанию одного бронированного лимузина для Х. Негрина» [8]. 13

сентября 1937 года посол де лос Риос получил ответ от Роберта Уолтона Мура, одного из советников Кордела Хэлла. Сославшись на пункт 6 части I действовавшей прокламации президента США Франклина Делано Рузвельта от 1 мая 1937 года (см. рис. 1), он отметил, что запрашиваемый бронированный лимузин, в соответствии с данным пунктом, относится к категории «военная бронированная машина», и именно по этой причине Р. Мур счёл необходимым распорядиться насчёт невыдачи лицензий на экспорт в Испанию данного типа машин [10].

Несмотря на полученный из государственного департамента США отказ на экспорт в Испанию бронированного лимузина для Негрина Майлз Шервер обратился к нью-йоркской компании «Либман Роббинс Прессман & Лейдер» с запросом об отправке Фернандо де лос Риосу телеграммы с размышлениями о том, является ли запрашиваемый лимузин «военной бронированной машиной». В официальном ответе от данной компании, полученным послом Испании в Вашингтоне 16 ноября 1937 года, содержалась информация о том, что вышеуказанная модель автомобиля «используется в США уже довольно много лет только в гражданских целях, имеет хорошую репутацию среди американских высокопоставленных чиновников, в связи с чем его аналогичное использование предполагается высокопоставленным чиновником Испанской Республики» [11]. Три дня спустя Ф. де лос Риос вновь обратился к К. Хэллу с вопросом о том, стоит ли считать данный пуленепробиваемый автомобиль «военной бронированной машиной», прибегнув к той же аргументации, что и

представители компании «Либман Роббинс Прессман & Лейдер», указав на факт обращения фирмы «Гановер Сэйлз Корпорэйшн» в государственный департамент США с просьбой предоставить два лимузина для президента Второй республики Мануэля Асаньи и для её премьер-министра Хуана Негрина [6]. Однако несмотря на совместные усилия Фернандо де лос Риоса и Майлза Шеровера, 26 ноября 1937 года испанский посол получил отказ от Корделла Хэлла. Сославшись на действовавшую президентскую прокламацию от 1 мая 1937 года и на то, что данные автомобили предназначены для отправки в страну, «в которой ведутся военные действия», государственный секретарь отметил, что в настоящее время обязан отказать в разрешении на вывоз любой техники в «подобные страны» [20, p.602-603].

В то время как посольство Испании в Вашингтоне проявляло осторожность в своих действиях с целью не вызывать недовольство первых лиц США, дипломатия Второй республики в Соединённых Штатах столкнулась с проблемой последствий чрезвычайно активной политической деятельности Майлза Шеровера в связи с тем, что ряд его действий вызывал непонимание со стороны государственного департамента США, создавая трудности испанскому посольству в Вашингтоне. В качестве примера такого поступка М. Шеровера Ф. де лос Риос привёл следующую ситуацию: «Журналист Пирсон оперативно опубликовал содержание одного из наших разговоров с господином Хэллом касательно возможного приобретения одной или двух бронированных машин для президента М. Асаньи и

премьер-министра Х. Негрина. После того, как произошёл разговор, я должен был передать его содержание в конфиденциальном порядке М. Шероверу как агенту по закупкам» [15]. Сложность ситуации заключалась в том, что данный конфиденциальный разговор был опубликован журналистом, который, по словам де лос Риоса, являлся «страшным врагом Хэлла», и что послу потребовалось несколько месяцев для её разрешения [12].

Испанский историк Октавио Руис-Манхон пишет, что в то время как двери американской администрации казались абсолютно закрытыми для дипломатии Республики, открыть их не представлялось возможным даже её неофициальным посредникам, обращаясь к телеграмме Фернандо де лос Риоса Хуану Негрину от 13 января 1938 года [28, p. 435]. Данная телеграмма содержала жалобу на поведение главы «Гановер Сейлз Корпорэйшн», который, по словам посла, «присвоил себе право считаться представителем испанского правительства». В телеграмме от 30 мая 1938 года посол Испании охарактеризовал М. Шеровера как человека, «полезного в осуществлении торговых инициатив, порученных ему Испанской Республикой, но лишённого политического такта, создающего сложные ситуации», сославшись на то, что обладает информацией о причастности Шеровера к «желчной кампании ряда журналистов против государственного секретаря Кордела Хэлла» [2].

Историк Хуан Карлос Мерино Моралес отмечает, что по мере развития Гражданской войны в Испании задачи миссии Фернандо де лос Риоса в США претерпевали изменения. Если

поначалу его целью являлось приобретение оружия и военных самолётов для Испанской Республики, то после 6 января 1937 года он сосредоточился на других направлениях дипломатии, в то же время продолжая работать в данном направлении [25, р. 1]. На аудиенции Ф. де лос Риоса у президента США Франклина Рузвельта 25 февраля 1938 года американский президент произнёс важную для дипломатии Второй республики фразу: «Если Франция или любая другая европейская или восточная страна приобретёт здесь [в США – В.И.] то, в чём нуждается испанское правительство, то мы не будем создавать трудности» [4]. Впоследствии, описывая данное обещание Ф. Рузвельта, де лос Риос указал на то, что Майлз Шервер попытался рассказать о нём советнику Полномочного представительства СССР в США К.А. Уманскому, однако, тот пресёк его, посчитав намерение начать подобный разговор «неосторожным и безрассудным шагом» [12]. Также глава «Гановер Сейлз Корпорэйшн» обратился по данному вопросу к Ли Прессману, юридическому консультанту Конгресса производственных профсоюзов США, о чём последний доложил де лос Риосу [12]. В качестве одной из причин невозможности выполнения данного президентом США обещания Фернандо де лос Риос выделил его огласку и распространение при том, что информация об аудиенции посла Испании у Ф. Рузвельта держалась в строжайшей секретности [4].

Тем не менее активная деятельность Майлза Шервера не всегда наносила удар по репутации Второй республики. Одним из направлений

деятельности М. Шервера в качестве торгового агента Республики в США стало участие в переговорах по поводу сохранности американских финансов и имущества американских компаний на территории Испании. 14 августа 1937 года Национальный совет по внешней торговле объявил, что с этого момента обязуется представлять американские фирмы, имеющие «заблокированные кредиты в Испании», и прикладывать все усилия для получения гарантий их сохранности от испанского правительства [20, р. 537]. Телеграммой от 2 сентября 1937 года посол США в Мадриде К. Бауэрс проинформировал государственный департамент о готовности премьер-министра Испании Хуана Негрина предоставить точные гарантии относительно американских заблокированных денежных средств [20, р. 537]. Две недели спустя американская пресса распространила сообщение о начале переговоров между правительством Второй республики и американской администрацией о выплате 30 миллионов долларов частных американских кредитов, заблокированных в Испании. 16 сентября 1937 года в газете «Нью-Йорк Таймс» появилась статья следующего содержания: «Премьер-министр Хуан Негрин поручил Майлзу Шерверу немедленно вступить в переговоры с заинтересованными сторонами» [27, р. 1].

В статье было опубликовано письмо премьер-министра Республики Х. Негрина, в котором он отметил, что испанское правительство считает справедливым ходатайство американских предпринимателей и готово достичь с ними соглашения относительно порядка выплат: «Одна часть может быть

выплачена наличными деньгами, а остаток – в рассрочку в течение нескольких лет с посильными процентами» [21, р. 549]. Также Негрин подчеркнул, что именно таким образом две демократические страны могут прийти «к важному и полезному соглашению для обеих» [23, р. 1]. Обсуждая данный вопрос с государственным секретарём К. Хэллом, М. Шеровер повторил данную мысль, заявив, что урегулирование «частных американских претензий к Испании благоприятно отобразится на торговых отношениях между Соединёнными Штатами и Испанской Республикой» [27, р. 1].

К. Хэлл в телеграмме от 18 сентября 1937 года проинформировал посла Ф. де лос Риоса о своём разговоре с М. Шеровером 15 сентября 1937 года: «Я проинформировал Шеровера о том, что мы признаём наличие у Испании финансовых трудностей, особенно в сфере внешней торговли; мы надеемся и уверены, что Испания будет работать над урегулированием данных претензий» [13]. 20 сентября 1937 года посол де лос Риос обратился с письмом к президенту Национального совета по внешней торговле Э. Томасу, в котором подтвердил позицию правительства Республики относительно частных американских кредитов и тот факт, что Майлз Шеровер уполномочен вести переговоры по данному вопросу [5]. В телеграмме 25 января 1938 года, адресованной Деметрио Дельгадо Торресу, заместителю министра экономики Второй республики, М. Шеровер высказал уверенность в том, что очень многие крупные кредиторы в основном или в меньшей степени

поддерживают Ф. Франко и даже подвергались угрозам с его стороны: «... если они [американские кредиторы – В.И.] примут какое-либо соглашение или заключат какие-либо условия с законным испанским правительством, то они будут подвергнуты возмездию со стороны франкистов, когда они завоюют всю Испанию. Многие из них также имеют свои интересы или заводы в той части Испании, которую удерживают мятежники, и эти угрозы неизбежно оказывают определенное влияние на их точку зрения» [14]. 5 мая 1938 года испанский поверенный в делах Энрике де ла Каса обратился к государственному секретарю К. Хэллу, сославшись на заявление руководства Испанской Республики, в соответствии с которым «законные интересы иностранцев, не участвующих в мятеже, будут соблюдены, и правительство рассмотрит вопрос о возмещении ущерба, причинённого в ходе войны» [21, р. 182].

16 июля 1938 года советник посольства США в Испании У. Терстон в телеграмме государственному секретарю отметил неспособность испанского республиканского правительства удовлетворить американские претензии в настоящий момент: более того, по мнению дипломата, даже если республиканская Испания одержит победу (что представлялось ему крайне маловероятным), она не будет иметь возможности возместить убытки американским бизнесменам [21, р. 310-311]. Также посольство США в Испании уведомило К. Хэлла о том, что все американские претензии уже доведены до сведения испанских властей, и это обстоятельство заложило основу для

более поздних переговоров по данному вопросу [21, р. 311]. Несмотря на то, что двусторонние переговоры по вопросу возмещения Испанской Республикой американских убытков, понесённых в годы Гражданской войны, велись непрерывно, и законное испанское правительство официально заявило о справедливости американских финансовых претензий и готовности их удовлетворить, республиканская Испания ввиду своего тяжёлого положения не смогла произвести выплаты. В итоге обсуждение данной проблемы было возобновлено уже с франкистским правительством [22, р. 805-833].

В годы Гражданской войны в Испании правительство Второй республики было вынуждено продавать золотые и серебряные запасы Банка Испании, чтобы оплачивать покупку военной техники, товаров гражданского назначения и сырья. Серебро продавалось в меньших количествах и по более низкой цене, чем золото: Испанская Республика прибегла к экспорту серебряных резервов только после того, как были исчерпаны её золотые запасы [23, р. 366]. 17 января 1938 года министр иностранных Республики дел Хосе Хираль передал послу Фернандо де лос Риосу поручение министра финансов Хуана Негрина (занимал данный пост с сентября 1936 года по апрель 1938 года) уполномочить М. Шеровера вести дела по продаже испанского серебра Соединённым Штатам, подчеркнув, что «никакая операция не может быть проведена без согласия министра финансов» [7]. В общей сложности казначейство Второй республики продало США 1225 тонн серебра на сумму около 16 млн. американских долларов:

из них посольство Испании в Вашингтоне получило около 15 млн. долларов, 1 млн. долларов оставила за собой Федеральная резервная система США для оплаты комиссионных и расходов на переработку серебра [23, р. 369]. Несмотря на то, что эмбарго на поставку оружия и военных материалов в Испанию было отменено уже после завершения Гражданской войны, историк А. Эспаса справедливо характеризует приобретение испанского серебра Соединёнными Штатами как жест, направленный на оказание финансовой помощи Испанской Республике [18].

Таким образом, деятельность американского предпринимателя Майлза Шеровера, президента нью-йоркской компании «Гановер Сейлз Корпорейшн», выполнявшего функции торгового агента Второй республики в США в годы Гражданской войны в Испании с целью упорядочивания испано-американских торговых операций, носила противоречивый характер, так как порой его действия выходили за рамки его юридически оформленных полномочий. Пытаясь помочь республиканской Испании приобрести оружие и технику в США в условиях действовавшего американского законодательства о нейтралитете, М. Шеровер за спиной посла Республики в Вашингтоне Фернандо де лос Риоса предпринимал попытки привлечь к этой инициативе журналистов и политических деятелей, предавая огласке детали конфиденциальных испано-американских переговоров и участвуя в журналистских кампаниях, дискредитировавших высокопоставленных американских политических деятелей. Данные действия Шеровера

затрудняли работу испанского посольства в Вашингтоне.

Тем не менее выполняя свои прямые обязанности торгового агента Второй республики в США, Майлз Шеровер принял участие в покупке испанского серебра американской администрацией, что уместно оценить как шаг, направленный на оказание финансовой помощи Испанской Республике, так как в годы войны она была вынуждена продавать золотые и серебряные запасы Банка Испании, чтобы приобрести на вырученные средства военную технику, товары гражданского назначения и сырьё. Также М. Шеровер участвовал в испано-американских переговорах по вопросу об убытках, понесённых американскими компаниями в Испании в годы Гражданской войны. На данном направлении уместно отметить осторожность дипломатии республиканской Испании:

чтобы не вызвать недовольство первых лиц США и американских бизнесменов руководство Республики активно участвовало в переговорах, неоднократно на официальном уровне заявляло о справедливости американских претензий и готовности их удовлетворить. Однако ввиду тяжёлого положения Испанской Республики компенсации американцам не были выплачены, а переговоры были отложены и возобновлены уже с франкистской Испанией.

Несмотря на противоречивый характер действий Майлза Шеровера в качестве торгового агента Испанской Республики в США в годы Гражданской войны в Испании, представляется возможным оценить его деятельность как показатель поддержки Второй республики со стороны определённой части американских бизнесменов и американской общественности.

Список литературы

1. Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929-1941 годы. [Электронный ресурс]. URL: <file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/Downloads/283779-www.libfox.ru.pdf> (дата обращения: 13.08.2021)
2. Archivo de la Residencia de Estudiantes. Fondo Fernando de los Ríos. Embajada de España en Washington. Telegrama sin número, 30 de mayo de 1938. Caja 25, carpeta 3. (далее – ARE.FFR.).
3. ARE.FFR. Informe sobre la Hanover Sales Co. y Miles Sherover, Nueva York, 4 de febrero de 1937. Caja 26, carpeta 12.
4. ARE.FFR. Telegrama 42, 26 de febrero de 1938. Caja 25, carpeta 3.
5. ARE.FFR. Telegrama sin número, 20 de septiembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
6. ARE.FFR. Memorandum 137/13, 19 de noviembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
7. ARE.FFR. Telegrama 10, 17 de enero de 1938. Caja 25, carpeta 18.
8. ARE.FFR. Telegrama 136/15, 7 de septiembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
9. ARE.FFR. Telegrama 193, 14 de agosto de 1937. Caja 26, carpeta 24.
10. ARE.FFR. Telegrama sin número, 13 de septiembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
11. ARE.FFR. Telegrama sin número, 16 de noviembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
12. ARE.FFR. Telegrama sin número, 16 de noviembre de 1938. Caja 25, carpeta 3.

13. ARE.FFR.Telegrama sin número, 18 de septiembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
14. ARE.FFR.Telegrama sin número, 25 de enero de 1938. Caja 26, carpeta 26.
15. ARE.FFR.Telegrama sin número, 25 de noviembre de 1938. Caja 25, carpeta 3.
16. ARE.FFR.Telegrama sin número, 3 de septiembre de 1937. Caja 26, carpeta 26.
17. ARE.FFR.Telegrama sin número, 30 de agosto de 1937. Caja 26, carpeta 28.
18. Espasa A. La política de embargo de EE.UU. contribuyó decisivamente a la victoria de Franco. [Электронный ресурс]. URL: <https://ctxt.es/es/20190619/Politica/26608/estados-unidos-roosevelt-guerra-civil-espanola-andreu-espasa-alexandre-anfruns.htm> (дата обращения: 13.08.2021)
19. Foreign Relations of the United States. 1936. Volume 2. Washington D.C., 1954. (далее – FRUS).
20. FRUS. 1937. Volume 1. Washington D.C., 1954.
21. FRUS. 1938. Volume 1. Washington D.C., 1955.
22. FRUS. 1939. Volume 2. Washington D.C., 1956.
23. Martín Aceña P., Martínez Ruiz E. La Economía De La Guerra Civil. Madrid: Marcial Pons, 2006. 519 p.
24. Martínez Ruiz E. Guerra civil, comercio y capital extranjero: El sector exterior de la economía española (1936-1939)//Estudios de historia económica/Banco de España 2006. №49. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bde.es/f/webbde/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesSeriadas/EstudiosHistoriaEconomica/Fic/roja49.pdf> (дата обращения:19.09.2021)
25. Merino Morales J.C. Exilio en guerra. Fernando de los Ríos y el exilio estadounidense.// [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/24732850/El_embajador_Fernando_de_los_R%C3%ADos_hasta_el_d%C3%ADa_de_hoy (дата обращения: 24.12.2020)
26. Merino Morales J.C. Fernando de los Ríos. Un intelectual en Washington. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/4987655/Fernando_de_los_R%C3%ADos._Un_intelectual_en_Washington._Fernando_de_los_R%C3%ADos._An_intellectual_in_Washington (дата обращения: 13.08.2021)
27. New York Times. 16.09.1937.
28. Ruiz-Manjón O. Fernando de los Ríos: un intelectual en el PSOE. Madrid: Editorial Síntesis, 2007. 511 p.
29. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1937. Volume 81. Washington D.C.
30. Washington Post. 30.08.1937.

MILES SHEROVER AS A SALES AGENT OF REPUBLICAN SPAIN IN THE UNITED STATES IN 1937-1938

The article describes the activities of Miles Sherover, an American entrepreneur, president of the Hanover Sales Corporation, who served as a sales agent of the Spanish Republic in the United States in 1937-1938. During the study period, M. Sherover, being authorized by the Government of the Second Republic, participated in a number of initiatives of the leadership of the Spanish Republic, such as Spanish-American negotiations on the security of the finances and property of American companies in

Spain and the sale of silver reserves of the Bank of Spain to the United States in order to pay for the purchase of military equipment, civilian goods and raw materials with the proceeds. In addition to being as a middleman between the Spanish Republic and the United States in the trade, M. Sherover was actively engaged in political activities, the consequences of which discredited the Embassy of the Republic in Washington, as the Spanish Ambassador Fernando de los Rios, who was wary of the entrepreneur, regularly reported to the Prime Minister of the Spanish Republic Juan Negrin and Foreign Minister Julio Alvarez del Vayo. In general, the activities of Miles Sherover were contradictory: in order to help the Second Republic, he was engaged not only in issues of Spanish-American trade during the war, but also was carried out active political activities that went beyond his official powers and put the diplomacy of the Second Republic in the United States in a difficult position.

Keywords: Spanish Civil War, Second Spanish Republic, Miles Sherover, Fernando de los Rios, Bank of Spain, National Council on Foreign Trade, policy of neutrality, Spanish-American relations

References

1. Shubin, A. V. *Mir na krayu bezdny. Ot global'nogo krizisa k mirovoj vojne. 1929-1941 gody.* [The world is on the edge of the abyss. From the global crisis to the world war. 1929-1941] Retrieved 13 August, 2021 from file:///C:/Users/%D0%92%D0%B8%D0%BA%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%8F/Downloads/283779-www.libfox.ru.pdf
2. Archive of the Student Residence. Fernando de los Rios Fund. Embassy of Spain in Washington. Telegram without number, 30 May 1938. Box 25, folder 3. (hereinafter – ARE.FFR.)
3. ARE.FFR. Report on Hanover Sales Co. and Miles Sherover, New York, February 4, 1937. Box 26, folder 12.
4. ARE.FFR. Memorandum 137/13, 19 November 1937. Box 26, folder 26.
5. ARE.FFR. Telegram 10, January 17, 1938. Box 25, folder 18.
6. ARE.FFR. Telegram 136/15, September 7, 1937. Box 26, folder 26.
7. ARE.FFR. Telegram 193, August 14, 1937. Box 26, folder 24.
8. ARE.FFR. Telegram 42, February 26, 1938. Box 25, folder 3.
9. ARE.FFR. Telegram without number, August 30, 1937. Box 26, folder 28.
10. ARE.FFR. Telegram without number, January 25, 1938. Box 26, folder 26.
11. ARE.FFR. Telegram without number, November 16, 1937. Box 26, folder 26.
12. ARE.FFR. Telegram without number, November 16, 1938. Box 25, folder 3.
13. ARE.FFR. Telegram without number, November 25, 1938. Box 25, folder 3.
14. ARE.FFR. Telegram without number, September 13, 1937. Box 26, folder 26.
15. ARE.FFR. Telegram without number, September 18, 1937. Box 26, folder 26.
16. ARE.FFR. Telegram without number, September 20, 1937. Box 26, folder 26.
17. ARE.FFR. Telegram without number, September 3, 1937. Box 26, folder 26.
18. Espasa, A. U.S. embargo policy contributed decisively to Franco's victory. Retrieved 13 August, 2021 from <https://ctxt.es/es/20190619/Politica/26608/estados-unidos-roosevelt-guerra-civil-espanola-andreu-espasa-alexandre-anfruns.htm>
19. Foreign Relations of the United States. 1936. Volume 2. Washington D.C., 1954. (hereinafter –FRUS)
20. FRUS. 1937. Volume 1. Washington D.C., 1954.
21. FRUS. 1938. Volume 1. Washington D.C., 1955.

22. FRUS. 1939. Volume 2. Washington D.C., 1956.

23. Martín Aceña P., Martínez Ruiz E. The economy of the Civil War. Madrid: Marcial Pons, 2006. 519 p.

24. Martínez Ruiz, E. (2006). Civil War, trade and foreign capital: The foreign sector of the Spanish economy (1936-1939). Economic history studies/Bank of Spain, 49. Retrieved 19 September, 2021 from <https://www.bde.es/f/webbde/SES/Secciones/Publicaciones/PublicacionesSeriadas/EstudiosHistoriaEconomica/Fic/roja49.pdf>

25. Merino Morales, J.C. Exile in war. Fernando de los Ríos and the American exile. Retrieved 13 August, 2021 from https://www.academia.edu/24732850/El_embajador_Fernando_de_los_R%C3%ADos_hasta_el_d%C3%ADa_de_hoy

26. Merino Morales, J.C. Fernando de los Ríos. An intellectual in Washington. Retrieved 13 August, 2021 from https://www.academia.edu/4987655/Fernando_de_los_R%C3%ADos._Un_intelectual_en_Washington._Fernando_de_los_R%C3%ADos._An_intellectual_in_Washington

27. New York Times. 16.09.1937.

28. Ruiz-Manjón, O. (2007). Fernando de los Ríos: an intellectual in the PSOE. Madrid: Editorial Síntesis, 511 p.

29. US Congress. Congressional Record. Proceedings and Debates. 1937. Volume 81. Washington D.C.

30. Washington Post. 30.08.1937.

Об авторе

Инвьяева Виктория Владимировна – аспирантка кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия); младший научный сотрудник лаборатории новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Россия), E-mail: victoria.inviyaeva@mail.ru

Inviyaeva Victoria Vladimirovna – PhD Student, Department of Modern and Contemporary History, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University (Russia); Junior Research Associate, Laboratory of Modern and Contemporary History of European and American Countries, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University (Russia), E-mail: victoria.inviyaeva@mail.ru

Part II

THE PRESIDENT'S PROCLAMATION OF MAY 1, 1937

The President's proclamation of May 1, 1937, issued pursuant to section 5 of the joint resolution of May 1, 1937, amending the joint resolution of August 31, 1935, reads as follows:

BY THE PRESIDENT OF THE UNITED STATES OF AMERICA

A PROCLAMATION

WHEREAS section 5 of the joint resolution of Congress approved May 1, 1937, amending the joint resolution entitled "Joint resolution providing for the prohibition of the export of arms, ammunition, and implements of war to belligerent countries; the prohibition of the transportation of arms, ammunition, and implements of war by vessels of the United States for the use of belligerent states; for the registration and licensing of persons engaged in the business of manufacturing, exporting, or importing arms, ammunition, or implements of war; and restricting travel by American citizens on belligerent ships during war," approved August 31, 1935, as amended February 29, 1936, provides in part as follows:

"The President is hereby authorized to proclaim upon recommendation of the Board from time to time a list of articles which shall be considered arms, ammunition, and implements of war for the purposes of this section."

NOW, THEREFORE, I, FRANKLIN D. ROOSEVELT, President of the United States of America, acting under and by virtue of the authority conferred upon me by the said joint resolution of Congress, and pursuant to the recommendation of the National Munitions Control Board, declare and proclaim that the articles listed below shall, on and after June 1, 1937, be considered arms, ammunition, and implements of war for the purposes of section 5 of the said joint resolution of Congress:

Category I

- (1) Rifles and carbines using ammunition in excess of caliber .22, and barrels for those weapons;
- (2) Machine guns, automatic or autoloading rifles, and machine pistols using ammunition in excess of caliber .22, and barrels for those weapons;
- (3) Guns, howitzers, and mortars of all calibers, their mountings and barrels;
- (4) Ammunition in excess of caliber .22 for the arms enumerated under (1) and (2) above, and cartridge cases or bullets for such ammunition; filled and unfilled projectiles for the arms enumerated under (3) above;
- (5) Grenades, bombs, torpedoes, mines and depth charges, filled or unfilled, and apparatus for their use or discharge;
- (6) Tanks, military armored vehicles, and armored trains.

Рис.1. Фрагмент президентской прокламации 1 мая 1937 года.

УДК 930.1

Исмаилова З.А., аспирантка Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия)

ПОСМЕРТНАЯ ЛЕТОПИСНАЯ ПОХВАЛА ПРАВИТЕЛЮ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (НА ОСНОВАНИИ ВЫВОДОВ А.А. ШАХМАТОВА В ИЗУЧЕНИИ ЛЕТОПИСЕЙ)

Данная статья посвящена изучению такого отдельного историко-литературного жанра как летописная *похвала* правителю. На протяжении XI-XVI вв. летописная похвала была весьма распространенным приемом средневековых книжников. Сравнивая похвалы разных русских летописей и разных исторических периодов, автор доказывает, что летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, отражала хорошую осведомленность летописца, его симпатии и антипатии, в XII в. приобрела готовый вид – литературную форму. Ранние похвалы (XI-XIII вв.) верно отражали историческую действительность, содержали *индивидуальные* черты правителя, менялись в зависимости от исторических условий, что повышает их ценность как исторического источника. Выяснялось также наличие двух основных *форм* похвалы – южной и северной; первая форма была распространена в Киевской и Галицко-Волынской Руси, вторая – в Суздальской. Различие между ними в том, что южная похвала имела светский характер, а северная – церковный; южная похвала ограничивалась местными интересами, а северная – имела всемирно-исторический масштаб. В целом похвала может быть рассмотрена как отдельный летописный средневековый жанр, отличающийся особыми сюжетными и стилистическими признаками.

Ключевые слова: похвала, правитель, князь, летописец, посмертная характеристика, литературная форма, А.А. Шахматов, Никон-летописец, киевская летопись, галицко-волынская летопись, татарское нашествие.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-70-82

Похвала правителю – весьма распространенный литературный прием средневековых книжников. Она присутствует в летописях, житиях, сказаниях. При этом историки редко обращали на нее внимания. Как отдельный жанр средневекового письма похвала никогда не рассматривалась, не подвергалась исторической критике. Между тем, решение этой задачи позволит выявить закономерности в развитии *похвалы* как отдельного историко-литературного средневекового жанра и дать ей оценку как историческому источнику.

Для изучения летописных похвал русским князьям-правителям были использованы русские летописи, как старейшие (Лаврентьевская, Новгородская первая младшего извода, Ипатьевская), так и более поздние (Симеоновская, Рогожский летописец, Московский летописный свод конца XV в. и др.). Была привлечена к исследованию и Степенная книга как литературный памятник XVI в.

Похвала могла быть разной: прижизненной или посмертной, летописной или церковной. Княгине Ольге за ее мудрость в летописи воздана церковная

похвала. Князю Святославу за его воинскую доблесть летописец воздал прижизненную летописную похвалу. Известна церковная похвала митрополита Илариона князю Владимиру Святославичу. В нашем исследовании были рассмотрены только посмертные летописные похвалы правителям.

В 1015 г. скончался князь Владимир Святославич. Узнав об этом, «люди, сошлись без числа и плакали по нем, бояре аки заступника земли их, убогие аки заступника и кормителя; и вложили его в гроб мраморный, спрятали тело его с плачем великим». Сразу же после этого известия в летописи читается похвала Владимиру: «Сей же есть новый Константин великого Рима, иже крестился сам и людей своих крестил: и так сей створил подобно ему» [1, с. 90]. Далее в летописи идет длинное рассуждение о пользе крещения и покаяния, которое, как доказал А.А. Шахматов, является поздней вставкой из жития князя [2, с. 42, 389]. После этой вставки речь вновь о князе Владимире: «Сего в памяти держат русские люди, поминая святое крещение и прославляя Бога в молитвах, песнях и псалмах». В Лаврентьевской летописи к этому прибавлены слова восхищения князем: «Дивно же есть, сколько добра створил Русской земле, крестив ее» [3, с. 128]. Такова посмертная летописная похвала князю Владимиру – она кратка, характеризует князя только как *крестителя* Руси, оставляя в забвении другие его *христианские* и светские добродетели.

Чтобы понять краткость и однообразие этой похвалы, необходимо учитывать, что известия о княжении Владимира, как доказал А.А. Шахматов,

были внесены в летопись на основании *устного* предания – народных песен, былин, прозаических рассказов [2, с. 464, 485]. Летописец хорошо знал народные легенды, которые связывали имя князя Владимира не только с крещением Руси: «Едва ли не главною заслугою Владимира в глазах русских людей, - заметил А.А. Шахматов, - было объединению им под своею властью всех восточнославянских племен: народное предание приписывало ему покорение вятичей, радимичей, хорватов; им же покорена Ятвяжская земля. Все эти походы воспевались, по-видимому, в былинах, которые рано стали переносить на Владимира подвиги предшествовавших ему князей. Так о покорении вятичей другие народные предания говорили, как о деле Святослава» [2, с. 484]. И летописец последовал этому последнему преданию, внося в летопись под 966 г. известие о победе Святослава над вятичами [3, с. 64]. Поэтому, составляя в 1039 г. похвальное слово князю Владимиру, он не решился вновь следовать народному преданию и противоречить самому себе. Летописец поступил осторожно – он воздал Владимиру *краткую* и малосодержательную похвалу.

Сын Владимира – Ярослав посмертной похвалы не удостоился. Причина этого кроется не в том, что Ярослав в глазах летописца не заслужил похвалы, а в другом.

В 1039 г., как выяснил А.А. Шахматов, был составлен первый киевский летописный свод. Его составление было связано с постройкой и освящением киевского Софийского собора. Свод заканчивался известием об этом

события, после которого следовала похвала Ярославу, в которой князь прославлялся как просветитель Руси: «И при сем начала вера христианская плодиться и расширяться, и черноризцы начали множиться, и монастыри начали быть. И Ярослав любил церковные уставы, попов любил повелику, излиха же черноризцев, и книгам прилежал, почитая их часто в ночи и в дни; и собрал писцов многих, и переложили от Грек на Словенское письмо, и списали книги многие и списки, ими же, поучаясь верные люди, наслаждаются ученьем божественным». Далее идет пространное рассуждение на тему «Велика бывает польза от ученья книжного», после – вновь речь о Ярославе: «Ярослав же сей, якоже сказали, любил книги и, много написав, положил в святой Софии церкви, которую сам создал; украсил ее золотом и серебром и сосудами церковными. И иные церкви ставил по городам и по местам, поставляя попов и давая им от имени своего урок, вели им учить людей. И умножились пресвитеры и люди христианские. Радовался Ярослав, видя множество церквей и людей христианских» [3, с. 148-149].

Видим, что похвала Ярославу, не являясь *посмертной*, является, однако намного пространнее похвалы его отцу – князю Владимиру. Летописец отметил в ней *действительные* черты правления князя – широкое строительство церквей и монастырей, создание при них скрипториев, где переводились и переписывались книги. Всё это говорит о том, что, воздавая похвалу Ярославу, летописец был весьма осведомлен о его княжении; если принять

вывод А.А. Шахматова о создании первого летописного свода в Киеве в 1039 г., то он был его современником.

Тот же А.А. Шахматов выяснил, что продолжателем киевского свода 1039 г. был в 1072-1073 г. игумен Печерского монастыря Никон [2, с. 423], один из самых образованнейших людей своего времени: «великий Никон» - так называли его современники за его знания, ум, начитанность. Никон, приступая к своей работе, имел в руках первый киевский летописный свод, составленный при Софийском соборе. Он его прочел и, конечно, заметил, что оканчивался свод *похвалой* Ярославу. Продолжив свод и доведя его до 1054 г., года смерти Ярослава, Никон, естественно, не стал воздавать ему новую похвалу. Он лишь заметил, что после смерти Ярослава «плакали по нем Всеволод и все люди» [1, с. 114]. Так Ярослав не удостоился *посмертной* похвалы – по причине чисто технической.

Никон, редактируя киевский свод 1039 г. и продолжив его, стал автором первых посмертных похвал русским князьям, в которых содержалась их *личная характеристика*. Первой такой похвалой была похвала тмутараканскому князю Мстиславу, скончавшемуся в 1036 г.: «Был Мстислав деibel телом, чермен лицом, велик очами, храбр на рати, и милостив, любил дружину повелику, а имения не щадил, ни питья, ни ядения не браняше» [1, с. 105].

Другой тмутараканский князь – Ростислав брал дань у касогов и в иных странах, и «сего убоялись греки», послали котопана, и тот в 1066 г. отравил Ростислава. «Был же Ростислав муж добр на рать, возрастом же леп и красен лицом, милостив убогим»

[1, с. 117].

В 1078 г. в Заволочье чудью был убит новгородский князь Глеб Святославич. «Был Глеб милостив на убогих и страннолюбив, тщание имея к церквам, тепл на веру и кроток, взором красен» [1, с. 140]. Заметим, что Глеб княжил в 1054-1064 гг. в Тмутаракани.

Все эти похвалы-характеристики принадлежат перу Никона [2, с. 439]. Нетрудно заметить их похожесть, литературную близость. Также нетрудно заметить, что они возданы *Тмутараканским* князьям. Чем объяснить внимание Никона-летописца к этому далекому княжеству, затерянному на окраине русского мира?

А.А. Шахматов обратил внимание на то, что Никон отправился в 1064 г. в Тмутаракань и основал там монастырь. Он хорошо знал тмутараканских князей Ростислава и Глеба и события, разыгравшиеся в Тмутаракани в 1064-1067 гг., был «живой свидетель этих событий, присутствовавший при всех них и, очевидно, принимавший деятельное участие в жизни Тмутаракани» [2, с. 423]. Там же, в Тмутаракани, Никон мог расспросить о первом Тмутараканском князе – знаменитом Мстиславе Лютом, как запомнила его народная легенда. В 1067 г. Никон вернулся в Киев, а в 1074 г. он еще раз виделся с князем Глебом, который пришел в Печерский монастырь проститься с умиравшим игуменом Феодосием [1, с. 131-132].

Таким образом, Никон был хорошо осведомлен о событиях, о которых сказал в летописи, о князьях, которым воздал посмертные похвалы. Он продолжил летописный свод и внес в

него известия, начиная с 1039 г. и заканчивая 70-ми годами.

Под 1078 г. в летописи содержится похвала киевскому князю Изяславу, скончавшемуся в том году в междоусобной брани: «Был же Изяслав муж взором красен, и телом велик, незлобив нравом, кривого ненавидел, любил правду, не было в нем лести, но прост был умом, не отвечал злом на зло» [3, с. 196]. Судя по литературным выражениям и синтаксису, эта похвала также принадлежит «великому Никону».

Однако, другой киевский князь – Святослав не удостоился похвалы от Никона, т.к. с этим князем у игумена были непростые отношения – Никон порицал Святослава за неправомерное отнятие киевского стола у старшего брата Изяслава. В 1088 г. Никон скончался. Похвалу Всеволоду, скончавшемуся в 1093 г., он воздать, таким образом, не мог.

Наши наблюдения точно соответствуют выводам А.А. Шахматова о русском летописании XI в. и опираются на них. Только исходя из версии А.А. Шахматова о создании первого древнейшего летописного свода в Киеве в 1037-1039 гг., можно объяснить отсутствие в «Повести временных лет» похвалы Ярославу Владимировичу; только опираясь на выводы А.А. Шахматова о Никоне-летописце можно объяснить осведомленность летописца о тмутараканских князьях или же понять, почему посмертной похвалы удостоился Изяслав Ярославич и не удостоился его брат Святослав.

Такова *фактическая* история первых летописных похвал русским князьям. Мы замечаем, что похвала отражала симпатии и антипатии летописца,

говорила о его весьма хорошей осведомленности.

Однако, уже тогда – в XI в. – замечаем, как похвала становится литературным памятником, в котором застывают *готовые* выражения и характеристики. К анализу этой – *литературной* – стороны похвалы мы и переходим.

Князь Ярополк Изяславич, княживший во Владимире Волынском, в 1086 г. был предательски убит своим приближенным «проклятым Нерадцем». «Многие беды приял, - говорит о нем летопись, - без вины был изгнан от братьев своих, обидим и разграблен, наконец и смерть горькую приял: но вечной жизни и покою сподобился. Таков был блаженный князь Ярополк кроток, смирен, братолюбив и нищелюбец, десятину давал от всех скот своих святой Богородицы, и от жита нався лета, и молил Бога всегда, глаголя: "Господи Боже мой, Иисусе Христе! Прими молитву мою, и дай же мне смерть таковую, якоже дал братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи все своею кровью, избуду суетного света и сети вражьей"» [3, с. 145].

Трудно сказать, кому принадлежит авторство этой похвалы – Никону, еще жившему в 1086 г., или же его продолжателю. Судя по лексике и синтаксису, ее автором вполне мог быть Никон.

Вернемся к похвалам трем тмутарканским князьям – Мстиславу, Ростиславу и Глебу. Прибавим к ним похвалу Ярополку Волынскому и сравним все четыре похвалы-характеристики.

Отметим, что все они кратки – только характеристика Ярополка более развернута, чем остальные, за счет развития мысли о его насильственной

кончине. Все характеристики отмечают *личные* черты правителей, но первые две – тмутарканских князей Мстислава и Ростислава – характеризуют их как храбрых воинов, а две другие – Глеба и Ярополка – особенно отмечают их религиозные и церковные добродетели. Храбрость Мстислава и Ростислава противопоставлена *кротости* Глеба и *смирению* Ярополка. Щедрость Мстислава к дружине – щедрости Ярополка к церкви.

Таким образом, первые летописные посмертные похвалы русским князьям – это *краткие* их характеристики, которые можно разделить на две группы: характеристики храбрых воинов и характеристики кротких правителей. Их соединения или смешения до конца XI в. не наблюдаем.

В XII в. эти две характеристики соединились, и возникла *развернутая* похвала правителю. В 1172 г., воюя Новгородскую землю, скончался князь Святослав Ростиславич. «Сей же благоверный князь был украшен всякой добродетелью, храбр на рати, и любовь имел ко всем, особенно к милостыне прилежал, и монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святительский чин достойною честью чтит; имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал злата и серебра, но отдавал дружине». Если сравним эту характеристику с предыдущими, то заметим, каким образом в ней развиты элементы последних: выражение «любил дружину повелику, а имения не щадил» в характеристике Мстислава Тмутарканского развернуто в «имел дружину в чести и имения не щадил, не собирал

злата и серебра, но отдавал его дружине» в характеристике Святослава; краткое «тщание имел к церквам» из похвалы Глеба Святославича было развернуто в длинное перечисление: «монастыри одаривал, и монахов утешал, и церкви и попов одаривал, весь святиТЕЛЬСКИЙ чин достойною честью чтил» в похвале Святославу. Таким образом, оба элемента похвалы были развиты. Посмертная похвала-характеристика Святослава стала весьма распространенной в киевском летописании и превратилась в застывшую *формулу*.

Другая формула посмертной похвалы была выработана на севере. В 1125 г. «преставился благоверный и великий князь русский Владимир (Мономах – авт.), сын благоверного отца Всеволода, украшенный добрыми нравами, прославившийся в победах, от имени его трепетали все страны и по всем землям распространился слух о нем: понеже он всею душой возлюбил Бога. <...>Всех зломыслящих на него дал Бог под руки его, понеже не возноился, не величался, но на Бога возлагал всё, и Бог покорил под ноги его всех врагов; он же, заповедь Божью храня, добро творил врагам своим, отпускал их одаренными. Милостив же был паче меры... и не щадил имения своего, раздавая требующим, и церкви создавал и украшал; чтил же излиха чернеческий чин и поповский, подавая им еже на потребу и принимая от них молитвы» [3, с. 279-280].

В 1212 г. «преставился великий князь Всеволод (Большое Гнездо – авт.), именованный в святом крещении Дмитрий, сын Юрия, благочестивого князя всея Руси, внук Владимира Мономаха, княжив в Суздальской земле

лет 37. Много мужествовав и дерзость имев, на бранях показав, украшен всеми добрыми нравами, злых казня, а доброммысленных милуя... Сего имени трепетали все страны, и по всей земле распространился слух о нем, и всех зломыслящих на него дал Бог под руки его: понеже не возноился, не величался о себе, но на Бога возлагал всю свою надежду, и Бог покорил под ноги его всех врагов его. Многие же церкви создал по волости своей, ибо создал церковь прекрасную на дворе своем святого мученика Дмитрия, и украсил ее дивными иконами и писанием, и принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия... имея присно страх Божий в сердце своем, подавая требующим милостыню, судя суд истинен и нелицемерен, не обвиняя лица сильных своих бояр, обидящих меньших и роботящих сирот и насилье творящих; любил же помногу черноризческий и поповский чины» [3, с. 414-415].

Сравнивая эти две характеристики – Владимира Мономаха и Всеволода Большое Гнездо – нетрудно заметить, что написаны они по одинаковому образцу. Этот образец и есть северо-русская *формула* посмертной похвалы правителю. Отметим ее отличия от южной. Первое отличие – частое упоминание *Бога*, близкие к библейским выражения и общий церковный тон, столь контрастирующий со светским тоном южно-киевской похвалы. Второе отличие – *всемирно-исторический* масштаб, в котором восхваляемый правитель предстает центральной, грозной фигурой: от одного его имени «трепетали все страны» и

все враги его были покорны ему. Южная летопись никогда не поднималась до такого масштаба.

Посмотрим на посмертное слово Владимиру Мономаху из Ипатьевской летописи: «Преставился благоверный князь, христоробивый и великий князь всея Руси Владимир Мономах, иже просветил всю Русскую землю, аки солнце лучи испуская; слух о нем прошел по всем странам, наипаче же был страшен поганым, братолюбец и нищелюбец, и добрый страдалец за Русскую землю» [1, с. 208]. Сравним эту характеристику с характеристикой из Лаврентьевской летописи и увидим, что она: 1) намного короче; 2) в противоположность церковному тону похвалы из Лаврентьевской летописи в ней видны следы народноязыческого сознания: «аки солнце лучи испуская», и полностью отсутствует слово Бог; 3) в противоположность всемирно-историческому масштабу похвалы Лаврентьевской летописи она имеет местный характер: слух о князе «прошел по всем странам», однако, наипаче князь «был страшен поганым» - отметил летописец, локализуя значение деятельности правителя местными интересами; 4) она имеет светский характер и подчеркивает воинские добродетели правителя – «добрый страдалец за Русскую землю».

Приведем другой пример. В похвале скончавшемуся в 1264 г. Даниилу Романовичу, князю галицко-волынского (с 1255 г. – королю) сказано: «Сей же король Данило князь добрый, храбрый и мудрый, создал города многие и церкви поставил и украсил их различными красотами; был братолюбив с братом своим Васильком; сей же Данило был второй после Соломона» [1, с.

570]. В этой похвале также совсем не заметно ни торжественного церковного тона, ни всемирно-исторического масштаба: о правителе, который вел успешные войны, объединил Галицию с Волынью и действительно был известен и страшен окрестным странам, всего лишь сказано, что он был храбр. При этом отмечены действительные черты его правления – интенсивное строительство городов, мирные отношения с братом-соправителем Васильком.

Итак, посмертная похвала правителю – это готовый образец, окончательно принявший свою форму в XII в. Но в этот образец летописец почти всегда вносил *индивидуальные* черты и отличительные особенности правителя. В похвале Глебу Юрьевичу отметил, что «сей князь, к кому крест целовал, тому не преступал и до смерти» [1, с. 384]. Похвалу Ярославу Осмомыслу начал сразу же с указания на его ум и мудрость: «Был же князь мудр и речен языком, и богобоязлив, и честен в землях, и славен полкы...» [1, с. 441-442]. О Всеволоде Большое Гнездо непременно заметил, что он «принес доску гробную из Селуня святого мученика Дмитрия». Иногда прибегал к сравнению: в 1197 г. скончался Всеволод Святославич, был князь «в роде Ольговичей всех удалее...» [1, с. 467]. О князе Рюрике Ростиславиче отметил, что он «имел любовь ненасытную о зданиях» - конечно, церковных [1, с. 476]. В похвале Юрию Всеволодовичу не забыл упомянуть о том, что сей князь «Новгород второй поставил на Волге в устье Оки» в 1221 г. [3, с. 445]. В 1288 г. скончался волынский князь Владимир Василькович. «Сей же благоверный князь

Владимир возрастом был высок, плечами велик, лицом красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стриг...» [1, с. 605]. Начало похвалы вполне типичное и традиционное, но затем встречаем сугубо *личные* черты - «волосы желты кудрявы, бороду стриг».

Исходя из этого, можно согласиться с мнением исследователя княжеских житий Н.И. Серебрянского: «Древний летописец тоже пользовался стереотипными фразами, но он умел в характеристике каждого князя отметить какую-нибудь оригинальную черту» [4, с. 62].

Новгородские летописи не содержат похвал князьям, что объясняется положением князя в Новгороде, где он был только военным слугою Господина Великого Новгорода. Но в Новгородской первой летописи младшего извода в самом ее начале есть характеристика древних князей: «Вас молю, стадо христово, с любовью приклоните уши ваши разумно: каковы были древние князи и мужи их, и как боронили Русскую землю, и иные страны покоряли под себя; те князи не собирали много имения, ни творимых вир, ни продаж не восклали на людей; но, если была правая вира, а ту, взяв, давали дружине на оружье» [8, с. 103-104].

Видим, как летописец в *прикрытой* форме осуждал алчность княжеских слуг, которые «сбирали много имения» с подвластного населения, тяготили его вирами и продажами. Последний пример о правой вине, которую древние князья отдавали дружине на оружие, новгородский летописец взял из «Повести временных лет». В ней в статье под 996 г. сказано, как епископы и старцы обратились к князю

Владимиру Святославичу: «рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буде». И сказал Владимир: «Тако буди» [3, с. 124].

Готовая формула похвалы претерпела серьезные испытания в период татарского нашествия. Похвала князю Юрию Всеволодовичу, погибшему в битве с татарами на реке Сити в 1238 г., начинается традиционно: «Был Юрий сын благоверного отца Всеволода, украшен добрыми нравами...». Далее летописец должен был повторить готовые фразы «имени его трепетали все страны, по всем землям распространился слух о нем», но опустил их – по понятным причинам. Однако, фразу о «всех злоумышляющих» на князя летописец оставил: «всяк зломыслящих на него, безбожных татар отпускал одаренными» [3, с. 445]. Далее пояснено: «прежде прислали послы свои злые те кровопийцы, рекуще: мирись с нами», а Юрий «того не хотяше» и отпустил послов одаренными. В похвалах Владимиру Мономаху и Всеволоду Большое Гнездо «всех зломысляющих» на них «дал Бог под руки» им и врагов их «покорил под ноги» их. Однако, то же самое сказать о Юрии Всеволодовиче, разбитом и убитом татарами, летописец не мог. Поэтому завершил свою похвалу по-другому – почти в житийном стиле: «всякий, держащийся добродетели, не может без многих врагов быть» [3, с. 445].

В период после татарского нашествия похвала претерпевает изменения – на первое место в ней выдвигается теперь не храбрость, не воинственность правителя и не любовь его к дружине, как было ранее, а его забота о

христианах, их *мирная* защита от «безбожных» татар.

Князь Глеб Василькович с 1238 г. сидел на столе в Белоозере, затем, в 1277-1278 гг., был князем в Ростове. В посмертной похвале ему летописец говорит о нем: «Сей князь от юности своей, по нахождении поганых Татар и по пленении от них Русской земли, начал служить им и многих христиан, обижаемых от них, избавил, и печальных утешал, брашно свое и питье нещадно требующим подавал, и многую милостыню нищим, убогим, сиротам, вдовицам, маломощным подавал, поминая... яко вода гасит огонь, так и милостыня – грехи; того ради нещадно милостыню требующим подавал и церкви многие создал и украсил иконами и книгами... Услышавши о смерти его, все люди града Ростова стеклись на двор его, великие и малые плачем великим плакали по нем, убогие, яко кормителя, вдовицы и сироты, яко заступника и подателя, бояре же и слуги, яко господина потеряли» [5, с. 76]. В этой похвале служба татарам является положительной чертой правителя, но его главной добродетелью выступает его забота о несчастных христианах, «обижаемых погаными татарами».

В поздних летописях собственно *летописная* похвала заменяется житийной. Она становится весьма пространной: в Степенной книге встречаем похвалу князю Владимиру Святославичу - «Похвалу вкратце», которая, однако, заняла почти полторы страницы [6, с. 131-133]. Начинается она словами: «Сицево житие великого Владимира...», а заканчивается: «...Ему же слава и держава с Отцом и Сыном и Святым Духом, и ныне и присно и во

веки веком. Аминь». В этой многословной похвале мы не найдем ни единой особенности *личности* князя Владимира, ни одной характерной черты его правления.

Другой пример житийной похвалы – похвала князю Александру Невскому, которая была внесена в летопись в XV в. из жития князя [7, с. 164, 171] и представляет собой классический образец житийно-нравоучительного восхваления [8, с. 305]. В этой похвале мы также не найдем ни одной характерной черты князя Александра.

Еще один пример житийной похвалы – похвала Дмитрию Донскому, скончавшемуся в 1389 г. Древний летописец лаконично означил смерть князя: «Преставился христоробивый князь великий Дмитрий Иванович всея Руси» [3, с. 509]. Поздний же летописец не ограничился этим кратким известием и прибавил к нему похвалу князю – в духе житийного канона: был князь «церквям – попечение и украшение, служителям их – кормитель, нищим – питатель, странникам – приятель, больным – посетитель, алчущим – обильное брашно, жаждущим – нескудный напоитель, и всем сущим под властью его – тишина и пристанище небурное» [9, с. 218]. Эта похвала не только не содержит индивидуальных качеств правителя и действительных черт его правления, она – противоречит исторической действительности. «Тишина и пристанище небурное» господствовали в княжение Ивана Калиты и его сыновей, но не внука, в правление которого Московское княжество терзали литовцы, новгородские ушкуйники и в 1382 г. страшно опустошил Тохтамыш.

Другая особенность поздних летописей – исчезновение изменений в готовой формуле похвалы. В Псковской первой летописи есть две помертвые похвалы псковским князьям. Одна из них относится к князю Довмонту (1266-1299): «Сей же князь был не одним храборством показан от Бога, но и боголюбец показался, в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил, и все праздники честно проводил, попов и чернецов кормил, и милостыню давал сиротам и вдовицам» [10, с. 183]. Другая – похвала князю Данилу Александровичу: «Преставился (в 1405 г. – авт.) в Пскове князь Данило Александрович, месяца апреля в 4, на память святого отца Иосифа. Была тогда во Пскове туга и печаль по боголюбивом князе: показался в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил, все праздники честно проводил, чернецов и нищих любил и кормил и милостыню давал сиротам и вдовицам» [10, с. 200].

Нетрудно заметить дословное совпадение в характеристиках князей – Довмонта и Данила. Летописец XVв., восхваляя своего князя, просто переписал характеристику его предшественника из XIII в., заменив в ней только личное имя князя.

Общим образцом для похвалы как князя Довмонта, так и князя Данила послужил источник *агиографического* содержания – позднее житие князя Александра Невского [4, с. 148]. На это обратил внимание еще Н.И. Серебрянский, который сравнил две характеристики – князя Довмонта и князя Александра:

Довмонт	Александр Невский
Сей же князь был не одним храборством показан от Бога, но и боголюбец показался, в мире приветлив, церкви украшал, попов и нищих любил.	Токмо не единым храборством показан был от Бога, но и боголюбец показался во всем мире, церкви Божия воздвизая, иереев любя и мнишеский чин и нишелюбец [4, с. 148].

Таким образом, похвала князю Довмонта не выдерживает исторической критики – она является подражательным произведением и не содержит ничего оригинального.

Последняя особенность – обезличенность характеристики князя в похвале ему – объединяет многие поздние летописные похвалы. По содержанию своему эти похвалы являются либо житийными, либо испытали на себе сильное влияние житийной литературы.

Наконец, похвала в XVI в. вбирает в себя распространенные тогда легенды, в точности легенды о венце Мономаха и об Августе, кесаре римском. О Владимире Мономахе сказано в Степенной книге: «Его же ради мужества и Греческого царя Константина Мономаха диадему и венец и крест Животворящего Древа прием... и крабицу сердоличную, из нея же веселяшеса иногда Август, Кесарь Римский, и чепь златую Аравийскую злата и иные многие царские почести в дарах прият мужества ради своего и благочестия». Далее летописец пояснил, зачем Владимир Мономах всё это принял: «дабы препроводить славу Греческого царства на Российского царя» [6, с. 188].

В XIV-XV вв. посмертная летописная похвала правителю стала редкостью. Из московских князей ее не удостоился никто, из тверских – только двое, Михаил Ярославич [11, с. 40-41] и

Михаил Александрович [5, с. 144]. Похвалы этим князьям представляют собою смешение светской характеристики с житийной. В XVI в. летописная похвала исчезла, последняя – была воздана Василию III в 1533 г.: преставился «самодержавный великий государь Василий Иванович всея Руси, милостивый, нищелюбивый» [12, с. 16]. Это всё, что осталось от некогда многословной и витиеватой летописной посмертной похвалы правителю.

Подведем итог. Посмертная летописная похвала правителю выросла из краткой его посмертной характеристики, в XII в. приобрела свой развернутый и законченный вид. Похвала северной суздальской летописи отличается от похвалы киевской и галицко-волынской

летописей своим торжественным церковно-библейским тоном, а также всемирно-историческим масштабом. Похвала отражала симпатии и антипатии летописца, говорила о его осведомленности. В силу исторической обстановки похвала изменялась, на первое место в ней выдвигались отвечающие времени добродетели правителя. Древняя летописная похвала почти всегда содержит индивидуальные качества и отличительные особенности правителя, что повышает ее ценность как исторического источника. В поздних же летописях летописная похвала заменяется житийной, в которой мы не видим индивидуальных черт правителя и особенностей его правления.

Список литературы

1. ПСРЛ. Т. 2. Летопись по Ипатьевскому списку. СПб., 1871.
2. Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
3. ПСРЛ. Т. 1. Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897.
4. Серебрянский Н.И. Древнерусские княжеские жития. Т. I. М., 1915.
5. ПСРЛ. Т. 18. Симеоновская летопись. М., 2007.
6. ПСРЛ. Т. 21. Книга Степенная царского родословия. Ч. 1. СПб., 1908.
7. Шахматов А.А. Обзорение русских летописных сводов XIV-XVI вв. М.; Л., 1938.
8. ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
9. ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.
10. ПСРЛ. Т. 4. Новгородские и псковские летописи. СПб., 1848.
11. Т. 15. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
12. ПСРЛ. Т. 29. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. М., 2009.

POSTHUMOUS CHRONICLE PRAISE OF THE RULER AS A HISTORICAL SOURCE

This article is devoted to the study of such a separate historical and literary genre as the chronicle praise of the ruler. During the XI-XVI centuries, chronicle praise was a very common technique of medieval scribes. Comparing the praises of different Russian Chronicles and different historical periods, the author proves that the chronicle praise of the ruler grew out of a brief posthumous description of him, reflected the chronicler's good knowledge, his likes and dislikes, and in the XII century acquired a ready-made literary form. Early praises (XI-XIII centuries) correctly reflected historical reality, contained individual traits of the ruler, changed depending on historical conditions, which increases their value as a historical source. It was also found out that there were two main forms of praise – southern and northern. The difference between them is that southern praise was secular, while northern praise was ecclesiastical; southern praise was limited to local interests, and northern praise had a world – historical scale. In general, praise can be considered as a separate chronicle of the medieval genre, characterized by special plot and stylistic features.

Keywords: praise, ruler, Prince, chronicler, posthumous characteristic, literary form, A. A. Shakhmatov, Nikon-chronicler, Kiev chronicle, Galician-Volyn chronicle, Tatar invasion.

References

1. PSRL. T. 2. Letopis' po Ipat'evskomu spisku [PSRL. Vol. 2. Chronicle of the Ipat list]. SPb., 1871.
2. Shakhmatov A.A. (1908) Razyskaniya o drevnejshih russkih letopisnyh svodah [Search for the oldest Russian chronicle vaults]. SPb., 1908.
3. PSRL. T. 1. Lavrent'evskaya letopis' [PSRL T. 1. Lavrentievskaya Letopis]. SPb., 1897.
4. Serebryanskiy N.I. (1915) Drevne-russkie knyazheskie zhitiya. T. 1 [Ancient Russian princely lives]. Moscow.
5. PSRL. T. 18. Simeonovskaya letopis' [PSRL. Vol. 18. Simeon's chronicle]. Moscow, 2007.
6. PSRL. T. 21. Kniga Stepennaya carskogo rodosloviya. Ch. 1. [The Book of Degrees of the Royal Genealogy]. SPb., 1908.
7. Shakhmatov A.A. (1938) Obozrenie russkih letopisnyh svodov XIV-XVI vv. [Review of Russian chronicle vaults of the XIV-XVI centuries]. M.; L., 1938.
8. PSRL. T. 3. Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov [Novgorod first chronicle of the senior and junior versions]. M.; L., 1950.
9. PSRL. T. 25. Moskovskij letopisnyj svod konca XV veka [Moscow chronicle of the end of the XV century]. M.; L., 1949.
10. PSRL. T. 4. Novgorodskie i pskovskie letopisi [Novgorod and Pskov Chronicles]. SPb., 1848.
11. PSRL. T. 15. Rogozhskij letopisec. Tverskoj sbornik [PSRL. Vol. 15. Rogozhsky chronicler. Tver collection]. Moscow, 2000.
12. PSRL. T. 29. Letopisec nachala carstva carya i velikogo knyazya Ivana Vasil'evicha [PSRL. Vol. 29. Chronicler of the beginning of the reign of Tsar and Grand Duke Ivan Vasilyevich]. Moscow, 2009.

Об авторе

Исмаилова Зулейха Адил-кызы - аспирантка Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Россия, E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

Ismailova Zuleyha Adil-kyzy – post-graduate student of Bryansk State University named after academician Petrovsky. E-mail: pokrovskaya-lada@bk.ru

УДК 94(470.5)"192/193"+342.815.1

Килин А.П., кандидат исторических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург (Россия)

СЕЛЬСКАЯ УЧИТЕЛЬНИЦА СЕРАФИМА КИЛИНА: РЕКОНСТРУКЦИЯ БИОГРАФИИ «ЛИШЕНКИ» 1930-Х ГГ.

Статья посвящена анализу социального положения граждан, лишенных избирательных прав. Объектом исследования является рядовой гражданин СССР – бывшая сельская учительница и жена священника Серафима Александровна Килина (1888 г. р.), предметом – реконструкция ее биографии. Методологическую основу исследования составляет антропологический подход и синтез макро- и микро-истории. Основным источником исследования является личное дело гражданина, возбудившего ходатайство перед избирательной комиссией о восстановлении его в избирательных правах. Личное дело является комплексным и многосоставным источником, в котором содержатся документы, отражающие квазисудебную процедуру рассмотрения заявления просителя, а также необходимые и достаточные для вынесения решения материалы, поступившие по инициативе заявителя или членов избирательной комиссии. Источниковую базу дополняют нормативно-правовые акты, регламентировавшие лишение и восстановление в избирательных правах. Материалы личного дела С. А. Килиной содержат значительные фактические данные, позволяющие реконструировать ее биографию; детально и образно описывают бюрократические процедуры; содержат фрагменты прямой речи участников событий, что делает этот исторический источник весьма ценным. Биография С. А. Килиной включает в себя как типические, так и уникальные факты, которые позволяют расширить наши представления о процедуре лишения избирательных прав и практиках трудоустройства в раннесоветском обществе. Судьба гражданина в переходную эпоху позволяет отразить процесс социального конструирования «нового человека», который, вопреки декларируемым целям, не только провоцировал нисходящую социальную мобильность и негативную социальную селекцию, но мог иметь более трагические последствия.

Ключевые слова: СССР, нэп, раннесоветское общество, «лишенец», лишение избирательных прав, восстановление в избирательных правах, социальное конструирование, социальная селекция, священник, учитель, Килина Серафима Александровна

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-83-98

Процесс социального инжиниринга наиболее активно реализуется на исторических этапах, характеризующихся радикализмом преобразований и их концентрацией во времени. Трансформация или демонтаж «старой» и «отжившей свой век» социальной структуры общества приводит к маргинализации абсолютного большинства населения страны. Помимо

реализации принципов «кто был ничем, тот станет всем» и «обострения классовой борьбы» как в условиях гражданской войны, так и в послевоенный период, происходит перемешивание и смешение прежних хозяйственных укладов, формируются новые, если не по сути, то по своей форме. Экономические отношения на микроуровне ориентированы на цели выжи-

вания и адаптации населения в условиях переходного периода. Эти практики основаны отнюдь не на декларируемых новой властью новациях, а в большей степени на традициях, на архаичных (т. е. еще более «старых» чем те от которых призывают отказаться новые власти) формах хозяйствования.

Теоретические конструкции, на которых базируются исследовательские подходы различных исторических направлений, будь то «мобилизационная модель» [4, 15] или «социальное проектирование» [9, 10] способны убедить читателей в верности выбранной концепции, если они основаны на достаточно полной источниковой базе и обширном фактологическом материале. Полагаем, что особую убедительность им придает гармоничное сочетание макро- и микро-исторических подходов, позволяющее воссоздать историческое прошлое во всем его многообразии. Л. П. Репина описывает этот симбиоз следующим образом: «В деятельности индивида синтезируется “субъективная реальность”... и объективная реальность социально-исторической среды, с которой он взаимодействует и которую “моделирует” в соответствии со своими представлениями о ней... Различные аспекты социальной жизни не просто пересекаются, они внутренне связаны таким образом, что ни один из них нельзя постичь в изоляции от других. Стыковка “обеих реальностей”, изучение взаимосвязи поведения, социокультурных представлений и экономических, политических, духовных макропроцессов социальной жизни – это средство научного синтеза» [11, с. 80]. Полагаем, что эта

трактовка адекватно отражает основные методологические принципы нашего исследования.

Возможность оставить свой след в истории у рядового гражданина, несомненно, есть, но она не сопоставима с потенциалом «выдающейся» личности. Зачастую этот след рядовым гражданином был оставлен вынуждено, связан с необходимостью отстаивать свои права (личное дело «лишенца») или являлся результатом его противоправной, по мнению властей, деятельности (судебно-следственное дело).

Механизм внесудебного лишения избирательных прав (1918–1936) позволял отстранить от легальных форм управления на самых разных уровнях власти и в самых разнообразных сферах не только «бывших», но и «неблагонадежных» граждан. Учитывая специфику правовой среды советской России, необходимо констатировать, что ограничение значительной части членов общества в гражданских правах (лишение права голоса на выборах) с формальной точки зрения было законным, но не правовым методом [6, с. 530–537]. Это в полной мере соответствовало тем особенностям, которые сформулировал С. С. Алексеев: советского права – это гибрид права власти и права войны; огосударствленная юридическая система; не носило всеобщего характера, оставляло широкий простор для внеправовой деятельности; высшим критерием для оценки действий и событий являлась идеологические догмы и партийные решения; большей юридической силой обладали не законы, а подзаконные нормативные акты; право являлось носителем коммунистической пропаганды [1, с. 298–299].

Дискриминация «лишенцев» на основе подзаконных актов или идеи «революционной законности» приводила, помимо запрета на участие в выборах, к выселению из своих квартир и населенных пунктов; отказу в доступе к централизованному распределению, медицинской и юридической помощи; их детей не принимали в школу; облагали дополнительными налогами; исключали из промысловых артелей, кооперативов, профсоюзов; не принимали на работу в государственные организации, и они в первую очередь подвергались увольнению [7, с. 263].

Повсеместное расширительное толкование положений Инструкции о выборах, в части ограничений в гражданских правах достигло такого размаха, что было издано постановление ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г., призванное пресечь массовые нарушения [7].

Воссоздать биографию рядового человека позволяют данные содержащиеся в личном деле гражданина, возбуждившего ходатайство о восстановлении его в избирательных правах, утраченных на основании силу статей Конституции РСФСР (1918 и 1925), а также ряда статей «Инструкции о выборах городских и сельских советов и о созыве съездов советов» [8].

В нашем исследовании был использован информационный массив личных дел «лишенцев», находящихся на хранении в Государственном архиве Свердловской области в составе фонда Облисполкома. Мы изучали личные дела граждан, которые уже рассматривались на уровне района и округа и чьи заявления были на рассмотрении избирательных комиссий Уральской (1923–

1934) и Свердловской (1933–1936) областей [5]. Путем сплошной выборки выявлялись личные дела граждан определенной профессиональной категории, прежде всего частных предпринимателей, которые являются основным объектом нашего исследовательского интереса. Еще один прием не строгой выборки заключался в том, что были изучены все личные дела однофамильцев (20 дел, среди которых прямых родственников автора выявлено не было) [6, с. 538–539]. Именно этот вариант архивного поиска привел нас к личному делу С. А. Килиной [5].

Личное дело – комплексный и сложносоставной исторический источник, оно предоставляет широкие возможности для исследователей, в том числе позволяет реконструировать социальный портрет различных социальных групп [13, 16], в том числе служителей религиозных культов и находящихся на их иждивении членов семей [12]. Личное дело документально фиксировало квазисудебную процедуру восстановления в избирательных правах, которая предполагала «состязательность сторон». По этой причине дело формировалось как за счет материалов собранных по инициативе заявителя, оно и заводилось на основании поданного им заявления, так и по требованию членов избирательной комиссии – с целью подтвердить или опровергнуть изложенные гражданином факты.

Наиболее ценным является автобиографическая составляющая, которая могла быть представлена в виде отдельного документа или содержаться в составе документов другого рода, прежде всего в заявлении «лишенца».

По определению Ю. П. Зарецкого, это «делопроизводственная биография», которая формируясь под воздействием внешних формальных требований, создается с целью реализации определенных прав гражданина, что и предопределяет её структуру и содержание [17].

Биография С.А. Килиной представляется нам одновременно типичной и уникальной для человека раннесоветского общества, поскольку: насыщена событиями, иллюстрирует факт чрезвычайно высокой профессиональной мобильности, является воплощением ее активной жизненной позиции, позволяет проследить механизм лишения и восстановления в избирательных правах.

На момент написания заявления в 1933–1934 гг. Серафима Александровна Килина проживала в г. Перми, в районе Данилиха, на ул. Подгорная в доме № 146, в квартире 4.

Как абсолютное большинство граждан СССР по своему социальному происхождению она была из семьи крестьян: «Дочь крестьянина. Родилась в 1888 г., в 13 лет осталась без отца». В 1933 г. ее мать (около 1873 г. р.) работала прачкой в Перми в Первой клинической больнице.

С.А. Килина была разведена, у нее было шестеро детей, из которых четверо находились на ее иждивении (1919, 1921, 1924 и 1926 гг. р.) Двое старших детей имели собственный источник дохода и жили отдельно, данные об их поле и возрасте в деле отсутствуют.

Приблизительно в 1903–1905 гг. С. А. Килина обучалась на курсах педагогов при Пермской женской про-

гимназии, после чего шесть лет работала на должности учительницы при Курашимской школе Юговского района Пермского округа (01.09.1905–01.09.1914).

В 1914 г. она вышла замуж за учителя Владимира Кельмовича Килина (ок. 1881 г.р.), который впоследствии (точная дата неизвестна) принял духовный сан.

Отметим, что учительство или «шкрабы» (школьные работники) представляли собой довольно противоречивую социальную группу. С одной стороны «старое» учительство традиционно было связано с духовенством. Учителями зачастую были дети из семей священников. Признавая необходимость ликвидации безграмотности, учителя являлись ценными кадрами для новой власти, но при этом их постоянно упрекали в консерватизме, косности и религиозности. Одновременно молодые учителя проявляли особое рвение и боролись в школах не только с безграмотностью, но и с носителями старой традиции, своими старшими коллегами. В подтверждение этого приведем данные из информационной сводки Нижне-Тагильского Окружного отдела Объединенного государственного политического управления: «Большинство учительства неспособно на сдвиг, т. к. большой процент учителей и учительниц или духовного происхождения, или с духовным образованием и они неспособны к широкой общественной [общественной деятельности – А. К.] даже в условиях буржуазных понятий о демократии и революции» [19, Л. 7].

Когда муж получил назначение в новый приход, С. А. Килина вместе с

ним переехала в село Стряпунята, Нытвенского (Ленинского) района, Пермского округа, Уральской области. В 1929 г. сельским советом как жена священника, находящаяся на его иждивении, она была лишена избирательных прав. Из общего числа рассмотренных Ю. А. Русиной личных дел «лишенцев» 80 % составляли мужчины и 20 % женщины. Причем половина последних – жены и родственницы служителей церкви, находившиеся на их иждивении [12, с. 121].

В своем заявлении С. А. Килина пишет: «Тяготясь своим положением как жены священника, как лишенной избирательных прав, я искала выхода из своего положения. В конце 1929 года мой муж был отправлен на лесозаготовки и я, воспользовавшись случаем взяла развод и уехала в Пермь в начале 1930 г.» [5, Л. 18]. Полагаем, что вопреки оценочному суждению заявителя, развод носил фиктивный характер, если не по форме, то по своей сути, поскольку он был вынужденной мерой и был обусловлен не столько проблемами в семейных отношениях, сколько необходимостью изыскать средства к существованию для себя и своих детей. По этой причине С. А. Килина решила переехать в город, а не вернулась в сельскую школу.

В 1930 г. С. А. Килина переезжает в г. Пермь к матери, которая работает в прачечной Первой клинической больницы. По протекции матери, она устраивается приемщицей белья и работает до 1931 г. (02.03.1930 – 05.05.1931). Трудоустройство не по своей специальности, замещение вакансий, не требовавших особой подготовки или квали-

фикации, было широко распространеной практикой. В этом поступке выразилось стремление к реабилитации, желание иметь годы рабочего стажа в своей биографии. Полагаем, что в данном случае это была вынужденная мера, позволившая на первых порах получить средства к существованию. Как отмечала в своем заявлении С. А. Килина: «Я достала справку из Первой клинической больницы о том, что при поступлении на работу свое социальное положение я не скрывала и была принята администрацией на основании развода с мужем священником и 9 лет стажа [стаж работы учительницей – А. К.]» [5, Л. 3].

Г. Алексопулос отмечает: «Советские институты, такие как профсоюзы, школы и заводы, требовали, чтобы люди демонстрировали свой статус полноправных граждан. Хотя ВЦИК прямо запретил эту практику в 1931 г., государственные учреждения продолжали требовать от людей представления документа (справки), подтверждающего их право голоса и, следовательно, право на трудоустройство, пенсию, страхование и т. д.» [20, р. 131]. Поэтому летом 1930 г. С. А. Килиной было подано заявление с просьбой о восстановлении в избирательных правах в Стряпунятинский сельский совет. Не получив ответа, в декабре 1930 г. она послала запрос в Пермский городской совет и в январе 1931 г. – получила уведомление, что в списке «лишенцев» по городу Перми она не числится. В данном случае мы имеем дело с дефектами бюрократической процедуры, поскольку данные о лишенных избирательного права в одном регионе не всегда оперативно и в

полном объеме передавались в другой регион. Справка из Пермской городской избирательной комиссии позволила С. А. Килиной 9 февраля 1931 г. вступить в профсоюз работников водного транспорта.

В мае 1931 г. как бывшая учительница она поступила в распоряжении Городского отдела народного образования и работала педагогом первой степени. Учитывая непродолжительный период деятельности можно предположить, что она была задействована на курсах по ликвидации безграмотности.

Биография С. А. Килиной подтверждает наши выводы о высокой профессиональной мобильности граждан. Очевидно, что ее принимали на работу для выполнения конкретного задания, на непостоянной основе. Такая постановка проблемы ставит перед исследователем вопрос о механизме выработки жизненной стратегии индивида, предполагает анализ процесса формирования его идентичности (множества идентичностей), особенно в переходные, динамичные и далекие от равновесия исторические периоды. По нашей версии профессиональная идентичность С. А. Килиной была связана со статусом учителя, несмотря на вовлеченность в иные виды деятельности.

В 1931–1932 гг. она работала счетоводом на Молотовском сельскохозяйственном комбинате. Впоследствии, чуть больше года (16.04.02.1932–20.05.1933) занимала должность статистика сектора эксплуатации в Верхне-Камском районном Управлении речным транспортом. В связи с переводом управления в г. Усолье, была уволена по сокращению штатов. В январе 1933 г. ее трудовые

успехи были отмечены «ударным паспортом». По сведениям Ю. А. Русиной, 5 % лишенцев из числа бывших служащих религиозных культов и членов их семей, в своих заявлениях на восстановление в правах упоминали, что они имели «билеты ударников» [12, с. 125].

В 1933 г. для легализации своего пребывания в городе, который был отнесен к режимным, в рамках второго этапа паспортизации [2, с. 127–133] С. А. Килина подала заявление на получение паспорта. Паспортный пункт первоначально отказал в выдаче и запросил справку из Нытвенского района, но после ее жалобы в Паспортную комиссию (21.06.1933), документ ей был выдан сроком на три года без справки с прежнего места жительства. Затем С. А. Килина работала счетоводом на овощесушильном заводе Пермской конторы «Уралплодоовощ» (14.10.1933–20.03.1934) и была сокращена по окончании работ.

Можно констатировать, что ее выбор мест работы является традиционным для бывших священнослужителей и членов их семей. Потребность в грамотных людях, пусть и без профессионального образования была очень велика. По данным Ю. А. Русиной на момент подачи ходатайств о восстановлении они пополнили ряды учителей и совслужащих (делопроизводители, счетоводы, секретари и др.), к этой группе принадлежало 25 % «лишенцев» [12, с. 126–127]. Можно дополнить этот перечень профессий медицинскими работниками, среди которых было немало выходцев из семей служащих религиозных культов.

В мае 1934 г. С. А. Килина трудоустроилась на должность счетовода в бухгалтерию Пермского леспромхоза. Именно этот этап ее биографии наиболее подробно освещен в личном деле, поскольку с этой должности ее уволили (04.11.1934) на том основании, что она «лишенка». Бюрократические перипетии, которые приходилось преодолевать С. А. Килиной являлись довольно стандартной для того времени процедурой. Отличие состояло в том, что она проявила активность и инициативность, использовала наступательную стратегию в отстаивании своих прав [6, с. 279–283].

Достаточно высокий уровень образования С. А. Килиной подтверждают документы личного дела, которые систематизированы и тщательно подобраны. В своем заявлении она детально описывает все факты с указанием точных дат и подтверждает их соответствующими документами (справками и свидетельствами). У нее хороший почерк, а стиль изложения близок к литературному. Материалы личного дела С. А. Килиной подтверждают вывод Г. Алексопулос о том, что «механизм формального восстановления прав благоприятствовал имеющим связи, более грамотным и тем, кто, по словам одного из заявителей, “имел средства съездить в область и даже в ЦИК и устроить шумиху (хлопотать)”» [20, р. 135].

Основанием к увольнению стало письмо от 4 октября 1934 г. за подписью директора Пермского леспромхоза Федосеева и начальника спецсектора Лежнева в Пермский горсовет и Межрайсектор милиции о том, что она «лишенка» и на этом основании с работы

будет уволена, а в Перми к выдаче паспорта подошли формально.

Мотивы, побудившие руководителя спецсектора написать данное заявление, не ясны. Показательно, что первоначально возникает версия о пролетарской бдительности и желании застраховаться от обвинений в пособничестве классово чуждым элементам, а не о материальной выгоде (вымогательство взятки) или злоупотреблении служебным положением с целью устроить на это место «своего человека» или с иными корыстными намерениями. Начальник спецсектора утверждал, что увольнение инициировано не им, а главным бухгалтером, последний, однако, отрицал этот факт.

С. А. Килина излагает эти события так: «5 октября у меня отбирают только что выданные продуктовые карточки и вызывают в спецсектор. Начальник спецсектора т. Лежнев обращается ко мне с вопросом о моем социальном происхождении. Я говорю, что отец крестьянин, а мать рабочая. “А кто твой муж?” “Муж был священником, но я ним развелась почти уже пять лет”. Т[оварищ] Лежнев говорит, что у вас развод фиктивный, и вы имеете с мужем связь. Я говорю, что это неправда. Лежнем мне говорит, что если я не принесу 7 октября оправдательные документы, а именно справку от домкома или соседей жильцов, что я связи с мужем не имею, то я буду уволена. Я на другой же день достала эти справки от соседей жильцов, заверенные хозяином дома и принесла ему показать, а также заявление, которое подавала в паспортную комиссию. Он все прочитали, говорит: “Ну, хорошо, идите, работайте и держите документы

при себе и если вас вызовет директор, покажите ему”. Но директор меня не вызывал. Так я проработала до 17 октября» [5, Л. 19 об]. В этот день вышел приказ об увольнении ее из Пермского леспромхоза с 25 октября 1934 г.

С. А. Килина обратилась к инспектору охраны труда Райкома Добровольскому, который подтвердил подлинность документов и дал ей разрешение на работу. «...На мой вопрос, что мне теперь делать, он сказал, что идите и работайте, меньше говорите, больше делайте. Я так и поступила и продолжала работать» [5, Л. 20 об].

Как пишет далее Килина: «Но видимо моя личность не нравилась т. Лежневу, нашлась третья причина моего увольнения. 2-го ноября в 6 часов вечера уже после занятий меня вызывает парторг т. Седухин и просит показать документы. Я начинаю показывать. Он берет в руки справку Горсовета и спрашивает: “Как вы ее получили?” Я начинаю объяснять, но он не слушает меня. “Вы получили ее незаконно, вы обманули Горсовет, вам не имели права давать такую справку, нужно отдать под суд тех людей, кто вам ее дал и подписал. Вы обманули и Паспортную комиссию, написав тут, что вы восстановлены в правах, вы лишены в Нытвенском районе, значит и восстановлены должны быть в Нытвенском районе”. Я начинаю возражать, говоря, что “Паспортная комиссия считает ее законной, иначе не дали бы мне трехгодичный паспорт”. Тогда Седухин говорит, что “Паспортная комиссия дала вам паспорт незаконно и ее нужно отдать под суд, что есть такие близорукие люди, которые не знают, что делают и что подписывают. Как вы думаете т.

Лежнев?” Лежнев ответил: “Я с Вами вполне согласен, но в это дело вмешался Добровольский, нашел ее документы правильными и разрешил работать”. Тогда Седухин говорит: “Его самого нужно за это дело уволить”. А Лежнев продолжает: “Завтра же мы вас вычеркиваем из членов Союза [профсоюза водников – А. К.], уволим вас и занесем в трудовой список, что вы уволены как лишенка”» [5, Л. 20 об – 22].

Исключение из членов профсоюза могло быть существенным ударом, поскольку при рассмотрении дел «лишенцев», оно наряду с пятилетним трудовым стажем, рассматривалось как основание для восстановления. С. А. Килина обращала внимание на это обстоятельство в своем заявлении [5, Л. 7]. В примечании к п. 38 V главы Инструкции о выборах говорилось, что лица «которые состоят членами профсоюза, могут быть при наличии соответствующих ходатайств восстановлены в избирательных правах указанными органами и без пятилетнего трудового стажа» [8].

Реакция Килиной на сообщение об увольнении, а также угрозы лишить ее членства в профсоюзе и паспорта была эмоциональной: «Я говорю: “Что это с вашей стороны мой смертный приговор? Если я не имею права работать у вас, то не имею права работать нигде, а если не имею права работать, то не имею права и жить”. На эти слова мне Седухин говорит: “Так что же многие бросались в Каму, когда им не давали паспорт”. На это я им ответила: “Нет, товарищи, в Каму я не брошусь, у меня дети, ради которых я живу и все свои средства и свои знания, как бывший пе-

дагог, я прилагаю к тому, чтобы воспитать полезными гражданами, мои дети лучшие ударники школы № 6, активные работники, для них я должна жить и буду добиваться правды. Я никого никогда не обманывала и думаю что Горсовет разберет это дело, дайте мне только срок выяснить в Горсовете мое положение» [5, Л. 21 об].

Личное дело С. А. Килиной побуждает нас обратить внимание на реальных и потенциальных жертв социального инжиниринга. В своих работах отечественный правовед и криминолог М. Н. Гернет рассматривает проблему суицидов в советской России: «Статистика самоубийств по профессиям в связи с мотивом также в полном согласии с нашими ожиданиями подчеркивала громадную роль мотива материальных лишений у безработных мужчин и женщин; у этой же группы мужчин оказался самым высоким процент самоубийств, вследствие изменения материального положения» [3, с. 226]. Таким образом, мы можем найти подтверждение тому, что тяжелое материальное положение «лишенцев», исключение их из системы централизованного распределения материальных благ (лишение продуктовых карточек и заборных книжек), наряду с отсутствием реальных и легальных альтернатив для самозанятости, могло провоцировать мысли о суициде. В данном контексте слова парторга Седухина носят откровенно провокационный характер.

4 ноября 1934 г., в то время когда ее «заступник» инспектор Охраны труда Добровольский был в командировке, С. А. Килина была уволена из

Пермского леспромхоза. Не теряя времени, буквально на следующий день она пишет заявление в административный отдел Горсовета, настаивает на своем праве быть восстановленной в правах и предоставляет необходимые копии документов. «К настоящему заявлению я прилагаю копии справок с места работы, не заверенные нотариусом, т.к. не имею средств платить за каждую копию по три рубля», – пишет С. А. Килина. Это ремарка весьма примечательна, поскольку свидетельствует о том, что сама процедура реабилитации не только поглощала много времени и сил человека, но и была сопряжена со значительными материальными затратами.

23 ноября 1934 г. – председатель городской избирательной комиссии заверил С. А. Килину, что заявление рассмотрено и по нему будет принято положительное решение, однако, она получила отказ. Мотивировка была следующей: «Отказать, поскольку развод с мужем был оформлен в 1933 г.» Члены комиссии не всегда обладали достаточной квалификацией, а представители трудящихся могли быть малограмотными и за дату развода приняли дату выдачи копии, не прочитав документ до конца. Признавая свою ошибку, председатель избиркома указал, что для отказа есть иная причина, что до пятилетнего трудового стажа недостает ей двух месяцев, а «они отказывают всем, даже если и не хватает одного месяца» [5, Л. 3].

Этот фрагмент, с одной стороны демонстрирует формальный и бюрократический характер процесса принятия решений, с другой, мы «слышим»

прямую речь члена избирательной комиссии. Это уникальный случай, т. к. в абсолютном большинстве дел, которые мы изучали, члены комиссии обезличены, а коммуникация с просителями выстроена дистанционно посредством бюрократических процедур и переписки. Если разговоры между членами комиссии и заявителем происходили, то они не фиксировались, поэтому не находят себе документального подтверждения.

В своем новом заявлении в Горсовет С. А. Килина вновь перечислила все основания для восстановления, указав на то обстоятельство, что имеет девятилетний учительский стаж. Ю. А. Русина отмечает: «Серьезным аргументом в пользу восстановления служила учительская деятельность до и после 1917 года. Проведение государственных мероприятий по ликвидации безграмотности убеждало людей... в поощрении всякого стремления к овладению новыми знаниями. Священники часто указывают на свой вклад в ликвидацию безграмотности» [12, с. 125–126].

Бюрократическая этика не приветствует признания собственных ошибок, поэтому комиссия оставила свое решение в силе, но направила дело С. А. Килиной на рассмотрение в вышестоящий орган. «Дело было отправлено в Свердловск 5 декабря за № 2124, как мне сообщил секретарь, но приехав в Свердловск 10-го декабря и справившись в Облисполкоме комната № 20, моего дела там не нашлось. Задержалось ли оно на почте или совершенно затерялось – неизвестно» [5, Л. 3]. Это обстоятельство заставило ее 25 декабря 1934 г. обратиться с заявлением к уполномоченному советского контроля.

Очевидно, что дело нашлось поскольку решение было вынесено. В выписке из Постановления Президиума Уралоблика № 2107 § 2 от 22.12.1934 г. говорилось: «Слушали ходатайство Килиной Серафимы Александровны, проживающей г. Пермь, ул. Подгорная, №146, кв. 4. Постановили: ходатайство Килиной, лишена как жена священника, на иждивении которого жила с 1914 г. по 1930 г. В 1930 г., в феврале месяце с мужем разошлась, связи с ним не имеет, после развода все время работает в советских организациях. Ходатайство Килиной – удовлетворить» [5, Л. 1].

Ю. А. Русина, которая изучала дела Облисполкома, указывает, что в 64 % случаев просьба о восстановлении в правах была удовлетворена, в 31 % случаев – отказано, в 7 % – окончательно решение не принято или о нем нет данных [12, с. 128]. Необходимо учитывать, что в вышестоящие избирательные комиссии направлялись дела «лишенцев», получившие отказы на нижестоящем уровне. Если и в вышестоящей комиссии был получен отказ, дела могли возвращаться на места, а в случае положительного решения оставались в архиве комиссии принявшей решение. По этой причине, чем выше уровень избирательной комиссии, тем больше дел с положительными решениями находится в ее фондах. Так, например, Г. Алексопулос проанализировала 500 личных дел из 100000, хранящихся в фондах Центральной избирательной комиссии ВЦИК в г. Ялуторовск и охватывающие период 1923–1937 гг. Большинство заявлений составлены в период 1928–1931 гг. и их авторы в основной

своей массе были восстановлены в правах [20, р. 98–99].

Можно констатировать, что судьба нашей героини сложилась удачно, она не была длительное время безработной, находила легальные средства к существованию, не лишилась своих детей и была восстановлена в избирательных правах. Напомним, что в Конституции 1936 г. норма, предусматривающая внесудебное лишение избирательных прав отдельных социальных групп отсутствовала. При этом мы не можем говорить о либерализации государственной политики, поскольку на смену борьбы с нелояльными режиму социальными группами, пришла борьба с «врагами народа». Существует распространенное мнение, что под волну репрессий 1937 г. попали, прежде всего те, кто в прошлом подвергался дискриминации, в том числе и «лишенцы», однако достоверных и обобщенных статистических данных, подтверждающих или опровергающих эту версию, нам обнаружить не удалось.

Комплекс дискриминационных норм и правил, который накладывался на гражданина, позволяют Ш. Фицпатрик говорить о «лишенцах» как об определенной сословно-классовой группе [18, с. 9]. По мнению Г. Алексопулос правовой статус «лишенцев» напоминал «статус евреев и цыган в Третьем Рейхе, которые характеризовались как паразиты, воры и бездельники, были отстранены от должностей гражданской службы и вооруженных

сил, подвергаясь жестокой дискриминации и экономическому разорению, были лишены социальных пособий, доступных только для граждан, и стали жертвами усиления полицейских репрессий» [20, р. 28]. Судьба конкретного гражданина, в том числе и С. А. Килиной, резко контрастирует с этим пропагандистским образом.

Помимо самого «лишенца», дискриминации подвергались члены его семьи, находящиеся на его иждивении, что во много раз увеличивало численность «неполноправных свободных». Существенные ограничения в правах заставляли человека стремиться к восстановлению своего прежнего социального статуса, добиваться реабилитации. Стимулом было не только избавление от морального прессинга, но и элементарные соображения выживания. Если рассматривать эту проблему в более широком контексте, то следует говорить об активном использовании в процессе формирования «нового советского человека» механизмов негативной социальной селекции или «отрицательной селекции» по выражению П. Сорокина [14, с. 188]. Отрицательной с точки зрения прав и свобод личности, возможности ее автономного существования. Дезориентация и маргинализация значительной части населения служили предпосылкой для роста проявлений девиантного поведения, деформировали личность и даже могли привести к ее преждевременной гибели.

Список литературы

1. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Бек, 1995. – 320 с.
2. Байбурин А. К. Советский паспорт: история – структура – практики / Альберт Байбурин. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. – 486 с.
3. Гернет М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее: 2-й вып. «Моральной статистики» / М. Н. Гернет. – Москва: ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.
4. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке: монография. – Челябинск: Энциклопедия, 2013. – 128 с.
5. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Фонд № Р-88. «Уральский областной исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Оп. 6. Областная избирательная комиссия. Д. 3287. Килина Серафима Александровна.
6. Килин А. П. Частная торговля и кредит на Урале в годы нэпа: экономические, политические и социальные аспекты: Научная монография. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 606 с.
7. О мерах к устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении производства дел, касающихся избирательных прав граждан: Постановление Всероссийского Центрального исполнительного Комитета от 10 апреля 1930. № 233 // СУ РСФСР. 1930. № 18. Отдел первый. Государственное устройство и управление. С. 261–263.
8. Об утверждении инструкции о выборах в советы и на съезды советов РСФСР. Постановление ВЦИК от 20 октября 1930 г. // СУ РСФСР. 1930. № 54. Ст. 654.
9. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 1. Страна Советов: пространство, власть, экономика / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур ; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. – 468 с.
10. Раннесоветское общество как социальный проект, 1917–1930-е гг. : монография : в 2 ч. Ч. 2 : Советское общество: культура, сознание, поведение / Коллектив авт. ; под общ. ред. Л. Н. Мазур; М-во науки и высш. образования, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 462 с.
11. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика / Л. П. Репина; [Ин-т всеобщ. истории Российской акад. наук, Центр интеллектуальной истории, Гос. акад. ун-т гуманитарных наук]. – Москва: Кругъ, 2011. – 559 с.
12. Русина Ю. А. Характеристика лишенных избирательных прав за связь с религиозным культом на Урале в 1920–1930е гг. (по материалам личных дел) // История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.). Сборник статей участников научной конференции «История репрессий на

Урале». Нижний Тагил, 1997. С. 119–129.

13. Смирнова Т. М. «Бывшие люди» Советской России: Стратегии выживания и пути интеграции, 1917–1936 гг. / Т. М. Смирнова; Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории. – Москва : Мир истории, 2003. – 296 с.

14. Сорокин П. А. Современное состояние России // Новый мир. 1992. № 4. С. 181–203

15. Социальная мобилизация в сталинском обществе (конец 1920-х – 1930-е гг.) / Н. Б. Арнаутов, С. А. Красильников, И. С. Кузнецов и др. ; отв. ред. С. А. Красильников. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : РОССПЭН, 2018. – 591 с.

16. Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. док. / М-во общего и проф. образования РФ, Урал. гос. ун-т им. А.М. Горького; Сост. Е. В. Байда, В. М. Кириллов, Л. Н. Мазур и др.; Отв. ред. Т. И. Славко. – Екатеринбург: УрГУ, 1996. – 256 с.

17. Субъективность и идентичность: автобиографии советских трудящихся [Электронный ресурс] // Научно-учебная группа междисциплинарных исследований автобиографии. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14> (дата обращения: 05.05.2021)

18. Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) : Фонд Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2011. – 375 с.

19. Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Свердловский областной комитет КПСС. Оп. 2. Д. 74. Государственные информационные сводки Нижне-Тагильского окружного отдела ОГПУ (23.01–28.12.1924)

20. Alexopoulos Golfo. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003. – 243 p.

RURAL TEACHER SERAFIMA KILINA: RECONSTRUCTION OF THE BIOGRAPHY OF "THE DEPRIVED WOMAN" OF THE 1930S.

The article is devoted to the analysis of the social situation of disenfranchised citizens. The object of the study is an ordinary citizen of the USSR: a former rural teacher and the wife of a priest Serafima Aleksandrovna Kilina (born in 1888), the subject of the article is the reconstruction of her biography. The methodological basis of the research is the anthropological approach and the synthesis of macro- and micro-history. The main source of the study is the personal file of a citizen who filed a petition before the election commission to restore their electoral rights. The personal file is a complex and multi-component source, which contains documents reflecting the quasi-judicial procedure for considering the applicant's appeal, as well as necessary and sufficient materials for making a decision, received at the initiative of the applicant or members of the election commission. The source base is supplemented by legal acts regulating the deprivation and restoration of voting rights. Materials of S. A. Kilina's personal file contain significant factual data that allow us to reconstruct her biography; they describe the bureaucratic procedures figuratively and in detail; they contain fragments of direct speech of the participants of the events, which makes this historical source very valuable. S. A. Kilina's biography includes both typical and unique facts that allow us to expand our understanding

of the procedure for disenfranchisement and employment practices in early Soviet society. The fate of the citizen in the transition era allows us to reflect the process of social construction of the "new person", which, contrary to the declared goals, not only provoked downward social mobility and negative social selection, but could have more tragic consequences.

Keywords: USSR, NEP, early Soviet society, "lishenets", disenfranchisement, restoration of electoral rights, social construction, social selection, Kilina Serafima Aleksandrovna, clergy, teacher.

References

1. Alekseev S. S. (1995) *Teoriia prava [Theory of law]* – Moskva : Izdatel'stvo BEK. 320 p.
2. Baiburin A. K. (2017) *Sovetskii pasport : istoriia – struktura – praktiki [Soviet Passport: History – Structure – Practices]* – Sankt-Peterburg : Izd-vo Evropeiskogo un-ta v Sankt-Peterburge. 486 p.
3. Gernet M. N. (1927) *Prestupnost' i samoubiistva vo vremia voiny i posle nee [Crime and suicide during and after the war] : 2-i vyp. «Moral'noi statistiki»*. Moskva : TsSU SSSR. 270 p.
4. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. (2013) *Mobilizatsionnaia model' razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX veke [The mobilization model of the development of Russian society in the twentieth century]: monografiia*. – Cheliabinsk : Entsiklopediia. 128 p.
5. Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti [State Archive of the Sverdlovsk Region] (GASO). Fond № R-88 "Ural Regional Executive Committee of Soviets of Workers', Peasants 'and Red Army Deputies". Op. 6. Regional Election Commission. D. 3287. Kilina Serafima Aleksandrovna.
6. Kilin A. P. (2018). *Chastnaia torgovlia i kredit na Urale v gody nepa: ekonomicheskie, politicheskie i sotsial'nye aspekty [Private trade and credit in the Urals during the NEP: economic, political and social aspects]: Nauchnaia monografiia*. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 606 p.
7. O merakh k ustraneniuiu narushenii izbiratel'nogo zakonodatel'stva i ob uporiadochenii proizvodstva del, kasaiushchikhsia izbiratel'nykh prav grazhdan (1930) [On measures to eliminate violations of the electoral legislation and to streamline the proceedings concerning the electoral rights of citizens]: *Postanovlenie Vserossiiskogo Tsentral'nogo ispolnitel'nogo Komiteta № 233 // SU RSFSR. 1930. № 18. Otdel pervyi. Gosudarstvennoe ustroistvo i upravlenie*. Pp. 261–263.
8. Ob utverzhdenii instruktsii o vyborakh v sovery i na s"ezdy sovetov RSFSR (1930) [On the approval of the instructions on elections to the Soviets and congresses of the Soviets of the RSFSR.] *Postanovlenie VTsIK ot 20 oktiabria 1930 g. // SU RSFSR. 1930. № 54. St. 654*.
9. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg. (2018). [Early Soviet society as a social project, 1917–1930] : monografiia : v 2 ch. Ch. 1 : Strana Sovetov: prostranstvo, vlast', ekonomika [The Land of the Soviets: space, power, economy] / Kollektiv avt. ; pod obshch. red. L. N. Mazur; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniia, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 468 p.*
10. *Rannesovetskoe obshchestvo kak sotsial'nyi proekt, 1917–1930-e gg. (2019).*

[Early Soviet society as a social project, 1917–1930]: monografiia: v 2 ch. Ch. 2: Sovetskoe obshchestvo: kul'tura, soznanie, povedenie [Soviet society: culture, consciousness, behavior] / Kollektiv avt.; pod obshch. red. L. N. Mazur; M-vo nauki i vyssh. obrazovaniia, Ural. feder. un-t. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta. 462 p.

11. Repina L. P. (2011). Istoricheskaia nauka na rubezhe XX–XXI vv. : sotsial'nye teorii i istoriograficheskaia praktika [Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice] [In-t vseobshch. istorii Rossiiskoi akad. nauk, Tsentr intellektual'noi istorii, Gos. akad. un-t gumanitarnykh nauk]. – Moskva : Krug". 559 p.

12. Rusina Iu. A. (1997) Kharakteristika lishennykh izbiratel'ny prav za sviaz' s religioznym kul'tom na Urale v 1920–1930e gg. (po materialam lichnykh del) [Characteristics of disenfranchised persons for their association with a religious cult in the Urals in the 1920s-1930s (based on personal files)] // Istoriiia repressii na Urale: ideologiiia, politika, praktika (1917–1980-e gg.). [The History of Repression in the Urals: Ideology, Politics, and Practice (1917–1980).] Sbornik statei uchastnikov nauchnoi konferentsii «Istoriiia repressii na Urale». Nizhnii Tagil, Pp. 119–129.

13. Smirnova T. M. (2003). «Byvshie liudi» Sovetskoi Rossii : Strategii vyzhivaniia i puti integratsii, 1917–1936 gg. ["Former People" of Soviet Russia : Survival Strategies and Ways of Integration, 1917–1936] Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii. – Moskva: Mir istorii. 296 p.

14. Sorokin P. A. (1992). Sovremennoe sostoianie Rossii [The current state of Russia] // Novyi mir. 1992. № 4. Pp. 181–203

15. Sotsial'naia mobilizatsiia v stalinskom obshchestve (konets 1920-kh – 1930-e gg.) (2018) [Social Mobilization in Stalinist Society (late 1920s – 1930s)] (2018) / N. B. Arnautov, S. A. Krasil'nikov, I. S. Kuznetsov i dr. ; otv. red. S. A. Krasil'nikov. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva : ROSSPEN. 591 p.

16. Sotsial'nyi portret lishentsa (na materialakh Urala) (1996) [Social portrait of a lishenets (based on the materials of the Urals)]: Sb. dok. / M-vo obshchego i prof. obrazovaniia RF, Ural. gos. un-t im. A.M. Gor'kogo; Sost. E. V. Baida, V. M. Kirillov, L. N. Mazur i dr.; Otv. red. T. I. Slavko. – Ekaterinburg: UrGU. 256 p.

17. Sub"ektivnost' i identichnost': avtobiografii sovetskikh trudiashchikhsia [Subjectivity and Identity: Autobiographies of Soviet Workers] // Nauchno-uchebnaia gruppа mezhdistsiplinarnykh issledovaniĭ avtobiografii. Natsional'nyi issledovatel'skii universitet «Vysshaiia shkola ekonomiki». Retrieved from <https://phil.hse.ru/autobio/seminar14>

18. Fitspatrik Sh. (2011). Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka [Tear off your masks! Identity and imposture in Russia of the XX century] – Moskva : Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN) : Fond Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina. 375 p.

19. Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsii Sverdlovskoi oblasti [Documentation Center of Public Organizations of the Sverdlovsk region] (TsDOOSO). F. 4. Sverdlovsk Regional Committee of the CPSU. Op. 2. D. 74. State information reports of the Nizhny Tagil District Department of the OGPU (23.01–

28.12.1924)

20. Alexopoulos Golfo (2003) *Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936*. Ithaca, NY: Cornell University Press. 243 p.

Об авторе

Килин Алексей Павлович – кандидат исторических наук, доцент кафедры документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет (Россия), E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

Kilin, Alexey Pavlovich – PhD (History), Associate Professor, Chair of document science, archival science and history of public administration, Ural Federal University (Russia), E-mail: alexey.kilin@urfu.ru

УДК 903.25=11

Кулаков В.И., доктор исторических наук, Институт археологии РАН (Москва)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОЛОВНЫХ ВЕНЧИКОВ В ДРЕВНОСТЯХ ЭСТИЕВ И ПРУССОВ

Археологический материал юго-восточной Балтии содержит несколько редких для древностей западных балтов экземпляров наборных головных венчиков. Выводы, полученные в результате анализа головных венчиков западных балтов I-XIV вв., можно представить следующим образом: 1. Североевропейские мастера в начале нашей эры создавали свои версии головных венчиков, опираясь на примеры античных вотивных венков. Последние применялись как в триумфальных мероприятиях, так и при погребении знатных членов античного общества. Остаётся не ясным, при каких условиях скандинавы могли перенять идею вотивного венка, переработав её в виде головных венчиков. 2. На фазе В1 на Самбии появляются отдельные представительницы северных племён, в рамках матримониального «импорта» принесшие с собой на Янтарный берег венцы, крепившие в особо торжественных (культовых ?) случаях головное покрывало. 3. В римское время головные венцы не нашли своё место в материальной культуре населения западной окраины балтского мира. В раннем средневековье при посредничестве мастеров-ювелиров юго-восточной Европы в Балтии распространяется традиция ношения венчиков, изготовленных с использованием византийских традиций. Возможно то, что эти традиции пришли в Балтию с группами ремесленников по Вислинской торговой трассе – древнему Великому янтарному пути.

Ключевые слова: Балтия, I тысячелетие нашей эры, церемониальные головные венчики.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-99-109

Первые свидетельства использования западными балтами и их соседями головных венчиков можно найти в восточноевропейских древностях раннего железного века. Имеются в виду бронзовые «гривны» явно вотивного характера, не приспособленные для длительного ношения на шее ввиду незначительной толщины пластин, из которых «гривны» изготовлены (рис. 1). Считается, что эти «гривны» имитировали античные венки/диадемы [8, с. 585, рис. 10]. Диаметр «гривен» (6-10 см) как раз соответствует размерам женской головки, которые отражены и в позднейших венчиках (рис. 2).

Наборные головные венчики, уникальная деталь убора женщин некоторых племён западных балтов, опоясывавших голову своей хозяйки полностью или же частично, в древностях Янтарного берега римского времени представлены в четырёх ингумациях: в составе инвентаря погр. Do-9 и Do-27d (рис. 2, Б.Г) могильника Dollkeim/Коврово, конца фазы В1, в погр. 18 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (рис. 3), II в. н.э. и в погр. б/№ могильника Wolitnik-Fedderau/Приморское (рис. 2, В) [5, с. 91]. Детали этих головных венчиков, как и более поздние накладки на погребальные шапочки у женщин

скальвов/ламатов, а также детали венчиков жемайтов и южных земгалов, изготовивались из бронзовых пластин и декорировались в технике басмы [6, с.110]. В раннеримское время все упомянутые найденные на Самбии венчики составлялись из накладок, крепившихся к матерчатой (кожаной?) основе при помощи загиба двух острых краёв накладки. Указанные накладки согласно существующей в балтийской археологии типологической схеме отнесены к типам *Blumbersgs III C* и *Blumbersgs III D* [10, Abb. 16, 19].

Ещё в нач. XX в. было доказано, что древнейшими предшественниками этих комплексов были церемониальные головные уборы, известные на о. Готланд [13, S. 19, 20]. Данная точка зрения утвердилась и в прусской археологической школе [12, S. 16]. То, что скандинавские венчики и головные украшения балтов имели в своём центре более крупные накладки (рис. 2, Б-Г), свидетельствует о том, что они явно имитировали античные золотые вотивные/погребальные венки [15, S. 280], в центре которых нередко располагались басменные медальоны (рис. 2, А) с оттисками монет, гемм или иных рельефных украшений. Такие венки стали образцом и для венчиков женщин крымских готов V в. н.э. [11, р. 80]. В случае с комплексом накладок из погр. 18 могильника *Gr. Ottenhagen/Берёзовка* можно предполагать наличие широкой полосы из полотняной или шерстяной ткани, опоясывавшей голову погребённой женщины (рис. 3), частично покрытой накладками и, возможно, скреплявшей головное покрывало, как это делалось позднее с византийскими статусными коронами [9, с. 80]. Сходные конструкции

были в ходу и у женщин скальвов эпохи Великого переселения народов, появившись там, не исключено, под влиянием традиций населения Самбии или Скандинавии (рис. 4). Традиция покрывать голову покойной женщины платом, крепившемся уже не венчиком, а бронзовыми булавками, сохранился в исторической Пруссии вплоть до сер. XX в. Обычай парадных головных уборов, надевавшихся, очевидно, лишь на свадьбу и на похороны, проник и на территорию совр. Литвы, на правый берег Нижнего Немана. Правда, судя по реконструкциям Р. Волкайте-Куликаускаене, здесь в римское время многочисленные накладки украшали шапочку, целиком закрывавшую причёску покойной [5, рис. 117]. Наличие покрывала при этом теоретически не исключается.

Упомянутые выше головные венчики из четырёх погребальных комплексов Самбии, являющиеся редчайшими для культуры эстиев находками, были, скорее всего, «матримониальным импортом», т.е. частью приданого невест, прибывавших на Янтарный берег извне. На иноэтничность их происхождения косвенно указывает и форма погребального обряда обладательниц церемониальных головных уборов – трупоположение, не являющееся признаком автохтонов-эстиев раннеримского времени и связываются с традициями романизированных кельтов и/или северных германцев [7, с. 90].

Эпоха Великого переселения народов для восточной окраины западно-балтского ареала была ознаменована появлением в материальной культуре скальвов головных венчиков, составленных из бронзовых «ведёрок», наполненных воском и нашивавшихся на

полоску органического материала, обёртывавшуюся вокруг головы погребённой женщины (рис. 5). В эпоху викингов на Самбии известен лишь один случай находки головного венчика, остатки которого были обнаружены в погр. Y-141 могильника Yrzekaripinis/Клинцовка-1 (рис. 6). Накладки щитовидной формы с линейным декором в два ряда покрывали полотняную (?) полосу, опоясывавшую голову погребённой. На её висках к этой полосе крепились височные полосы с крестовидными серебряными накладками на концах. Тем самым указанный венчик воспроизводил структуру византийских венцов, обладавших от одного до трёх ярусов декоративных полос (рис. 7).

Венчики знатных обитательниц Византии, на золотых накладках которых изображения фантастических существ и декоративных растений были изготовлены методом выемчатой/перегородчатой эмали, в эпоху Высокого средневековья пытались копировать для своих знатных заказчиков румынские и славянские мастера-ювелиры [9, с. 80, рис. 1]. Правда, эти «копии» изготавливались из серебряной фольги путём басменного тиснения с матриц (рис. 8,2), что значительно удешевляло производство этого изделия, не предназначенного для длительного ношения. Как показывает сравнительный анализ накладок от диадем из юго-восточной Европы и деталей головных венчиков акулштайтов и пруссов XIV в., последние прямо копировались с образцов, вышедших из мастерских дунайского бассейна (рис. 8). Таким образом, можно с большой долей уверенности полагать, что традиция головных венков в балтском мире в раннеорденское время появляется (точнее –

возрождается) под влиянием народов, входивших в это время уже не в скандинавский (как в начале нашей эры), а в византийский культурный круг. Для балтских мастеров византийская символика (благопожелательная идея «Вечной жизни» и прочие понятия, заложенные в фигуры на накладках диадем), являлись ничем не значащими фигурами, который копировались более чем условно, с сугубо декоративным предназначением.

Выводы, полученные в результате анализа головных венчиков западных балтов I-XIV вв., можно свести в следующие пункты:

1. Североевропейские мастера в начале нашей эры создавали свои версии головных венчиков, опираясь на примеры античных вотивных венков. Последние применялись как в триумфальных мероприятиях, так и при погребении знатных членов античного общества. Остаётся не ясным, при каких условиях скандинавы могли перенять идею вотивного венка, переработав её в виде головных венчиков.

2. На фазе B1 на Самбии появляются отдельные представительницы северных племён, в рамках матримониального «импорта» принесшие с собой на Янтарный берег венцы, крепившие в особо торжественных (культовых ?) случаях головное покрывало.

3. В римское время головные венцы не нашли своё место в материальной культуре населения западной окраины балтского мира. В раннем средневековье при посредничестве мастеров-ювелиров юго-восточной Европы в Балтии распространяется традиция ношения венчиков, изготовленных с использованием византийских традиций. Возможно то, что эти

традиции пришли в Балтию с группами ремесленников по Вислинской торговой трассе – древнему Великому янтарному пути.

Список литературы

1. Кулаков В.И. Прусы (V-XIII вв.), М.: «Геоэко», 1990 - 214 С.
2. Кулаков В.И. Козельский микрорегион в 1-7 вв. н.э. Ранняя миграция западных балтов // *Slavia Antiqua*, t. XLIII, Poznań, 2002 - С. 9-33.
3. Кулаков В.И. Доллькайм-Коврово. Исследования 1879 г., Минск: Институт истории НАН Беларуси, 2004 - 135 С.
4. Кулаков В.И. Реконструкция убора обитателей Янтарного берега в I-V вв. н.э., Киев: ФОРМ «Видавель Олег Філюк», 2013 - 167 С.
5. Кулаков В.И. Сокровища Янтарного края. Показатели инокультурных влияний на древности Самбии и Натангии в I-IV вв. н.э., Калининград: «Калининградская книга», 2016 - 359 с.
6. Кулаков В.И. Басма в искусстве балтов // *Res Humanitariae*, t. XXII, Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017a – С. 104-124.
7. Кулаков В.И. Происхождение некоторых элементов погребального обряда эстиев // Родинкова В.Е., Румянцева О.С. (отв. ред.), Европа от Латена до Средневековья: варварский мир и рождение славянских культур. К 60-летию А.М. Обломского / М.: ИА РАН, (Раннеславянский мир. Вып. 19), 2017б - 326 с.
8. Левада М.Е. Сухоносивка // *Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, tomus II*, Łódź-Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010 - С. 558-594.
9. Рябцева С. Парадные диадемы и венцы X-XV вв. в памятниках Восточной и Юго-Восточной Европы. Общие черты и моменты отличия // *Revista Arheologică, Seria nouă*, vol. VII, nr 1-2, Chişinău: Institutul patrimoniului cultural, 2011 - С. 72-95.
10. Blumbers Z. Bronzebuckelchen als Trachtzier. Zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der älteren römischen Kaiserzeit // *Thesen and Papers in North-European Archaeology*, Nr 12, Stockholm, 1982 - P. 12-28.
11. Khrapounov N., Mould S. La nécropole Neizatz // *Archeologie de la Mer Noire. La Crimée a l'époque des grandes invasions, IVe-VIIIe siècle*, Caen: Musée de Normandie, 1997 - 91 p.
12. La Baume W. Ein altpreussisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kr. Samland // *Alt-Preußen*, 4. Jh., H. 1, Königsberg: Prussia-Museum, 1939 - S. 16, 17.
13. Nerman B. Die ältere Eisenzeit Gotlands, Stockholm: Ivar Hæggströms, Erstes Heft, 1923.
14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996 - 169 S.
15. Quast D. Münzabschläge der jüngeren römischen Kaiserzeit im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum // *Europa Barbarica. Monumenta Studia Gothica*, vol.

IV, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004 - S. 375-385.

16. Schulze-Dörrlamm M. Die Kaiserkrone Konrads II. (1024-1039), Eine archäologische Untersuchungen zu Alter und Herkunft der Reichskrone, Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1991 - 145 S.

17. Velius G. Kernavė in the context of town of the Grand Duchy of Lithuania // *Archaeologia Lituana*, vol.4, Vilnius: Vilniaus universitetas, 2003 - P. 161-174.

18. Wieczorek A., Périn P. Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräber des 5. Jahrhunderts n. Chr. Zwischen Kaukasus und gallien, Stuttgart: Konrad Teiss Verlag, 2001 - 183 S.

19. Woeßoldt D. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit // *Alt-Preußen*, 3. Jg., H. 4, Königsberg, 1939 - S. 116-119.

ORIGIN OF HEAD CROWNS IN ANCIENT AESTIA AND PRUSSIANS

The archaeological material of the south-eastern Baltic States contains several rare specimens of typeset head corollas for the antiquities of the Western Balts. The conclusions obtained as a result of the analysis of the head corollas of the Western Balts of the I-XIV centuries can be presented as follows: 1. Northern European masters at the beginning of our era created their own versions of head wreaths, based on examples of ancient votive wreaths. The latter were used both in triumphal events and at the burial of notable members of ancient society. It remains unclear under what conditions the Scandinavians could adopt the idea of a votive wreath, reworking it in the form of head corollas. 2. In phase B1, individual representatives of the northern tribes appear on Sambia, who brought crowns with them to the Amber Coast as part of the matrimonial "import", which were attached in especially solemn (cult ?) in cases of head covering. 3. In Roman times, head crowns did not find their place in the material culture of the population of the western outskirts of the Baltic world. In the early Middle Ages, through the mediation of master jewelers of south-eastern Europe, the tradition of wearing corollas made using Byzantine traditions spread in the Baltic States. It is possible that these traditions came to the Baltic States with groups of artisans along the Vislin trade route – the ancient Great Amber Road.

Keywords: Baltic States, the first millennium of our era, ceremonial head crowns.

References

1. Kulakov V.I. Prussians (V-XIII centuries), Moscow: "Geoeko", 1990 - 214 S.

2. Kulakov V.I. Kozelsky microregion in the 1st-7th centuries AD Early Migration of the Western Balts // *Slavia Antiqua*, t. XLIII, Poznań, 2002 - S. 9-33.

3. Kulakov V.I. Dolgaym-Kovrovo. Research 1879, Minsk: Institute of History of the NAS of Belarus, 2004 - 135 C.

4. Kulakov V.I. Reconstruction of the decoration of the inhabitants of the Amber Coast in the I-V centuries. A.D., Kiev: Private entrepreneur Vidavets Oleg Filyuk, 2013 - 167 p.

5. Kulakov V.I. Treasures of the Amber Region. Indicators of foreign cultural influences on the antiquities of Sambia and Natangia in the I-IV centuries. AD, Kaliningrad: The Kaliningrad Book, 2016 - 359 p.

6. Kulakov V.I. Basma in the art of the Baltics // *Res Humanitariae*, t. XXII, Klaipėda: Klaipėdos universitetas, 2017a - S. 104-124.

7. Kulakov V.I. The origin of some elements of the funeral rite of Estia // Rodinkova V.E., Rummyantseva OS (ed.), Europe from Lathen to the Middle Ages: the barbaric world and the birth of Slavic cultures. To the 60th anniversary of A.M. Obolomsky / M.: IA RAS, (Early Slavic World. Issue 19), 2017b - 326 p.

8. Levada M.E. Sukhonosivka // Terra Barbarica. Monumenta Archaeologica Barbarica, Series Gemina, tomus II, Łódź-Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2010 - S. 558-594.

9. Ryabtseva S. Ceremonial tiaras and crowns of the X-XV centuries. in the monuments of Eastern and Southeast Europe. General features and points of difference // Revista Areologică, Seria nouă, vol. VII, nr 1-2, Chisinau: Institutul patrimoniului cultural, 2011 - S. 72-95.

10. Blumbergs Z. Bronz buckelchen als Trachtzier. Zu den Kontakten Gotlands mit dem Kontinent in der älteren römischen Kaiserzeit // Thesen and Papers in North-European Archaeology, Nr 12, Stockholm, 1982 - P. 12-28.

11. Khrapounov N., Mould S. La nécropole Neizatz // Archeologie de la Mer Noire. La Crimee a l'époque des grandes invasions, IVe-VIIIe siècle, Caen: Musée de Normandie, 1997 - 91 p.

12. La Baume W. Ein altpreussisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kr. Samland // Alt-Preußen, 4. Jh., H. 1, Königsberg: Prussia-Museum, 1939 - S. 16, 17.

13. Nerman B. Die ältere Eisenzeit Gotlands, Stockholm: Ivar Hæggströms, Erstes Heft, 1923.

14. Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10, Marburg-Warszawa: Vorgeschichtliches Seminar, 1996 - 169 S.

15. Quast D. Münzabschläge der jüngeren römischen Kaiserzeit im mittel- und nordeuropäischen Barbaricum // Europa Barbarica. Monumenta Studia Gothica, vol. IV, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004 - S. 375-385.

16. Schulze-Dörrlamm M. Die Kaiserkrone Konrads II. (1024-1039), Eine archäologische Untersuchungen zu Alter und Herkunft der Reichskrone, Sigmaringen: Jan Thorbecke Verlag, 1991 - 145 S.

17. Velius G. Kernavė in the context of town of the Grand Duchy of Lithuania // Archaeologia Lituana, vol.4, Vilnius: Vilniaus universitetas, 2003 - P. 161-174.

18. Wiczorek A., Périn P. Das Gold der Barbarenfürsten. Schätze aus Prunkgräber des 5. Jahrhunderts n. Chr. Zwischen Kaukasus und Gallien, Stuttgart: Konrad Teiss Verlag, 2001 - 183 S.

19. Woeßoldt D. Zur Tracht der Bewohner des Memelgebietes in der Eisenzeit // Alt-Preußen, 3. Jg., H. 4, Königsberg, 1939 - S. 116-119.

Подписи к рисункам к статье В.И. Кулакова «Происхождение головных венчиков в древностях эстиев и пруссов»:

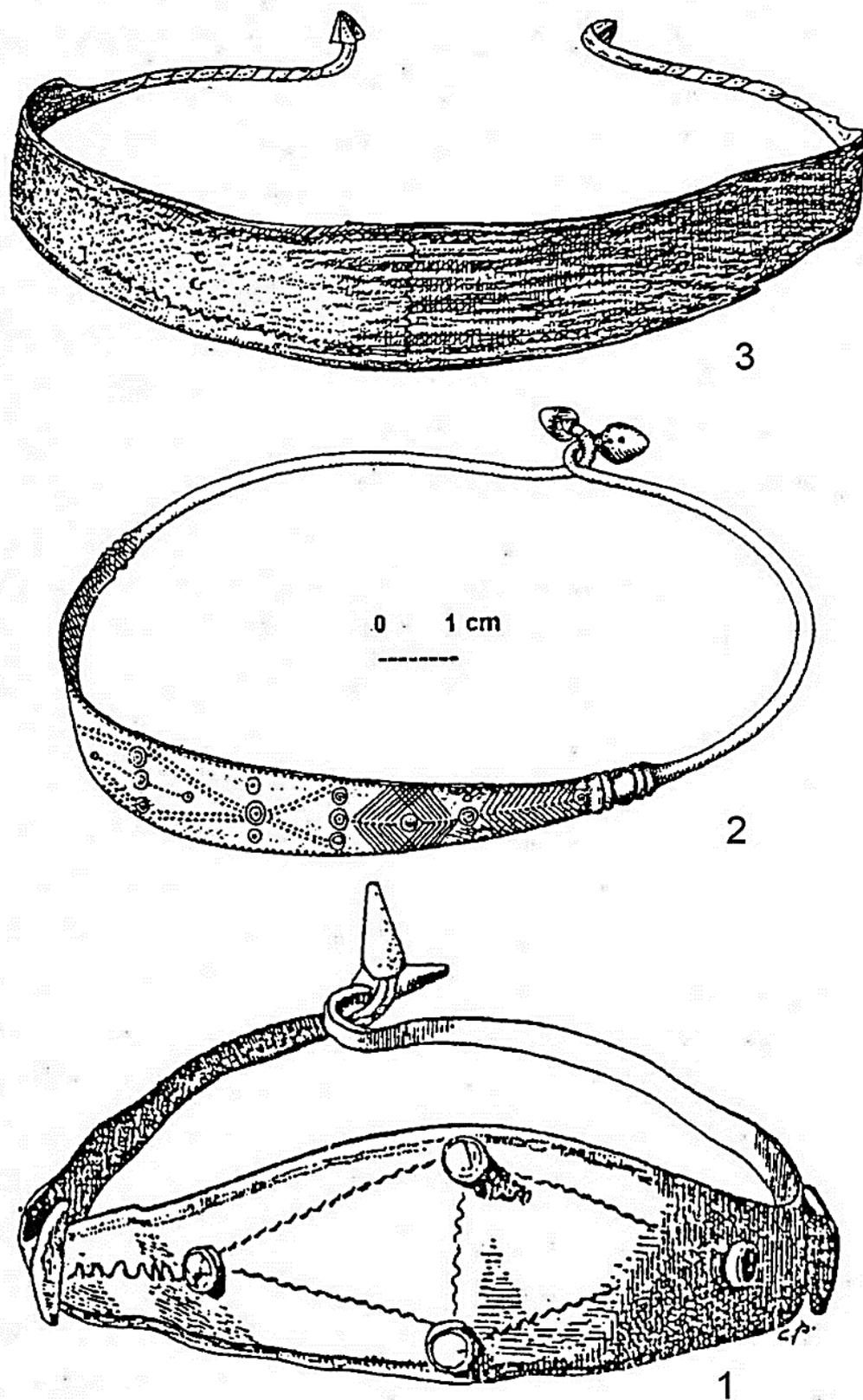

Рис. 1. Ритуальные бронзовые «гривны» раннего железного века из юго-восточной Балтии и из мощинского ареала: 1 – Babięty, woj. mazursko-warmińskie, Polska; 2 – погр. 6 кургана II могильника Sandrausiškė, Lietuva; 3 – клад в Мощина, Мосальский р-н Калужской обл., Россия [2, рис. 6].

Рис. 2. Античный и древнегерманские головные венчики: А – золотой венок из камерного «погребения Мессаксуди» [18, S. 99]; Б – венчик из погр. Do-9 могильника Dollkeim/Коврово [3, рис. 12]; В - остатки головного венчика в составе инвентаря погр. б/№ могильника Wolitnik-Fedderau/Приморское (Багратионовский р-н) [14, Taf. 97,9-11]; Г – венчик из погр. Do-27d Dollkeim/Коврово [3, рис. 23].

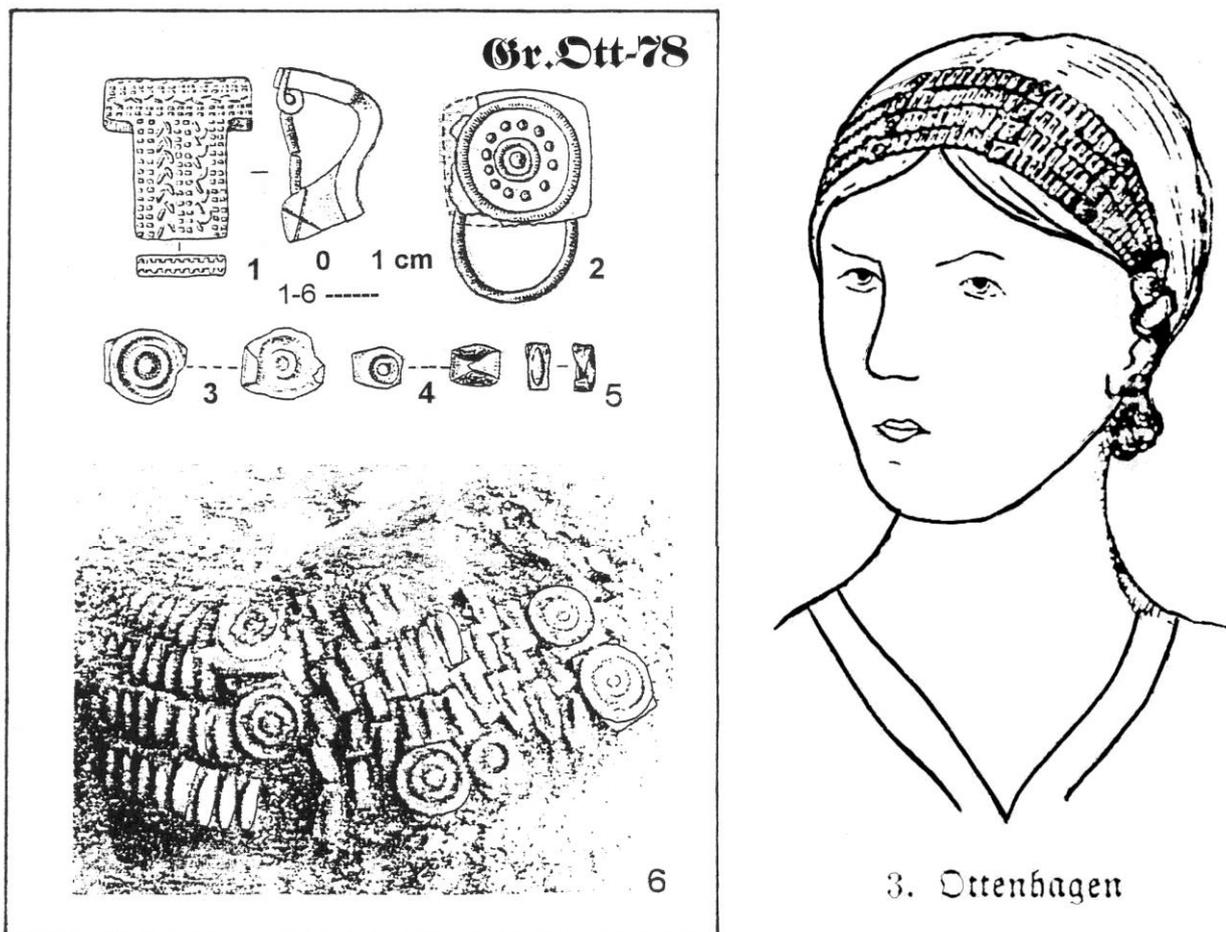

Рис. 3. Венчик in situ из погр. 78 могильника Gr. Ottenhagen/Берёзовка (Гвардейский р-н): 1-5 – детали погребального инвентаря, 6 – остатки венчика in situ [12, Abb. 2,3].

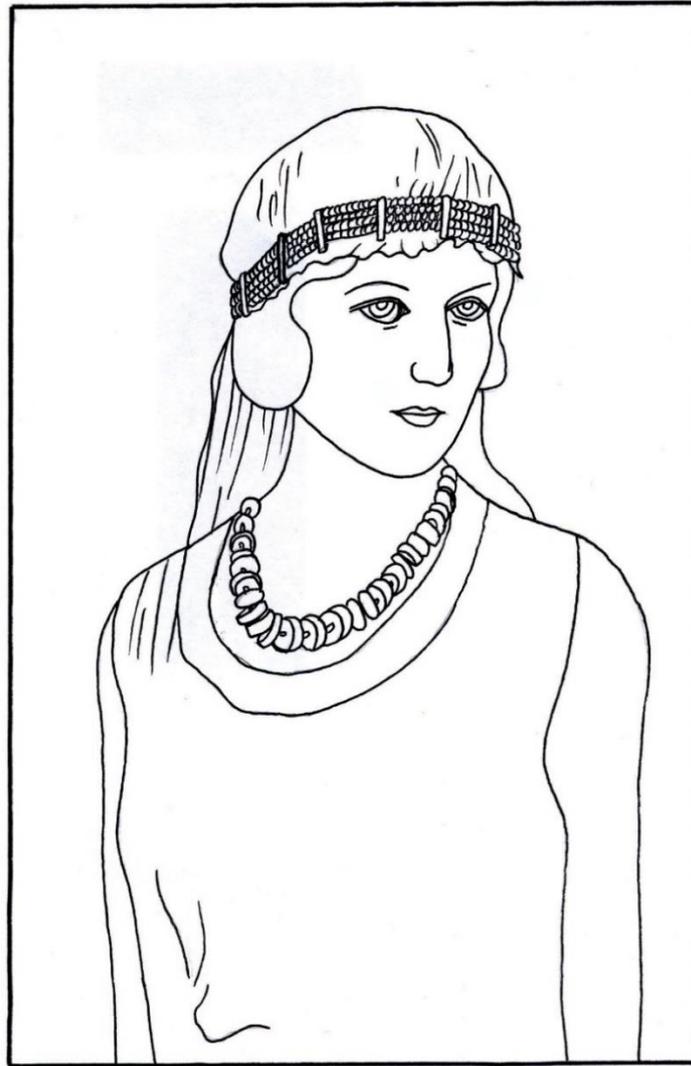

Рис. 4. Реконструкция убора женщины из погр. 27 грунтового могильника Советск/Тильзит (бывш. Stollbecker Strasse) (рисунок Вальтера Гронау, 1939 г.) [19, Abb. 7].

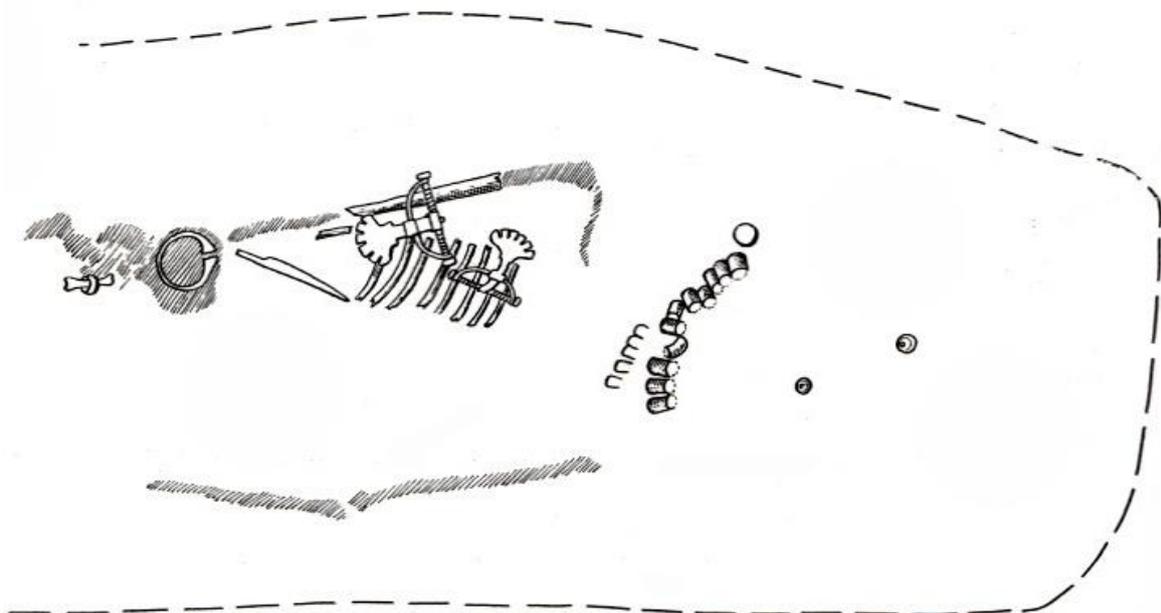

Рис. 5. План погр. Li-267 могильника Linkuhnen/Ржевское [19, Abb. 1].

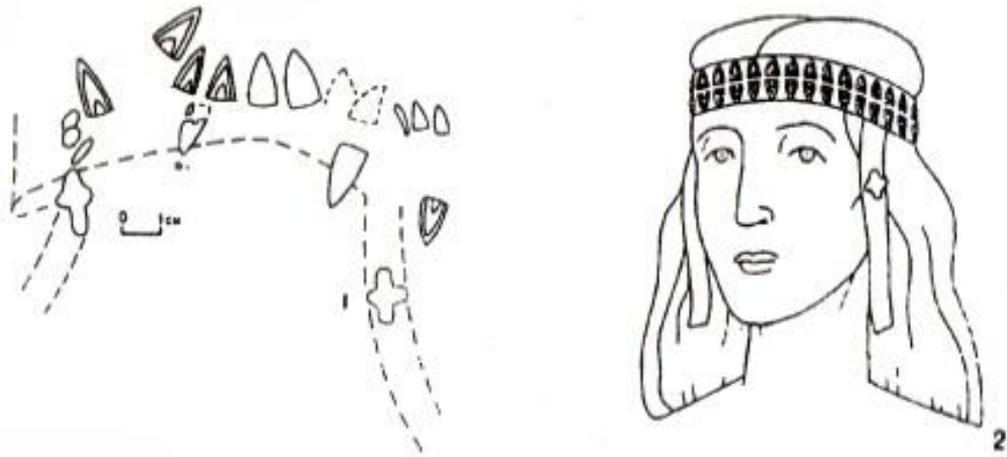

Рис. 6. Внешний вид in situ и реконструкция венчика из погр. У-141 могильника Yrzekarinis/Клинцовка-1 [1, рис. 73].

Рис. 7. Мозаика, изображающая Императрицу Зою и её первого супруга Императора Романа III Аргира (1028-1034 гг.). Св. София, Константинополь [16, Taf. F].

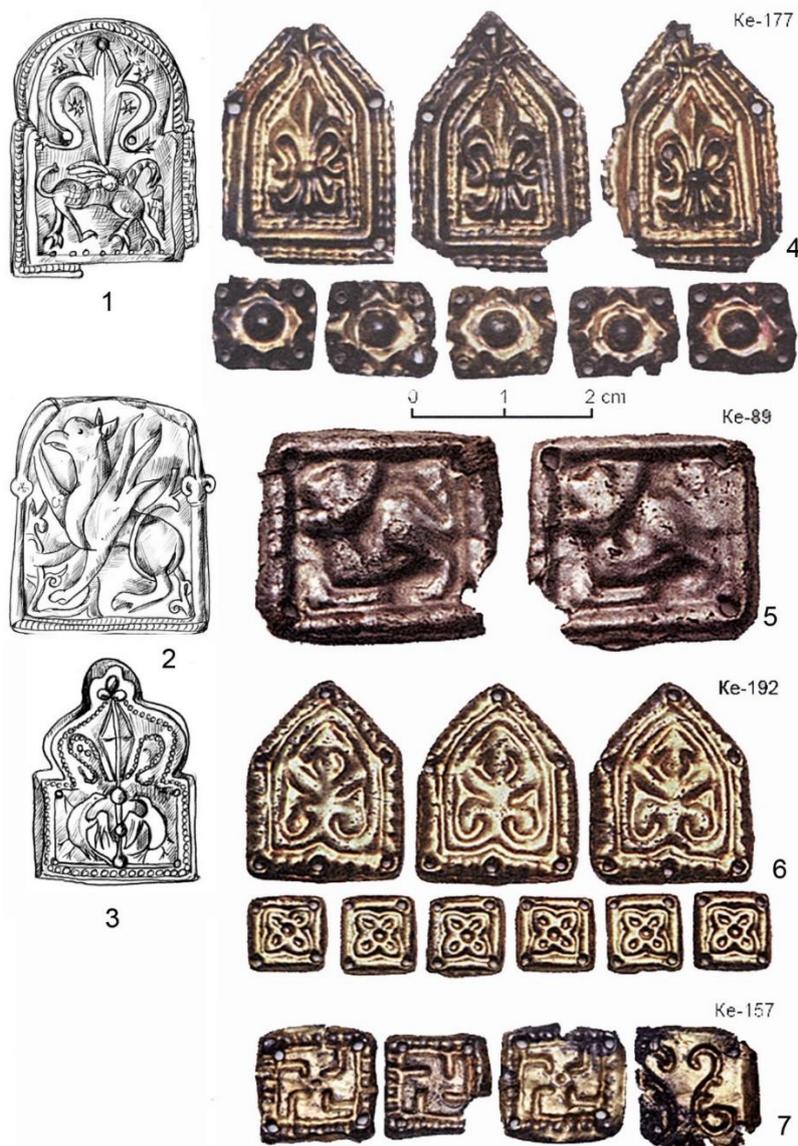

Рис. 8. Бронзовые накладки балтских венчиков орденского времени и серебряные накладки из Юго-Восточной Европы XIII-XIV вв.: 1 – Пажаровец (Сербия); 2 – матрица для тиснения накладок Сибница (Сербия); 3 - Маковиште (Румыния) [9, рис. 1]; накладки от венчиков из могильника Kernavė, Širvintų raj., Lietuva: 4 – погр. Ке-177; 5 – погр. Ке-89; 6 – погр. Ке-192; 7 – погр. Ке-157 [17, fig. 1-4].

Список сокращений

М. – Москва

ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук

Об авторе

Кулаков Владимир Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Россия). E-mail: drkulakov@mail.ru

Kulakov Vladimir Ivanovich - Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (Russia). E-mail: drkulakov@mail.ru

УДК 93 + 348.05

Леонтьев А.А., магистрант, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (Россия)

Алиева Л.В., кандидат исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет» (Россия)

ЦЕРКОВНАЯ ДИСЦИПЛИНА В ПСКОВСКОЙ ЕПАРХИИ В XIX - XX ВВ.: АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ

Несмотря на большой объём архивных материалов по церковной дисциплине в России XIX – начала XX вв., данная тема изучена довольно слабо. В настоящей статье проводится анализ источниковой базы по церковной дисциплине в Псковской епархии на материалах Государственного архива Псковской области. В ходе изучения этих источников был проведен подсчёт конкретных нарушений церковной дисциплины среди мирян и священно- и церковнослужителей, выявлены основные категории правонарушений. Показаны основные виды наказаний за нарушение церковной дисциплины. Рассмотрен гендерный состав мирян в структуре правонарушений. Также рассмотрено построение заглавий архивных дел о нарушениях церковной дисциплины. Автор пришел к выводу, что клирики наказывались в основном за пьянство и должностные проступки. В отношении мирян Псковская Духовная Консисто́рия чаще всего рассматривала дела, связанные с нарушением половой морали и незаконными браками, а также с убийствами и покушениями на самоубийство. Настоящая работа является актуальной по причине того, что в настоящее время в Русской православной церкви продолжается создание единой документации, регулирующей вопросы церковного суда. Данное исследование, в свою очередь, позволяет актуализировать исторический опыт регулирования церковной дисциплины и назначения наказаний за её нарушение. Уникальность настоящей работы заключается в том, что материалы по церковной дисциплине Псковской епархии XIX – начала XX вв. впервые были проанализированы, и полученные данные были введены в научный оборот.

Ключевые слова: церковная дисциплина, Псковская епархия, история Церкви, церковное право, источниковедение

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-110-117

Изучение истории Церкви сопряжено с различными аспектами её жизни и деятельности. Особое место здесь отведено церковной дисциплине.

Впервые такой предмет, как церковная дисциплина в Русской Православной церкви в XIX – начале XX вв., начал изучаться ещё в дореволюционный период. Работы того времени рассматривали вопросы церковного

права, его нарушения и следовавшие наказания за подобные проступки. Среди них можно выделить следующие труды: «О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву» Н. С. Суворова [18], «Краткий очерк церковного права» М. Е. Красножона [13] и «Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы» С. В. Познышева [16]. В

© Леонтьев А.А.

© Алиева Л.В.

© Leontev A.A.

© Alieva L.V.

советской историографии вопросы церковной дисциплины практически не рассматривались.

Постсоветская историография обычно рассматривает вопросы церковной дисциплины в контексте изучения права и церковного суда. Это, прежде всего, монографии А.А. Дорской [11][12], Е. В. Беляковой [1], Е. С. Матвеевой [14] и А. Р. Павлушкова [15]. Однако в данных работах тема конкретных нарушений церковной дисциплины почти не рассматривается. Как исключение можно отметить статью А. В. Скутнева [17], в которой автор на материалах Вятской епархии рассматривает, в том числе, и конкретные нарушения церковной дисциплины приходским духовенством, а также санкции за подобного рода проступки.

Как видим, проблема церковной дисциплины в XIX – начале XX вв., как в Псковской епархии, так и в России в целом, изучена довольно слабо. Различные аспекты церковной дисциплины сами по себе практически не изучались, даже несмотря на довольно большой объём архивных материалов по данной тематике. Малая проработка данного вопроса в современной историографии обуславливает актуальность данной статьи.

Источниковой базой по изучению церковной дисциплины в Псковской губернии в XIX – начале XX вв. являются материалы фонда № 39 (фонд Духовной консистории Псковской губернии) Государственного архива Псковской области. Всего в данном фонде было выявлено 566 дел, относящихся к проблеме церковной дисциплины в Псковской епархии. Из них 253 дела

содержат сведения о нарушениях церковной дисциплины отдельными клириками, 229 – отдельными мирянами. Кроме того, в трёх делах фонда одновременно рассматриваются проступки как клириков, так и мирян. Ещё 81 дело из фонда № 39 представлено дополнительной документацией по церковной дисциплине.

Дела из фонда № 39 по церковной дисциплине обычно рассматривают конкретные проступки клириков и мирян и определяют им меру наказания. Объём такого источника обычно равен нескольким десяткам листов. Самое раннее дело о нарушении церковной дисциплины датируется 1796 г., самое позднее – 1917 г. [2]

Нужно сказать, что в подобного рода делах может содержаться информация о наложении епитимьи как на одного человека, так и на группу лиц. Кроме того, одно дело может рассматривать как один, так и несколько проступков одновременно, как, например, «Дело псаломщика погоста Яхнова Холмского уезда Меньшикова за пьянство и кражу церковных доходов» [5].

Заглавия дел о нарушениях церковной дисциплины клириками представлены в двух вариантах. Если священно- или церковнослужителя наказывали высылкой в монастырь, то заглавие его дела выглядело как: «Дело о высылке в монастырь на подначалие [должность/сан] [место служения] [фамилия провинившегося] за [вид проступка] (Напр. «Дело о высылке в монастырь на подначалие священника Прощаницкого погоста Псковского уезда Пищанского за пьянство») [3]. Если же провинившемуся назначался другой вид епитимьи, то заглавие дела

обычно писалось как «Дело [должность/сан] [место служения] [фамилия провинившегося] за [вид проступка] (Напр. «Дело псаломщика погоста Яхнова Холмского уезда Павла Дубровского за пьянство, грубость и неисполнительность по службе») [6].

Начало заглавий дел о нарушениях церковной дисциплины мирянами обычно звучит как «Дело о наложении эпитимии...», либо «Дело о наложении церковной эпитимии...». Значительно реже заглавия подобных дел начинаются на «Дело о предании церковному покаянию...» или «Дело о высылке в монастырь...». Далее в заглавии дела указывалось сословное положение нарушителя, населенный пункт его проживания (у крепостных крестьян – принадлежность к помещику) и наименование проступка (напр. «Дело о высылке в Псковогородский Старовознесенский монастырь крестьянки-солдатки Натальи Леонтьевой для покаяния и наставления за извержение из уст святых тайн»; «Дело о наложении эпитимии на крестьян Новоржевского помещика Рокотова за убийство ими крестьянина помещика Новосильцова»; «Дело о предании церковному покаянию крестьянина порховского помещика Ададурова Якова Григорьева за убийство крестьянина, поступившего на воинскую службу») [4].

В ходе исследовательской работы был проведён первичный анализ указанных источников. На основании полученных результатов можно привести следующие выводы по церковной дисциплине клириков и мирян.

Большая часть нарушений церковной дисциплины священно- и

церковнослужителей связана либо с их пьянством, либо с незаконными венчаниями и другими должностными проступками. Из 230 дел, в которых удалось установить вид проступков, 87 связаны с пьянством (38% от всех дел), 52 – с порочащим поведением (22%), 23 – с доносами, клеветой либо оскорблениями (10%), столько же — с драками и нанесением телесных повреждений, 20 – с кражами и другими экономическими преступлениями (8,7%), 13 – с проступками и преступлениями полового характера (5,7%), 5 – с убийствами и угрозой убийством (2,2%). Особо нужно выделить осуществление незаконных венчаний – 27 дел (12%) и другие должностные проступки – упоминающиеся в 52 делах (23%).

Как видим, Церковь в лице Псковской духовной консистории наказывала клириков прежде всего за пьянство и должностные проступки. Реже накладывалась эпитимья за «буйство» и другие «неблаговидные поступки». Тяжкие преступления, такие как убийства, нанесение среднего вреда здоровью («избиения»), изнасилования и соращение несовершеннолетних, занимают очень небольшую долю среди преступлений и проступков клириков – 4 убийства (2 из них по неосторожности), 8 избиений и 5 преступлений сексуального характера – всего 17 дел, или 7,4% от общего количества.

Если рассматривать дела о проступках по должностям нарушителей, то из 256 дел в 144 обвинялись священники (56%), в 41 – диаконы (16%), в 70 – церковнослужители (27%), в 11 – монашествующие и монастырские послушники (4%).

Что касается наказаний клириков за их проступки, то обычно епитимья заключалась в высылке в монастырь на послушание – 115 дел из 132-х, в которых удалось установить вид наказания, т. е. в 87% случаев. Срок высылки определялся индивидуально. Имели место высылки на 2 недели – священника за ссору с другим священником; 2 месяца – одного священника за драку, другого за нанесение побоев крестьянину и за пьянство, третьего – за пьянство и курение; 6 месяцев (дьякона за пьянство), до бессрочного «с зачислением в число братии». Альтернативой монастырю служила высылка в Псковский архиерейский дом – 7 случаев. Там срок епитимьи был меньше. Также по отношению к духовенству применялись санкции в виде запрещения в служении (8 случаев), снятие сана (3 случая) и перевод в другой приход (3 случая). Одному священнику за ссору с дьяконом была назначена епитимья в виде 50-и земных поклонов. Помимо ссылки в монастырь, причетников за их проступки могли уволить либо понизить в должности (3 случая).

Переходя к нарушениям церковной дисциплины мирянами можно сказать следующее. Из 227 дел, в которых удалось установить вид проступков, 100 дел, или 44% от общего количества, связано с нарушением половой морали (блудом, изменами, изнасилованиями и т. д.) и незаконными браками. 55 дел, что составляет четверть от всех дел, связаны с убийствами, 35 – с покушением на самоубийство (15,5%), 5 – с кражами. В 23 делах епитимья была наложена за «небытие у исповеди и святого причастия» (10%), 3 – за выплёвывание Святых Даров, 2

– за бесчинство либо «нарушение тишины и спокойствия» во время богослужения. Отдельно можно выделить единичные дела о наложении церковной епитимии на крестьянина, выдавшего себя за колдуна, на крестьянина за жестокое обращение с женой на помещицу Ярышкину за жестокое обращение с крестьянами, на крестьянку помещика Назимова за побег и «на инженера Захваева за раздавленного поездом крестьянина по причине неустройства им сломанного шлагбаума» [7].

О гендерном составе мирян, нарушивших церковную дисциплину, можно сказать следующее. За нарушение половой морали и незаконные браки епитимью намного чаще накладывали на женщин – 86 случаев против 40 среди мужчин. За убийства церковное наказание обычно накладывали на мужчин, на женщин – чаще всего за убийство младенцев. За «небытие у исповеди и святого причастия» чаще наказывались мужчины – 18 раз против 8. За покушение на самоубийство епитимья накладывалась с примерно одинаковой частотой: 20 раз на мужчин, 16 – на женщин; аналогично – за кражи – три раза против двух.

Таким образом, наложением епитимии миряне наказывались прежде всего за нарушение половой морали, а также за убийства и покушения на самоубийство. Реже рассматривались дела о нарушениях церковного устава. Относительно нарушений церковной дисциплины священно- и церковнослужителями можно сказать, что большая их часть была связана либо с их пьянством, либо с незаконными венчаниями и другими должностными

проступками.

Наконец, нужно рассмотреть и дополнительную документацию по церковной дисциплине в Псковской епархии. Такого рода материалы можно условно разделить на несколько категорий. Во-первых, это статистические документы, прежде всего «Ведомости о лицах, находящихся в монастырях Псковской епархии на эпитимии...» [8]. Эти документы дают информацию о количестве лиц, получивших церковное наказание. Во-вторых, это документация, дающая характеристику состояния церковной дисциплины в епархии и проекты по её улучшению. Яркими примерами таких документов являются «Дело о мерах предупреждения многобрачия», «Дело по указу правительствующего синода о надзоре за нравственным поведением священников», «Дело по указу Синода об искоренении пьянства среди духовенства» и «Дело по проекту Торопецкого помещика Машина об улучшении нравов духовенства» [10]. В третьих, это процессуальная документация, например, «Дело об отбирании от подсудимых

священноцерковнослужителей права на должность священника», «Дело по рапорту Опочецкого духовного правления о мерах наказания священноцерковнослужителей нарушающих церковную дисциплину» и «Дело о привлечении к строгой ответственности священноцерковнослужителей за сочувствие неповиновшимся крестьянам своим помещикам» [9].

Таким образом, проблема церковной дисциплины в XIX – начале XX вв., как в Псковской епархии, так и в России в целом, изучена слабо. В тоже время, материалы Государственного Архива Псковской области по данной проблематике достаточно обширны. Они включают в себя, прежде всего, дела о нарушениях церковной дисциплины клириками и мирянами. Дополнительная документация по церковной дисциплине в Псковской епархии представлена статистическими документами, документацией, дающей общую характеристику состояния церковной дисциплины, а также процессуальной документацией по данному вопросу.

Список литературы

1. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни — М.: Культурный центр "Духовная библиотека", 2004. 663 с.
2. Государственный архив Псковской области. Ф. 39. Оп. 1, Д. 6971; ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1440.
3. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7003.
4. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. ДД. 7055, 7173, 7353.
5. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7108.
6. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 7123.
7. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. ДД. 7318, 7315, 7308; Оп. 2 ДД. 1478, 1474.
8. ГАПО. Ф. 39. Оп. 1. ДД. 7374, 7376-7382; Оп. 2. Д. 1460, 1463, 1464, 1479, 1487, 1492.
9. ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 1377, 1354., 1352.

10. ГАПО. Ф. 39. Оп. 2. ДД. 1510-1511, 1383, 1376, 1390.
11. Дорская А. А. Влияние церковно-правовых норм на развитие отраслей российского права. - СПб.: Астерион, 2007. 158 с.
12. Дорская А. А. Государственное и церковное право Российской империи: проблемы взаимодействия и взаимовлияния. Российская гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 227 с.
13. Красножен М. Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев, 1900. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Mihail_Krasnozhen/kratkij-ocherk-tserkovnogo-prava/ (дата обращения: 15.04.2021).
14. Матвеева Е. С. Церковное судопроизводство Орловской губернии второй половины XIX – начала XX века. – Орёл: Издательство ОФ РАНХиГС, 2014. 224 с.
15. Павлушков А. Р. Карательно-исправительная система русской православной церкви в имперский период. - Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2014. 250 с.
16. Познышев С. В. Религиозные преступления с точки зрения религиозной свободы. М.: Унив. тип. 1906.
17. Скутнев А. В. Приходское духовенство: особенности менталитета и неканоническое поведение (вторая половина XIX - начало XX вв.) // Новый исторический вестник. Москва. 2007. №16. С. 63-77.
18. Суворов Н. С. О церковных наказаниях. Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Suvorov/o-cerkovnyh-nakazaniyah-opyt-issledovania-po-cerkovnomu-pravu/ (дата обращения: 25.03.2021).

CHURCH DISCIPLINE IN THE PSKOV EPARCHY IN THE XIX-XX CENTURIES. ANALYSIS OF THE SOURCE BASE

Despite the large volume of archival materials on church discipline in Russia of the XIX – early XX centuries, this topic has been studied rather poorly. This article analyzes the source base on the church discipline in the Pskov diocese based on the materials of the State Archive of the Pskov region. During the study of these sources, a count of specific violations of the church discipline among the laity, church officers and the clergy was made, and the main categories of offenses were identified. The main types of punishments for violating church discipline are shown. The gender composition of laypeople in the structure of offenses is considered. The structure of the titles of archival cases concerning violations of the church discipline is also addressed. The author came to the conclusion that clerics were punished mainly for drunkenness and official misconduct. In relation to the laity, the Pskov Spiritual Consistory most often considered cases related to the violations of sexual morality and illegal marriages, as well as murders and suicide attempts. This work is relevant because at present the Russian Orthodox Church is continuing to create unified documentation regulating the issues of the church court. This study, in turn, allows us to update the historical experience of regulating the church discipline and assigning punishments for its violation. The uniqueness of this work lies in the fact that the materials on the church discipline of the Pskov diocese of the XIX – early XX centuries have been analyzed for the first time, and the data obtained were introduced into scientific circulation.

Keywords: church discipline, Pskov eparchy, Church history, church law, source studies.

References

1. Belyakova, E. V. (2004). Tserkovny sud i problemy tserkovnoy zhizni [The Church court and the problems of church life]. Moskva: Spiritual Library. 663 s.
2. GAPO. F. 39. Op. 1, D. 6971; GAPO. F. 39. Op. 2. D. 1440.
3. GAPO. F. 39. Op. 1. D. 7003.
4. GAPO. F. 39. Op. 1. DD. 7055, 7173, 7353.
5. GAPO. F. 39. Op. 1. D. 7108.
6. GAPO. F. 39. Op. 1. D. 7123.
7. GAPO. F. 39. Op. 1. DD. 7318, 7315, 7308; Op. 2. DD. 1478, 1474.
8. GAPO. F. 39. Op. 1. DD. 7374, 7376-7382; Op. 2. D. 1460, 1463, 1464, 1479, 1487, 1492.
9. GAPO. F. 39. Op. 2. D. 1377, 1354, 1352.
10. GAPO. F. 39. Op. 2. DD. 1510-1511, 1383, 1376, 1390.
11. Dorskaya, A. A. (2007). Vlianie tserkovno-pravovykh norm na razvitie otrasley rossiyskogo prava [The influence of church law on the development of branches of Russian law]. Saint Petersburg.: Asterion. 158 s.
12. Dorskaya, A. A. (2004). Gosudarstvennoe i tserkovnoe pravo Rossiyskoy imperii: problemy vzaimodeystvia i vzaimovliania [State and Church law of the Russian Empire: problems of interaction and mutual influence]. Saint Petersburg.: RSPU named after A. I. Herzen. 227 s.
13. Krasnozhen, M. E. (1900). Kratkiy ocherk tserkovnogo prava [A summary of ecclesiastical law]. Yuryev. Retrieved 15 April 2021 from <https://azbyka.ru>
14. Matveeva, E. S. (2014). Tserkovnoe sudoproizvodstvo Orlovskoy gubernii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka [Church judicial proceedings of the Orel province of the second half of the XIX-early XX century.]. Orel: RANEPА. 224 s.
15. Pavlushkov, A. P. (2014). Karatelno-ispravitel'naya sistema Russkoy pravoslavnoy tserkvi v imperskiy period [The penal correction system of the Russian Orthodox Church in the Imperial period]. Vologda: VIPE FPS of Russia. 250 s.
16. Poznyshev, S. V. (1906). Religioznye prestupleniya s tochki zreniya religioznoy svobody [Religious crimes from the point of view of religious freedom]. Moskva: University Printing House.
17. Skutnev, A. V. Prikhodskoe dukhovenstvo: osobennosti mentaliteta i nekanonicheskoe povedenie (vtoraya polovina XIX - nachalo XX vv.) [Parish clergy: peculiarities of mentality and non-canonical behavior (second half of the XIX-early XX centuries)]. *Noviy istorichesky Vestnik [New Historical Bulletin]*. 16. S. 63-77.
18. Suvorov, N. S. (1876). O tserkovnykh nakazaniakh. Opyt issledovaniya po tserkovnomu pravu [About church punishments. Research experience in church law]. Saint Petersburg. Retrieved 15 April 2021 from <https://azbyka.ru>

Об авторах

Леонтьев Алексей Александрович – магистрант Института гуманитарных наук и языковых коммуникаций, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: leontev1572@gmail.com.

Алиева Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Псковский государственный университет (Россия), E-mail: zemkod1922@gmail.com

Leontev Alexey Alexandrovich – master's student of the Institute for Humanities and Language Communication, Pskov State University (Russia), E-mail: leontev1572@gmail.com.

Alieva Ludmila Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Pskov State University (Russia), E-mail: zemkod1922@gmail.com

УДК 94(470)

Лупанова Е.М., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей М.В. Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

«АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ» СПОСОБЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАУЧНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В РОССИИ XVIII В.

Научные инструменты исторического значения как важная часть развития науки и техники не первое десятилетие привлекает к себе внимание исследователей всего мира. Статья посвящена малоизученному аспекту вопроса. XVIII в. отмечен появлением в России ряда диковинных, доселе невиданных предметов. В числе других это были различные научные и измерительные инструменты – астролябии, компасы, часы, квадранты и др. Помимо очевидных сейчас способов их применения, существовали другие. Это были редкие и дорогостоящие предметы, изготовлявшиеся по индивидуальному заказу. Не каждый умел им пользоваться. Поэтому инструменты были предметом, указывающим на высокий уровень образования и социальный статус. В дальних экспедициях, в странах, населенных, как тогда говорили «дикарями», они напоминали владельцу о родной культуре – именно поэтому некоторые заказчики придавали большое значение декоративному оформлению. Инструменты использовались для развлечения при дворе и для массовой публики. Подчас они становились средством привлечения государственных инвестиций в научные исследования. Инструменты использовались для дипломатических целей как на межгосударственном уровне, так и на локальном. Наконец, в обывательском сознании, эти символы западной культуры и диковинные предметы подчас воспринимались как орудие грабежа.

Ключевые слова: вестернизация, часы, компасы, астролябии, многофункциональность, статусный предмет, индустрия развлечений, просвещение, дипломатия.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-118-128

Введение. Назначение научных и измерительных инструментов кажется на первый взгляд вполне очевидным: компасы нужны для ориентации в пространстве и определения направления движения, телескопы – для астрономических наблюдений, теодолиты – для геодезической съемки и т.д. Однако было бы анахронизмом приравнивать реалии XVIII в. к современным представлениям. При существующем большом интересе к истории научных инструментов и динамичном развитии историографии данного направления

альтернативные способы использования инструментов до сих пор оставались за рамками исследовательского внимания.

На данный момент в отдельных публикациях источников и исследований имеются лишь разрозненные упоминания фактов использования научных инструментов по неочевидному для нас сейчас назначению. В рамках статьи предпринята попытка обобщить и проанализировать эти данные.

Универсализм. XVII-XVIII века были временем энциклопедических

знаний и соответствующих им столь же универсальных инструментов.

Классическими примерами универсальных научных инструментов являются пропорциональные циркули и астролябии. В основе конструкции любой астролябии – проекция звездного неба на плоскую поверхность, подвижная карта-планисфера. Ее основные функции – определение географических координат или времени на основе измерения высоты небесных объектов. Т.е. это своеобразный компас и звездные часы. Астролябии имели также целый ряд других функций. Это календарь, позволяющий соотносить разные системы измерения времени, угломерный инструмент; с ее помощью можно было вычислять фазы Луны, производить пересчеты между системами координат, рассчитывать время восхода и захода Солнца, производить многие другие операции, существовали обширные трактаты – руководства по использованию астролябий [9; 10; 11].

Широкий спектр способов применения имели также пропорциональные циркули. Каждый из них был инструментом измерительным (причем измерения могли производиться линейные и угловые, на бумаге или на местности), вычислительным, чертежным. Часто они имели по несколько шкал, представлявших из себя справочные таблицы для расчета пропорций.

Первые опыты использования универсальных научных инструментов русскими относятся к первой половине XVII в. В 1636 г. стряпчий царя Михаила Фёдоровича А.С.Романчуков был отправлен в Персию в составе гольштинского посольства. Общаясь с

А. Олеарием, он проявил большой интерес «к свободным искусствам, особенно к некоторым математическим наукам и латинскому языку», просил научить его обращаться с инструментами и заказал астролябию находившемуся также в составе посольства часовщику. При помощи инструмента А.С.Романчуков произвел ряд измерений: «...когда бывало останавливались мы на ночлег в каком-нибудь городе или селении, особенно в Астрахани, он выходил с этой астролябией для упражнений на улицу,... что чрезвычайно удивляло русских, не привыкших видеть своих соотечественников за подобными занятиями» [23, с.23].

Казалось бы, в XVII в. уже были специальные инструменты – часы, компасы, транспортиры, зрительные трубы, чертежные инструменты и т.д. Однако их узкая специализация кажется само собой разумеющейся только с точки зрения XXI века. Каждый инструмент изготавливался вручную, по индивидуальному заказу, требовал долгой кропотливой работы и стоил очень дорого. Стараясь удовлетворить запросам самых взыскательных заказчиков, мастера монтировали в компасы в штативы телескопов, дополняли звездные часы нитяным гномоном для определения времени днем по солнцу, совмещали в одной линейке функции чертежного, измерительного инструмента, счетного и масштабирующего устройства, мини-справочника. Многие инструменты имели также изысканные декоративные украшения, призванные подчеркнуть высокий статус и образованность их владельца, а в случае экспедиции в дальние страны – напомнить владельцу о родине.

Просветительская и развлекательная функции. Сегодня во всем мире пользуются популярностью научно-образовательные центры. Многие из них ориентированы на детскую аудиторию, но и взрослые с удовольствием проводят время, наблюдая занимательные физические и химические опыты. Устойчивым спросом пользуются научно-популярные фильмы и литература. Казалось бы, это совершенно новая учебно-развлекательная индустрия появилась только благодаря современным технологиям и богатому в точных науках опыту в совокупности с маркетинговым мышлением.

Однако точным и естественным наукам по их природе присуща зрелищность. На этапе зарождения экспериментальных исследований она уже использовалась для привлечения внимания, для разовых просветительских мероприятий и для систематического обучения. Привлечение внимания было особенно важно для коммуникации учёных с властью – от успеха демонстрации нередко зависело финансирование исследований.

Наука в XVIII в. воспринималась как вид искусства, «упражнения в науках, эксперименты» – как вид благородного развлечения, более изысканного и утонченного по сравнению с охотой или танцами [4; 26]. Точно также и сейчас мы вольно или невольно судим о человеке в зависимости от его предпочтений YouTube-каналов – смотрит ли он на досуге новости научных открытий, или головокружительные трюки и кровавые поединки.

Вскоре после открытия для посетителей Кунсткамеры при музее

начались публичные лекции учёных. Музей не только представлял вниманию посетителей научные коллекции, связанные с последними достижениями в области физики, астрономии, биологии, археологии и этнографии. Он также стал научно-исследовательским центром. Просветительская деятельность была одной из важных задач работы приглашавшихся в Россию ученых. Например, «Петербургские ведомости» 27 августа 1727 г. читателям сообщили о лекциях профессора И.Г. Лейтмана: «механику и оптику сциентифически и практически учит и образ совершеннейшей сферичности или окружности сделания стеклянных вещей, который англичанам, французам, голландцам и итальянцам не ведом был, доказывает. Приватные труды положит в делании трубы Нейтоновой, которую некоторые из ученых тщившиеся сделать, вотще труд свой положили» [1].

Первый руководитель Физического кабинета Петербургской Академии наук Г.В. Крафт провел большую работу для оборудования кабинета по последнему слову европейской науки. Он придавал большое значение не только постановке опытов, но и их публичности. Популяризация науки была неразрывно связана с идеей зрелищности как одной из важных практических задач существования Академии. «Курьезные опыты» ставились в первую очередь для императорского двора и для студентов, время от времени представлялись также вниманию всех «охотников до математики, физики, истории и реторики». Для демонстраций использовались магниты, линзы, зеркала, антия, гидравлический пресс, герметично

закрывававшиеся чугунные ёмкости, наполнявшиеся водой и к удивлению зрителей лопающиеся на морозе [3]. Особой популярностью публики пользовались опыты с электричеством. Стремление увеличить зрелищный эффект влекло за собой совершенствование машин, а с ним – изучение свойств электричества. В результате к концу XVIII в. эта изначально чисто развлекательная сфера деятельности стала восприниматься как достойное занятие серьезных ученых [17], но основной областью практического применения вплоть до 1890-х гг. оставались придворные иллюминации и воспринималась как событие, более близкое к фейерверкам, чем к системе освещения [16]. С середины XVIII в. обсуждались вопросы практического применения электричества как движущей или целебной силы. Для демонстраций различных физических опытов использовались также магниты, линзы, зеркала, «антлия» (насос), гидравлический пресс. Грандиозным экспериментальным проектом стал Ледяной дом 1740 г. [7], печальная слава которого нашла свое отражение в одноименном литературном произведении И.И. Лажечникова [6]. Реализация идеи потребовала от руководителя Физического кабинета Петербургской Академии наук мобилизовать свой талант творческого применения имевшихся у него знаний и опыта. Публика же восприняла результаты технических расчетов и представление результатов сбора этнографических коллекций всего лишь как шоу [15].

Не меньше усилий в том же направлении приложил организатор и первый руководитель академической обсерватории Ж.-Н. Делиль.

Публичные лекции М.В. Ломоносова стали продолжением традиции, заложенной в Петербурге учеными, приехавшими из Европы.

Время от времени инструменты Физического кабинета и Обсерватории доставляли ко двору, о чем свидетельствуют пометки в каталогах, а также документы о выдаче [12, т.VIII, с.341]. Известно, например, что в марте 1735 г. Ж.-Н. Делиль показывал Анне Иоанновне Сатурн и его кольца в 7-футовую «невтонианскую трубу», после чего императрица распорядилась доставить ей из Кунсткамеры различные «как физические, так и астрономические инструменты для продолжения таких обсерваторий» [23, с.174]. В мае 1743 г. Елизавета Петровна распорядилась выдать ей зрительную трубу, которой пользовался её отец. Были найдены такие две зрительные трубы [12, т.V, с.666-667]. Обе они в начале июня были отправлены в Петергоф. С интересом наблюдала Луну и другие светила и Екатерина II. Академик С.Я. Румовский демонстрировал небесные тела уже пожилой императрице в последний год ее правления. Пользуясь успехом, заручился поддержкой проекта, предложенного в свое время А.Н. Гришовым по перенесению академической обсерватории из центра столицы в более спокойное место. Однако смерть Екатерины II помешала исполнить обещание, и новая обсерватория начала строиться только через 40 лет [14, с.64].

Все вышеперечисленные эпизоды являются примерами использования инструментов не столько для учебных или научных целей, сколько для развлечений. Как и большинству посетителей научно-развлекательных

центров, в равной степени императрицам и обывателям было важно хорошо провести время, а не получить значимую информацию о мире.

Коммерческая и дипломатическая функции. В документах Второй Камчатской экспедиции сохранилось любопытное свидетельство. Отправившийся туда для починки компасов, песочных часов и других инструментов мастер просил выдать ему из типографии Петербургской Академии наук тысячу «компасных крушков» (заготовок картушек). Явно в его планы входило не только обеспечение нужд самой экспедиции, но и работа по продаже, которая должна была стать определенным подспорьем в условиях экспедиции.

Не менее важно было каждый раз на новом месте заручиться поддержкой с представителями местной администрации и духовенства. Были случаи, когда инструменты помогали наладить контакт и обеспечить приятное совместное времяпрепровождение, использовались в качестве подарков, демонстрировавших особое расположение. Так, в 1740 г. во время экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в Тобольском монастыре архиерей Анике принял в подарок карту военных действий турецкой войны и описание универсальных часов. Участники экспедиции предоставили ему возможность наблюдения окрестностей через зрительную трубу, а как только установилась ясная погода – Луны и Юпитера со спутниками [13, с.281]. Архиепископ Силантьева (Зилантова) мужского монастыря в Казани также с большим интересом осматривал экспедиционные инструменты и получил в подарок «ручную английскую трубу

прекрасной работы» [13, с.314, 455-456]. Этот факт можно трактовать и с точки зрения распространения просвещения – при монастыре действовала духовная семинария, как раз с 1740 г. открывалась школа для новокрещеных татар [5; 23]. В школе едва ли преподавали основы астрономии, но будущим священнослужителям изредка вполне могла предоставляться возможность наблюдать небо при помощи оптического инструмента.

Научные инструменты играли дипломатическую роль и на более высоком уровне. Так, в 1717 г. Петр I в числе других подарков отправил китайскому императору ртутный барометр [23, с.41], а в 1796 г. английский король Георг III подарил Екатерине II телескоп-рефлектор работы У. Гершеля [14, с.64].

Орудие грабежа. Наконец, стоит остановиться на том способе использования, в котором на протяжении всего XVIII в. подозревали научные инструменты жители деревень. Стоит представить себе насколько странным и удивительным выглядели для крестьян блестящие латунные инструменты замысловатой формы. Веками сложилась устойчивая ассоциация металлического блеска с боевыми действиями. Настороженному и враждебному отношению местного населения к командированным для измерения и картирования территории способствовала система снабжения - денежное довольствие выдавалось с перебоями, геодезисты и члены исследовательских экспедиций останавливались на ночлег, пользуясь правом постоя - то есть на легальных основаниях были непрошенными гостями в каждом

пункте на пути своего следования. Местные жители были обязаны предоставлять им кров. И хотя официальные инструкции предписывали питание и фураж за казенный счет, «обычай удерживал верх, и крестьянин кормит солдата вместе с собой и позволяет ему его муку продавать или получать деньгами». Поэтому «постоянная повинность была едва ли не самой социально травматичной из всех, которые несло российское население... Взаимоотношения домовладельцев и военных нередко напоминали взаимоотношения оккупантов и побежденных» [8, с.144-145; 18; 21; 24]. В этом отношении команды научных и геодезических экспедиций ничем не отличались от военных.

В свете сказанного неудивительно, что измерительные инструменты воспринимались как инструменты подавления и насилия. Чуждые непонятные диковины за пределами Кунсткамеры выглядели как послания дьявола, предназначенные для обмана и грабежа простых людей. В 1698 г. члены экспедиции генерал-инженера А. де Лавалья, отправленной для съемок Дона, вместе с самим руководителем были жестоко избиты 40 местными крестьянами. Привезенные иностранцем инструменты казались нападшим загадочным оружием, предназначенными для разорения сел и деревень [23, с.43].

В течение ста лет отношение к научным инструментам в крестьянском мире не сменилось на более лояльное. Екатерине II в 1791 г. жаловались с Вятки:

«Землемеры же ходят по округам сколько лет без всякой видимой ко

удовлетворению обитающих пользы или успеха, а стараются свои остролябии исправно наводить прямо на имущие дома поселян и за то обируют, сколько хотят, а кто о землях просит тех без суда губернатор сажает в смиренный дом, где в наказании поступают со всякой жестокостью, о чем значит и по делам в судебных местах, а потому ни о чем нигде жалоб своих представить не могут» [19, с.277].

На месте рассудили за благо сжечь пользователей астролябии как еретиков, но императрица распорядилась иначе: «Сие письмо безыменное я сегодня получила, подобных законно предать велено огню, но думаю с письмом оное послать к князю Мещерскому, чтоб сам поехал и посмотрел, что у него делается на Вятку» [19, с.279].

С агрессивным настроением местных жителей к геодезическим съемкам сталкивался один из самых выдающихся картографов XVIII в. - И.К. Кирилов, составитель первого атласа Российской Империи. Он сам сильно страдал от противодействия местной администрации, практически в каждой губернии, где ему самому или его подчиненным доводилось работать. Члены его команды неоднократно подвергались нападениям, поэтому одновременно с требованием обеспечить каждую группу геодезистов тремя инструментами (астролябия, готовальня, мерительная цепь) пишет о необходимости обеспечения достаточной охраны – наряд из 10 солдат к каждому инструменту. Кроме того, он просил Московскую Сенатскую контору выдать ему документ, обеспечивающий беспрепятственный допуск во все домовые владения. Даже в Москве (не

говоря о более отдаленных территориях) для геодезической съемки улицы закладывали бревнами или устанавливали рогатки для обеспечения безопасности [23, с.110].

В 1737 г. И.К. Кирилов скончался на маршруте следования экспедиции, его место занял В.Н. Татищев. С одной из команд, находившихся в его подчинении, произошел случай, демонстрирующий, что агрессивный настрой с готовностью в любой момент осуществить нападение был обоюдным - как со стороны местных жителей, так и со стороны приезжавших команд. Исход конфликтов определялся соотношением сил. В Казанской губернии произошел конфликт команды геодезиста А.Ф. Клешина с местным священником И. Степановым, отказавшимся предоставить свой кров. Члены экспедиции избили несговорчивого хозяина, расположились в его доме и стали пользоваться всеми имевшимися там запасами [20]. Документы уже упоминавшейся Второй Камчатской экспедиции пестрят зарисовками конфликтов с

местными жителями [2, с.225-237; 442-443; 635-657].

Заключение. Функциональность научных и измерительных инструментов XVII-XVIII вв. не ограничивалась очевидным для нас сейчас прямым назначением. Помимо выполнения своих основных функций, эти предметы:

- были показателем высокого статуса и уровня образования владельца, атрибутом элитарной культуры, в дальних экспедициях напоминали владельцам о родине культуры;

- играли развлекательную роль как при дворе (в частности, для привлечения государственных инвестиций в научные исследования), так и для широкой публики;

- использовались для дипломатических целей, как на межгосударственном уровне, так и на локальном (установление хороших отношений между членами экспедиции и местной администрацией);

- воспринимались на обывательском уровне как орудие грабежа.

Список литературы

1. Вавилов С.И. Очерк развития физики в Академии наук СССР за 220 лет // Очерки по истории Академии наук. Физико-математические науки. М.; Л., 1945. С.3-27.
2. Вторая Камчатская экспедиция: документы 1739-1740. Морские отряды. Т.IV. СПб.: Нестор-история, 2015. 967 с.
3. Елисеев А.А. Физический кабинет Академии наук в первой половине XVIII в. и Ломоносов // Ломоносов. Сб. ст. и материалов. Вып. I. М.; Л.: АН СССР, 1940. С.173-206.
4. Иванов К.В. Первые телескопы. На пути от раритета к «философскому» инструменту // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2004. №6(38). С.87-94.
5. Исхаков Р.Р. Религиозное просвещение и консолидационные процессы среди крещеных татар во второй половине XVI-XVIII вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2016. №6. С.340-360.

6. Лажечников И.И. Ледяной дом. М.: Сибирская благовонница, 2011. 492 с.
7. Крафт Г.В. Подлинное и обстоятельное описание построенного в Санкт-Петербурге в генваре месяце 1740 года Ледяного дома и всех находившихся в нем домовых вещей и уборов с приложенными при том гридированными фигурами. СПб.: АН, 1741.
8. Лапин В.В. Постоянная повинность в России // Английская набережная, 4: ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов. СПб., 2000. С.135-164.
9. Масликов С.Ю. Астролябия Петра Первого // Земля и Вселенная. 2016. №3. С.69-86.
10. Масликов С.Ю. История изучения астролябий в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2014. Т.35. №3. С.22-33.
11. Масликов С.Ю. Неизвестные работы востоковеда Б.А. Дорна, посвященные арабским астролябиям // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т.14. № 10. С.117-124.
12. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. V. 1742-1743. СПб.: АН, 1889. 1067 с.; Т. VIII. 1746-1747. СПб.: АН, 1895. 794 с.
13. Материалы экспедиции Ж.-Н. Делиля в Березов в 1740 г.: дневник Т. Кёнигфельса и переписка Ж.-Н. Делиля. СПб., 2008. 784 с.
14. Михайлов А.А. Очерк по истории астрономических наук // Очерки по истории Академии наук. Физико-математические науки. М.; Л., 1945. С.64.
15. Никифорова Л.В. Ледяной дом в описании современника как эпизод истории науки // История науки и техники. 2006. №5. С.38-46.
16. Никифорова Н.В. Технологические новинки при императорском дворе: электричество в практиках репрезентации власти // Ярославский педагогический вестник. 2015. Т.1 (культурология). №2. С.145-150.
17. Пестриков В.М. Электрический конденсатор – инновационная технология XVIII века // Инфокоммуникационные и радиоэлектронные технологии. 2019. Т. 2. № 2. С.285-309.
18. Плешаков И.Н. Военный постой в Поволжье в конце XVIII в.: Ростовский карабинерный полк в Саратовской губернии (1792–1794 гг.) // Известия Саратовского университета. 2008. Т.8. Серия: История. С.43-55.
19. Подметное письмо императрице Екатерине II 1791 г. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860. Кн.4. М., 1861. С.275-281.
20. Собисевич А.В. Путь геодезист на службе отечеству: новые материалы о А.Ф. Клешнине // Вопросы истории естествознания и техники. 2012. Т.33. №1. С.128-133.
21. Субботина Л.Е. Натуральный постой в XVIII-XIX вв.: через льготы к цивилизованным формам отношений армии и населения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. С.136-140.
22. Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. Из истории христианизации татар Поволжья в XVIII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2014.

№4. С.191-203.

23. Фель С.Е. Картография России XVIII века. М.: Геодезиздат, 1960. 226 с.

24. Щербинин П.П., Яковлева Л.Е. Правовое регулирование постоянной повинности в Российской Империи XVIII – XIX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. №1(69). С.408-411.

25. Ямпольский М.Б. Эстетическое восприятие в эпоху технической рациональности // Пинакотека. 2002. №15. С.5-11.

THE «ALTERNATIVE» MEANS OF USAGE OF SCIENTIFIC INSTRUMENTS IN RUSSIA OF THE 18TH CENTURY

The 18th century was marked by the appearance of a great number of unusual objects in Russia. Besides military ships, wardrobes and beds, wigs and Holland-fashioned suites they were all kinds of scientific instruments – compasses, astrolabes, sundials, clocks, bisecting dividers, electrostatic machines etc. They were visible and tangible signs of western culture, processes of Russian modernization and westernization. And besides the obvious for us today means of usage they had some other ones. Many instruments were multi-faceted. As a rule they all were rare and expensive things, hand-made by individual order in just few or even the only exemplar. Not everyone could use them. So the instruments demonstrated the high level of education and the high social status of the possessor. The instruments were used for entertainment both at the court and for general public. This kind of court activities was an important tool of attracting attention and state investments to the scientific researches. Clocks, sundials and telescopes played diplomatic role as gifts both on the level of transnational communication and on the local one (the establishment of good relations between arriving expeditions and local authorities). At last local peasants preserved the strange objects possessed by alien-dressed men as a super-modern weapon of pillage.

Keywords: westernization, clocks, sundials, astrolabes, multi-faceted devices, social status pointer, show-business, enlightenment, diplomacy.

References

1. Vavilov S.I. (1945) Oчерk razvitiya fiziki v Akademii nauk SSSR za 220 let [Essay of the development of physics at Academy of sciences USSR]. In: *Oчерki po istorii Akademii nauk. Fiziko-matematicheskie nauki [Essays on the history of Academy of sciences. Physic-mathematic sciences]*. Moscow; Leningrad. P.3–27.

2. Vtoraya Kamchatskaya ekspeditsiya: dokumenty 1739–1740. Morskije otrjady. T.IV. St. Peterburg: Nestor-istoriya, 2015. 967 s.

3. Eliseev A.A. (1940) Fizicheskiy kabinet Akademii nauk v pervoj polovine XVIII v. i Lomonosov [Physics cabinet of Academy of sciences and M.V. Lomonosov]. In: *Lomonosov. Sb. st. i materialov [Lomonosov. Assembled articles and papers]*. Vyp.I. Moscow; Leningrad: AN SSSR. P.173-206.

4. Ivanov K.V. (2004) Pervye teleskopy. Na puti ot rariteta k «filosofskomu» instrumentu [On the way from the rarity to the “philosophical” instrument. In: *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture [The reserve stock. Debts on politics and culture]*. №6(38). P.87–94.

5. Iskhakov R.R. (2016) Religioznoe prosveshchenie i konsolidacionnye processy sredi kreshchenyh tatar vo vtoroi polovine XVI-XVIII vv. [Religious enlightenment

and consolidation processes in the Christianized tatars' society of the second half of the 16th - 18th centuries] In: *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [From the history of culture of the folks of the middle Volga region]*. №6. P.340-360.

6. Kraft G.V. (1741) Podlinnoe i obstoyatel'noe opisanie postroennogo v Sankt-Peterburge v genvare mesyace 1740 goda Ledyanogo doma i vsekh nahodivshih'sya v nem domovyh veshchej i uborov s prilozhennymi pri tom gridorovannymi figurami. St. Peterburg: AN.

7. Lazhechnikov I.I. (2011) Ledyanoj dom [The Ice house]. Moscow: Sibirskaya blagozvonnica. 492 p.

8. Lapin V.V. (2000) Postojnaya povinnost' v Rossii [Free-quarter in Russia]. In: *Anglijskaya naberezhnaya, 4: ezhegodnik Sankt-Peterburgskogo nauchnogo obshchestva istorikov i arhivistov [English embankment, 4: annual collected papers of the Society of historians and archivists]*. St Petersburg. P.135-164.

9. Maslikov S.Yu. (2016) Astrolyabiya Petra Pervogo [Peter the Great's astrolabe]. In: *Zemlya i Vselennaya [The earth and universe]*. №3. P. 69-86.

10. Maslikov S.Yu. (2014) Istoriya izucheniya astrolyabij v Rossii [History of astrolabe-studies in Russia]. In: *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki [The problems of history of sciences and technique]*. T.35. №3. S.22-33.

11. Maslikov S.Yu. (2015) Neizvestnye raboty vostokoveda B.A. Dorna, posvyashchennye arabskim astrolyabiyam [The unknown works of B.A. Dorn devoted to the Arabic astrolabes]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya [The newsletter of Novosibirsk state university. Series: history, philology]*. T.14. № 10. S. 117-124.

12. Materialy dlya istorii Imperatorskoj Akademii nauk. T.V. 1742-1743. St. Peterburg: AN, 1889. 1067 p.; T. VIII. 1746-1747. St. Petesburg.: AN, 1895. 794 p.

13. Materialy ekspedicii J.-N. Delilya v Berezov v 1740 g.: dnevnik T. Kyonigfel'sa i perepiska J.-N. Delilya. St. Peterburg, 2008. 784 p.

14. Mikhailov A.A. (1945) Ocherk po istorii astronomicheskikh nauk [The essay of the history of astronomy as science]. In: *Ocherki po istorii Akademii nauk. Fiziko-matematicheskie nauki [Essays on the history of Academy of sciences. Physic-mathematic sciences]*. Moscow; Leningrad. S.64.

15. Nikiforova L.V. (2006) Ledyanoj dom v opisanih sovremennika kak epizod istorii nauki [The Ice house in the descriptions of a contemporary as an episode of the history of science]. In: *Istoriya nauki i tekhniki [History of sciences and technique]*. №5. S.38-46.

16. Nikiforova N.V. (2015) Tekhnologicheskie novinki pri imperatorskom dvore elektrichestvo v praktikakh reprezentatsii vlasti [Technical knowhows at the Emperor's court: electricity in the practices of power representations]. In: *Yaroslavskii pedagogicheskij vestnik*. T.1 (kulturologiia). №2. S.145-150.

17. Pestrikov V.M. (2019) Elektricheskij kondensator – innovacionnaya tekhnologiya XVIII veka [Electric capacitor - innovative technology of the 18th century]. In: *Infokommunikacionnye i radioelektronnye tekhnologii [Info-communicative and radio-electronic techniques]*. T. 2. № 2. S. 285-309.

18. Pleshakov I.N. (2008) Voennyi postoi v Povolzh'e v kontce XVIII v.: Rostovskij karabinernyj polk v Saratovskoj gubernii (1792–1794 gg.) [Free-quarter in Volga-region in the late 18th century (1792–1794)]. In: *Izvestiya Saratovskogo universiteta [The newsletter of Saratov university]*. T.8. Seriya: Istorija. S.43-55.

19. Podmetnoe pis'mo imperatrice Ekaterine II 1791 g. (1861) In: *Chteniya v Imperatorskom obshchestve istorii i drevnostej rossijskih pri Moskovskom universitete*. 1860. Kn.4. Moscow. P.275-281.

20. Sobisevich A.V. (2012) Put' geodezist na sluzhbe otechestvu: novye materialy o A.F. Kleshnine [The way of surveyor: new materials about A.F. Kleshnin]. In: *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki [The problems of history of sciences and technique]*. T.33. №1. S.128-133.

21. Subbotina L.E. (2007) Natural'nyj postoj v XVIII-XIX vv.: cherez l'goty k civilizovannym formam otnoshenij armii i naseleniya [Natural free-quarter in the 18-19th centuries: from the privilege to the civilized relationships between the army and population]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [The newsletter of Tambov university. Humanitarian series]*. S.136-140.

22. Fahrutdinov R.G., Fahrutdinov R.R. (2014) Iz istorii hristianizacii tatar Povolzh'ya v XVIII v. [From the history of Tatar Christianization in the 18th century] In: *Iz istorii i kul'tury narodov Srednego Povolzh'ya [From the history of culture of the folks of the middle Volga region]*. №4. S.191-203.

23. Fel' S.E. (1960) Kartografiya Rossii XVIII veka [Cartography of Russia in the 18th century]. Moscow: Geodezizdat. 226 s.

24. Shcherbinin P.P., Yakovleva L.E. (2009) Pravovoe regulirovanie postojnoj povinnosti v Rossijskoj Imperii XVIII – XIX vv. [Legal regulating of free-quarter in Russian Empire of the 18-19th centuries]. In: *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki [The newsletter of Tambov university. Humanitarian series]*. №1(69). S.408-411.

25. Yampol'ski M.B. (2002) Esteticheskoe vospriyatие v epohu tekhnicheskoy racional'nosti [Estetic issues at the time of technical rationality]. In: *Pinakoteka [Pina-cotheca]*. №15. S.5-11.

Об авторе

Лупанова Евгения Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела «Музей Ломоносова» в составе Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

Lupanova Yevgenia Mikhailovna – Candidate of Sciences (History), Senior researcher of the Department «M.V. Lomonosov's museum» Museum for anthropology and ethnography RAS (Russia).

УДК 94 (420)

Мальчикова С.П., аспирант, Смоленский государственный университет (Россия)

«ОТКРЫТИЕ» ЯПОНИИ НА СТРАНИЦАХ THE ILLUSTRATED LONDON NEWS (1853-1854)

Дальний Восток являлся важным экономическим направлением в европейской политике второй половины XIX в. Закрытая на столетия от внешнего мира, Япония стала тогда объектом пристального внимания Запада. Американская эскадра под командованием М. Перри прибыла к берегам Японии в 1853 г., чтобы заключить с ней торговый договор и вынудить прекратить изоляцию. «Открытие» страны Восходящего солнца стало значимым событием в мировой истории, которое не могло пройти незамеченным. Европейская пресса публиковала сообщения о ходе и результатах экспедиции США, о миссии Российской Империи под командованием Е.В. Путятина, преследующей те же цели, и о Японии, малоизвестной для Европы страны, культура и искусство которой восхищали европейскую публику. В статье рассматриваются публикации британской газеты The Illustrated London News («Иллюстрированные Лондонские новости») 1853-1854 гг., посвященные Японии. Анализируется образ страны, который преподносился викторианским читателям, выделяются аспекты, наиболее интересующие авторов статей и тональность, с которой написаны заметки. Пресса викторианской эпохи помогает посмотреть на мир глазами современников королевы Виктории и выявить особенности представлений о стране Восходящего солнца.

Ключевые слова: The Illustrated London News, британская пресса, Япония, США, Британия, Мэтью Перри, «открытие» Японии, образ Японии.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-129-138

Правление королевы Виктории стало периодом экономической стабильности, развития промышленности, науки, искусства в Великобритании. Увеличившийся уровень жизни общества способствовал росту грамотности подданных британского престола, что породило спрос на прессу. Население хотело быть причастно к мировым событиям, желало знать не только о местных новостях, но и о том, что происходило в других государствах. Появлялись новые издательства, ежедневно печаталось огромное количество газет и журналов, давая возможность каждому прикоснуться к мировому прогрессу.

Лондонское издание The Illustrated London News, первый номер которого был опубликован 14 мая 1842 г., выделялся среди прочей прессы викторианского периода. Это первая иллюстрированная газета в мире, что, несомненно, давало ей возможность снискать популярность у британской читающей публики.

The Illustrated London News преподносили своим читателям богатую коллекцию новостей, посвященных науке, искусству, культуре, политическим событиям и уделяли особое внимание королевской семье. Практически к каждой статье прилагались иллюстрации, а позже и фотографии.

Последний выпуск газеты состоялся 1 мая 2003 г.

Помимо освещения событий в самой Великобритании, викторианцы живо интересовались новостями из других стран, следя за политическими и культурными событиями далеко за пределами знакомого им мира. «Открытие» Японии для свободных контактов и торговли - событие достаточно значимое, чтобы вызвать любопытство читателя. Несомненно, страна Восходящего солнца занимала британцев и ранее, но американская экспедиция вызвала новую волну внимания. И *The Illustrated London News* на своих страницах публиковали заметки, держа британцев в курсе новостей. «Некоторые сведения о судах, составлявших Американскую экспедицию в Японию, и о ее доблестном главнокомандующем не могут не заинтересовать наших читателей» [28].

В отечественной литературе «открытию» Японии и ее взаимоотношениям с США и другими европейскими странами посвящено довольно много работ. Это труды Е.А.Барановой [1], С.Л. Гуринова [4], М.К. Ковальчук [5], В.В. Кожевникова [6], С.Б. Маркарьян [8], А. Н. Мещерякова [10], В.Э. Молодякова [11], М.Г.Носова [12], Д.Б. Павлова [13], С.А. Толстогузова [16] и др. Британские СМИ в русской историографии достаточно изучены (С. И. Беглов [2], С.И. Косарев [7], В. А. Матвеев [9], В.Н. Тищенко [15] и т.д.). Тем не менее, Японии на страницах викторианской прессы уделено недостаточно внимания, что определяет значимость данной статьи. Среди работ, касающихся викторианской прессы, стоит отметить труды Н.

Н.Богомоловой [3], Е.Г. Домниной [14], О.Д. Сандомирской [14].

Зарубежная историография отношений Японии и европейских стран представлена солидным количеством исследований (Л. Вильямс [37], С. Ланкастер [21], Дж. П. Леман [22], Х.А. Симонс [26], И. Такутоши [27], Х. Митани [24], О. Чекланд [17], Ю. Шидара [25], Я. Эндо [18] и др.) Среди работ, непосредственно посвященных британской прессе, стоит выделить исследования П. Хокинга [19], Ф. Дж. Ламберта [20] и В. Маккендри [23].

Достижения Великобритании на Дальнем Востоке воодушевили правительство США на активные действия. Желание добиться не менее громких успехов в том же направлении способствовало возникновению грандиозных планов – Японской экспедиции. В 1852 г. коммодор Мэтью Перри возглавил эскадру из 15 судов, 260 орудий, 4000 офицеров, моряков и морских пехотинцев [28].

Придерживающееся политики изоляции (сакоку) [6] правительство страны Восходящего солнца не желало иметь контакты с иностранцами. Поэтому формальным поводом для визита американцев к берегам Японии было возвращение на родину японцев, спасенных судном «Аукленд» [4].

За 1853-1854 гг. «Иллюстрированные новости» опубликовали около 40 статей и заметок, касающихся страны Восходящего солнца. Условно их можно разделить на несколько групп: об экспедиции коммодора М. Перри, о российской экспедиции в Японию, о Японии, ее культуре и искусстве и упоминание в контексте других стран (Китай, Индия и т.д.). По большей части

британская газета за этот период содержит только краткие заметки о Японии и всего пять больших статей с иллюстрациями.

В статье от 7 мая 1853 г. «Экспедиция Соединенных Штатов в Японию» описаны флот под командованием М. Перри, краткая биография самого коммодора и цели «визита» американцев в Японию. The Illustrated London News отмечают, что экспедиция не имеет никаких враждебных намерений по отношению к японскому правительству или народу и не собирается применять силу. «Хотя причин для ссоры хватает» [28]. Автор статьи пишет, что японцы варварски захватили американских моряков, потерпевших кораблекрушение у их берегов, и заключили их в тюрьму. И, подчеркивая благородство коммодора, отмечает, что он позволит властям Японии не объяснять причины своих поступков, а привлечет их внимание только к сотрудничеству.

Автор статьи не сомневается в результатах миссии Перри: «Экспедиция направлена на «принуждение правительства Японии к цивилизации», и, если оно не согласится на переговоры с нацией, к подданным которой относится варварски, ему следует преподать урок гуманности и «заставить встать в ряды цивилизованных империй» [28]. Среди второстепенных результатов экспедиции отмечено создание угольного склада на японском побережье и продвижение научных исследований.

Британская газета в данной статье дает хвалебную характеристику и самому коммодору Перри, «джентльмену, во всех отношениях достойному

доверия» [28], и американской нации в целом, в которой отмечают их энергию и активность. В то же время японцев The Illustrated London News относят к нецивилизованным народам, которых нужно наставить на путь прогресса, даже против их воли. «Японская экспедиция, вероятно, принесет богатые плоды, если японцы примут оливковую ветвь, которую им протянет коммодор Перри» [28].

В июле 1853 г. эскадра США вошла в залив Урага, недалеко от Эдо. На предложение удалиться в доступный для иностранцев Нагасаки, был получен отказ [1]. Согласно инструкции, полученной от американского правительства, для установления дипломатических отношений Перри разрешалось применять военную силу, чтобы устрашить власти страны Восходящего солнца. Не имея возможности противостоять военной угрозе со стороны США, Япония была вынуждена пойти на переговоры с коммодором. 31 марта 1854 г. японское правительство подписало крайне невыгодный для себя Американо-японский договор о мире и дружбе [1]. «Американцы установили дружеские отношения с Японией» [32], благодаря которым японское правительство согласилось предоставить американцам два порта Симода и Хакодате и угольный склад.

В статье от 16 сентября 1854 г. также упоминается о миссии коммодора. Здесь Перри показан как мудрый переговорщик, идущий на уступки другой стороне. Когда на его желание двинуться в Эдо, чтобы посмотреть на столицу, некоторые японские чиновники решили покончить с собой, Перри отступил от первоначального плана,

чтобы избежать кровопролития [33].

Помимо успехов американской эскадры *The Illustrated London News* интересовала также экспедиция Российской Империи к берегам Японии.

В октябре 1852 г. в страну Восходящего солнца была отправлена миссия под руководством Е.В. Путятин. Но, в отличие от Перри, в распоряжении адмирала были лишь мирные средства для установления дипломатических отношений. Фрегат «Паллада» прибыл в порт Нагасаки в августе 1853 г. [14]. 10 сентября 1853 г. на страницах газеты этому вопросу была посвящена большая статья «Русская эскадра для Японии» [30], в которой автор отмечает особенности военно-морской службы Российского флота, состояние кораблей русской экспедиции («Паллада», «Двина», «Восток»). Отмечается, что русская эскадра, направлена не для того, чтобы помешать Америке, а в случае необходимости сотрудничать с ней и обеспечить России часть выгод, ожидаемых от открытия торговых отношений с Японией. В остальном сообщения об экспедиции Е.В. Путятин нейтральные и не несут в себе оценочных суждений.

Еще одна большая статья «Япония и русская война» от 8 апреля 1854 г., хоть и имеет слово «русская» в названии, но в большей степени описывает характер японцев и ситуацию в стране, нежели касается дел в Российской Империи. «Иллюстрированные новости» отмечают, что интересам Америки и России Япония противопоставляла ее выгодное географическое положение вкуче со строжайшей политикой изоляции. Все суда, достигающие японских портов, арестовывались,

а их экипажи отправлялись в тюрьму. Военным кораблям не разрешалось подходить к берегу, для торговли с иностранцами был назначен только порт Нагасаки и определенное время года, когда можно было совершать сделки. Под страхом смерти иностранцам не разрешалось проникать вглубь страны. Миссионеры и христиане подвергались жестоким гонениям.

Автор статьи отмечает, что японские укрепления и строения большей частью сделаны из дерева из-за постоянной угрозы землетрясений. Их воины вооружены мечами, копьями, мушкетами, луками и стрелами. А армия, хоть и многочисленна («150 000 человек, что в случае войны может быть удвоено») [31], но имеет мало пушек и слабый порох, что не может сделать ее грозным противником.

Статья описывает японцев крайне негативно: «Народ этот ничтожный и слабый, [...] он, как и все слабые существа, ревнив, осторожен, робок, хитер и труслив» [31]. К тому же *The Illustrated London News* указывают, что среди населения страны Восходящего солнца «существует значительная доля тех, кого за неимением более правильного термина следует называть христианами, тайно исповедующими варварскую веру и готовыми восстать, если представится возможность, против своих гонителей» [31]. В доказательство этого факта приводится нетерпимость к малейшему подобию христианства в Японии. Например, жителей Нагасаки до сих пор «ведут в храмы и приказывают топтать ногами все священные символы христианской веры» [31], как в прошлом заставляли это делать голландских торговцев.

Автор уверен, что японские христиане поддержат иностранцев, желающих открыть границы Японии.

В отличие от самих жителей страны Восходящего солнца и их политики в отношении иностранных государств, «Иллюстрированные новости» воспринимают японское искусство и предметы быта с позитивным интересом. Дизайн и техника исполнения изделий удивляют британскую публику, заставляя дивиться их изысканности и экзотичности. Статья от 4 июня 1853 г., посвященная японской коллекции на Великой Индустриальной выставке в Ирландии, описывает экспозицию, присланную королем Голландии. Среди интересных диковинок есть коллекция одежды и доспехов, предметы домашней мебели, подставки для зонтиков, фонари, деньги, ширмы, веера, подносы, расписные драпировки для стен, образцы фарфора, идолы и др. «Короче говоря, самый ценный ассортимент основных предметов, иллюстрирующих привычки и социальную жизнь этого необычного народа» [29].

The Illustrated London News, описывая экзотические предметы, используют восторженные выражения: «прекрасная коллекция», «красивый шкаф», «богатейший стиль» и т.д., но, в то же время, противопоставляют индустриально развитую Британию и отстающую Японию. «В то время как у нас чудесные силы паровой машины могут достаточно быстро умножить наши печатные произведения, туземный печатник Японии, держа в руке деревянные шрифты, штампует каждую букву медленно и тщательно, тем же утомительным способом, которым пользовались его предки много веков

назад» [29].

Еще одна японская выставка описана в статье от 4 февраля 1854 г., экспонаты для которой впервые были привезены в Британию без посредников из «одной из самых закрытых стран земного шара» [34]. На экспозиции были представлены различные предметы быта: мебель, покрытая лаком и инкрустированная жемчугом и эмалью, бронзовые вазы, лакированные шкатулки, фарфор («толщина чашки не больше толщины яичной скорлупы») [34], бамбуковые изделия, плетеные корзины, традиционная одежда и т.д. The Illustrated London News одаривают произведения японского искусства следующими эпитетами: «чрезвычайно изящны», «красивые узоры», «изящные формы», «удивительное изящество», «изобретательно по форме» и пр.

Интересна также небольшая заметка от 11 февраля 1854 г. «The Illustrated London News в Японии», в которой говорится о регулярном поступлении в столичную библиотеку императора Японии самой британской газеты. «Возможно, ни сам император, ни кто-либо в его владениях не понимает английского языка, поэтому обычная газета была бы для него бессмысленной. Но язык картин - эти прекрасные иероглифы нового времени - тот универсальный язык, который понятен даже дикарям и младенцам [...]» [35].

Автор заметки берет на себя смелость заявить, что «через наши страницы панорама различных стран проходит перед глазами этого Короля-отшельника и помогает сделать его более мудрым человеком и, следовательно, лучшим Государем» [35].

«Иллюстрированные новости», по мнению их создателей, служат проводником «варварской» Японии в цивилизованный мир.

Таким образом, в XIX веке мир менялся, развивался и расширял границы. Европейские страны стремились усилить свою власть на Дальнем востоке, захватить новые территории, заключить выгодные торгово-экономические контракты. Политический курс западных держав был направлен и в сторону Японии.

The Illustrated London News в своих выпусках за 1853-1854 гг. дают возможность увидеть образ Японии и японцев такими, какими их представляли авторы заметок и статей и их читатели. Иллюстрации также составляют собой ценность, являясь окном в

другой мир для викторианцев. «Открытие» Японии для европейских стран – важное историческое событие, отражение которого в прессе позволяет заглянуть в прошлое, увидеть его глазами современников.

Символическое деление статей отражает интересы Великобритании викторианского периода: поиски новых путей для торгово-экономических отношений, соперничество на политической арене, ориентализм в отношении менее развитых стран. Негативное отношение к японцам и их политике изоляции не мешает в то же время восхищаться японским искусством и предметами быта. Именно такое видение Японии транслируют читателям The Illustrated London News на своих страницах.

Список литературы

1. Баранова Е.А. Европеизация Японии во второй половине XIX века// Вестник современных исследований. 2018. № 5.1 (20). С. 37-40.
2. Беглов С. И. Империя меняет адрес. Британская печать на рубеже тысячелетий. М.: ИМПЭ, 1997. 135 с.
3. Богомолова Н. Н. Имперская идея и викторианская пресса репрезентация образа колониальной империи Великобритании в 70-е гг. XIX века: дис. канд. ист. наук. Брянск, БГУ. 2013. 260 с.
4. Гуринов С.Л. Проблема открытия Японии коммодором М.К. Перри// Берегиня.777.Сова: Общество. Политика. Экономика. 2018 . №3. С. 151-155.
5. Ковальчук М.К. Великая Британия глазами японцев. Миссия Ивакура в Англии, 1872 год//Восточный институт Дальневосточного государственного университета. 2012. № 41. С. 352-366.
6. Кожевников В.В. «Сакаоку» во внешней политике Японии (политика самоизоляции)// Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2018. Том 18. С. 160-172.
7. Косарев С.И. «The Times» и ее роль в жизни Англии во второй половине XIX века//Вестник Брянского Университета. 2012. №2-1. С. 118-121.
8. Маркарьян С. Б. Эволюция взаимовосприятия в отношениях Японии и Запада // Япония: Ежегодник. 1996—1997. М. 1997. С. 151-159.
9. Матвеев В. А. Империя Флит-стрит. М.: Госполитиздат, 1961. 303 с.
10. Мещеряков. А.Н. Восприятие среды обитания в Японии эпохи Токугава

(1603-1867)//История и современность. 2016. №2. С. 78-97.

11. Молодяков В. Э. Образ Японии в Европе и России второй половины XIX – начала XX веков. М: Институт востоковедения РАН, 1996. 182 с.

12. Носов М.Г. Отношения между США и Японией до ее «открытия» (1791-1854 гг.)//США и Канада: экономика, политика, культура. 2011. № 1 (493). С. 81-98.

13. Павлов Д.Б. Япония эпохи Мэйдзи в восприятии западного общества//Россия XXI. 2009. № 3. С. 58-91.

14. Сандомирская О.Д., Домнина Е.Г. Освещение «открытия» Японии в газетах «Нью-Йорк Таймс» и «Таймс» (1854-1858 годы)// Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Том 55. 2017. №2. С.7-15.

15. Тищенко В.Н. История становления деловой прессы Великобритании и США//Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2016. № 4. С. 77-85.

16. Толстогузов С.А. Посольство в Америку 1860г. и проблема обменных курсов//Японские исследования. 2019. №1. С. 20-38.

17. Checkland O. Japan and Britian after 1859. Creating culture bridges. London. Routledge. 2003. 237 p.

18. Endo Y. The cultural geography of the opening of Japan: The arrival of Perry's squadron and the transformation of Japanese understanding of the Pacific ocean during the Edo period // Acta asiatica. Tokyo. 2007. № 93. P. 21–40.

19. Hockings P. Disasters Drawn: The Illustrated London News in the Mid-19th Century//Visual Anthropology. Volume 28 – Issue 1: Popular Pictorial Arts. 2015. P. 21-50.

20. Lambert A. J. Nineteenth Century Railway History Through the «Illustrated London News». David & Charles. 1984. 128 p.

21. Lancaster C. The Japanese Influence In America. New York. W. H. Rawls, 1963. 292 p.

22. Lehman J.P. The image of Japan. From feudal isolation to world power. 1850 – 1905. London. 1978. 208 p.

23. McKendry V. The «Illustrated London News» and the Invention of Tradition//Source: Victorian Periodicals Review. Vol. 27. 1994. № 1. P. 1-24.

24. Mitani H. Escape from impasse. The decision to open Japan. Tokyo. Intern. house of Japan. 2006. 332 p.

25. Shidara Y. Conrad and Lafcadio Hearn: Two Observant Wanderers Writing in Their Adopted Countries//Conradiana. Volume 46. 2014. № 1-2. P. 123-133.

26. Simmons H. A. The British & Colonial Press//English Literature in Transition, 1880-1920. Volume 47. 2004. № 3. P. 335-339.

27. Takutoshi I. Japanese Students in England and the Meiji Government's. Foreign Employees (Oyatoi): The People Who Supported Modernisation in the Bakumatsu-Early Meiji Period//Discussion paper series. 2008. № 40.

28. The Illustrated London News, 07 May 1853.

29. The Illustrated London News, 4 June 1853.

30. The Illustrated London News, 10 September 1853.

31. The Illustrated London News, 8 April 1854.
32. The Illustrated London News, 27 May 1854.
33. The Illustrated London News, 16 September 1854.
34. The Illustrated London News, 4 February 1854.
35. The Illustrated London News, 11 February 1854.
36. Williams L. «Like the ladies of Europe»? Female emancipation and the «scale of civilization» in women's writing on Japan, 1840–188//Studies in travel writing. 2017. №21. P. 1-16.

«DISCOVERING» JAPAN ON THE PAGES OF THE ILLUSTRATED LONDON NEWS (1853-1854)

The Far East was an important economic direction in European politics of the second half of the XIX century. Closed for centuries from the outside world Japan became the object of attention of the West. An American squadron under the command of M. Perry arrived on the coast of Japan in 1853 to conclude a trade treaty with it and put an end to isolation. The «discovery» of the land of the Rising Sun became a significant event in world history which couldn't pass unnoticed. The European press published reports about the progress and results of the USA expedition, about the mission of the Russian Empire under the command of E. V. Putyatin, pursuing the same goals, and ones about Japan, a little-known country for Europe, whose culture and art admired the European public. The article examines the publications of the British newspaper The Illustrated London News in 1853-1854, devoted to Japan. The author analyzes the image of the country which was presented to the Victorian readers, highlights the aspects that are most interesting to the authors of the articles and the tone with which the notes are written. The press of the Victorian era helps to look at the world through the eyes of contemporaries of Queen Victoria and to identify the features of the concept of the land of the Rising sun.

Keywords: The Illustrated London News, British press, Japan, USA, Britain, Matthew Perry, "discovery" of Japan, the image of Japan.

References

1. Baranova E.A. (2018). Evropeizacija Japonii vo vtoroj polovine XIX veka [Europeanization of Japan in the second half of the XIX century]// Vestnik sovremennyh issledovanij. 5.1 (20). S. 37-40.
2. Beglov S. I. (1997). Imperija menjaet adres. Britanskaja pechat' na rubezhe tysjacheletij [The Empire changes its address. British Printing at the turn of the millennium]. M.: IMPJe. 135 s.
3. Bogomolova N. N. (2013). Imperskaja ideja i viktornanskaja pressa reprezentacija obraza kolonial'noj imperii Velikobritanii v 70-e gg. XIX veka [The Imperial Idea and the Victorian press representation of the image of the colonial Empire of Great Britain in the 70s of the XIX century]: dis. kand. ist. nauk. Brjansk, BGU. 260 s.
4. Checkland O. (2003). Japan and Britian after 1859. Creating culture bridges. London. Routledge. 237 p.
5. Endo Y. (2007). The cultural geography of the opening of Japan: The arrival of Perry's squadron and the transformation of Japanese understanding of the Pacific ocean during the Edo period // Acta asiatica. Tokyo. 93. P. 21–40.
6. Gurinov S.L. (2018). Problema otkrytija Japonii kommodorom M.K. Perri [The

problem of the discovery of Japan by Commodore M. K. Perry]// *Bereginja.777.Sova: Obshhestvo. Politika. Jekonomika*. 3. S. 151-155.

7. Hockings P. (2015). *Disasters Drawn: The Illustrated London News in the Mid-19th Century*// *Visual Anthropology*. Volume 28 – Issue 1: Popular Pictorial Arts. P. 21-50.

8. Kosarev S.I. (2012). «The Times» i ee rol' v zhizni Anglii vo vtoroj polovine XIX veka ["The Times" and its role in the life of England in the second half of the XIX century]// *Vestnik Brjanskogo Universiteta*. 2-1. S. 118-121.

9. Koval'chuk M.K. (2012). *Velikaja Britanija glazami japoncev. Missija Ivakura v Anglii, 1872 god* [Great Britain through the eyes of the Japanese. Iwakura Mission to England, 1872]// *Vostochnyj institut Dal'nevostochnogo gosudarstvennogo universiteta*. 41. S. 352-366.

10. Kozhevnikov V.V. (2018). «Sakaoku» vo vneshnej politike Japonii (politika samoizoljatsii) ["Sakaoku" in Japan's foreign policy (the policy of self-isolation)]// *Trudy instituta istorii, arheologii i jetnografii DVO RAN*. Tom 18. S. 160-172.

11. Lambert A. J. (1984). *Nineteenth Century Railway History Through the «Illustrated London News»*. David & Charles. 128 p.

12. Lancaster C. (1963). *The Japanese Influence In America*. New York. W. H. Rawls. 292 p.

13. Lehman J.P. (1978). *The image of Japan. From feudal isolation to world power. 1850 – 1905*. London. 208 p.

14. Markar'jan S. B. (1997). *Jevoljucija vzaimovosprijatija v otnoshenijah Japonii i Zapada* [The evolution of mutual perception in relations between Japan and the West]// *Japonija: Ezhegodnik. 1996—1997*. M. S. 151-159.

15. Matveev V. A. (1961). *Imperija Flit-strit* [Fleet Street Empire]. M.: Gospolitizdat. 303 s. .

16. McKendry V. (1994). *The «Illustrated London News» and the Invention of Tradition*// *Source: Victorian Periodicals Review*. Vol. 27. 1. P. 1-24.

17. Meshherjakov A.N. (2016). *Vosprijatie sredy obitanija v Japonii jepohi Tokugava (1603-1867)* [Perception of the environment in Tokugawa Japan (1603-1867)]// *Istorija i sovremennost'*. 2. S. 78-97.

18. Mitani H. (2006). *Escape from impasse. The decision to open Japan*. Tokyo. Intern. house of Japan. 332 p.

19. Molodjakov V. Je. (1996). *Obraz Japonii v Evrope i Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XX vekov* [The image of Japan in Europe and Russia in the second half of the XIX-early XX centuries]. M: Institut vostokovedenija RAN. 182 s.

20. Nosov M.G. (2011). *Otnoshenija mezhdou SShA i Japoniej do ee «otkrytija» (1791-1854 gg.)* [Relations between the United States and Japan before its "discovery" (1791-1854)]// *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura*. 1 (493). S. 81-98.

21. Pavlov D.B. (2009). *Japonija jepohi Mjejdzi v vosprijatimi zapadnogo obshhestva* [Japan of the Meiji Era in the perception of Western society]// *Rossija XXI*. 3. S.58-91.

22. Sandomirskaja O.D., Domnina E.G. (2017). *Osveshhenie «otkrytija» Japonii*

v gazetah «N'ju-Jork Tajms» i «Tajms» (1854-1858 gody) [Coverage of the "discovery" of Japan in the New York Times and the Times (1854-1858)]// Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S.A. Esenina. Tom 55. 2. S.7-15.

23. Shidara Y. (2014). Conrad and Lafcadio Hearn: Two Observant Wanderers Writing in Their Adopted Countries//Conradiana. Volume 46. 1-2. P. 123-133.

24. Simmons H. A. (2004). The British & Colonial Press//English Literature in Transition, 1880-1920. Volume 47. 3. P. 335-339.

25. Takutoshi I. (2008). Japanese Students in England and the Meiji Government's. Foreign Employees (Oyatoi): The People Who Supported Modernisation in the Bakumatsu-Early Meiji Period//Discussion paper series. 40.

26. The Illustrated London News, 07 May 1853.

27. The Illustrated London News, 4 June 1853.

28. The Illustrated London News, 10 September 1853.

29. The Illustrated London News, 8 April 1854.

30. The Illustrated London News, 27 May 1854.

31. The Illustrated London News, 16 September 1854.

32. The Illustrated London News, 4 February 1854.

33. The Illustrated London News, 11 February 1854.

34. Tishhenko V.N. (2016). Istorija stanovlenija delovoj pressy Velikobritanii i SShA [The history of the formation of the business press in Great Britain and the United States]//Vestnik RGGU. Serija «Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija». 4. S. 77-85.

35. Tolstoguzov S.A. (2019). Posol'stvo v Ameriku 1860g. i problema obmennykh kursov [The Embassy to America in 1860 and the problem of exchange rates]//Japonskie issledovanija. 1. S. 20-38.

36. Williams L. (2017). «Like the ladies of Europe»? Female emancipation and the «scale of civilization» in women's writing on Japan, 1840–188//Studies in travel writing. 21. P. 1-16.

Об авторе

Мальчикова Светлана Петровна – аспирант, Смоленский государственный университет (Россия), E-mail: malchikovasp@yandex.ru

Malchikova Svetlana Petrovna – Postgraduate student, Smolensk State University (Russia), E-mail: malchikovasp@yandex.ru

УДК 94(73)"1873/1919"

Прилуцкий В.В., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

АМЕРИКАНО-МЕКСИКАНСКИЕ ПОГРАНИЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ В 1870–1910-Е ГОДЫ

В статье анализируются пограничные конфликты между Мексикой и США на рубеже XIX и XX вв. Американско-мексиканские отношения являлись важным фактором развития региональной подсистемы международных отношений в Западном полушарии. Исторически между Мексикой и США установились сложные отношения. Наблюдалась как фаза острой конфронтации (почти весь XIX в. и начало XX в.), так и периоды добрососедства, относительно хороших, дружественных, стабильных взаимоотношений и конструктивного сотрудничества. Мексика в конце XIX – начале XX вв. являлась второстепенным периферийным государством, которое носило в основном аграрный характер. В отношениях с Соединенными Штатами в это время она оставалась скорее не субъектом, а объектом воздействия. Крайние американские экспансионисты предлагали еще в середине XIX в. захватить всю Мексику. В ответ на агрессивные устремления Америки мексиканские радикалы выдвинули свои территориальные притязания к соседней стране. Они надеялись вернуть утраченный в ходе войн 1835-1848 гг. огромный северный регион, включавший Верхнюю Калифорнию, Новую Мексику, Юту, Аризону и Техас (носивший название «Новые Филиппины» в эпоху испанской колонизации). Можно выделить два этапа конфронтации между двумя странами: 1870–1890-е гг. и 1910–1920-е гг. Наиболее серьезные обострения на границе произошли в 1876, 1877, 1891-1893, 1896, 1906 и 1910-1919 гг. В региональном вооруженном конфликте принимали участие как правительственные войска, так и иррегулярные (ополченцы, партизаны, повстанцы) формирования. В итоге произошла стабилизация обстановки почти на целое столетие.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США, история американско-мексиканских отношений, американские интервенции в Мексику, конфронтация на границе США и Мексики в 1873-1896 гг., Пограничная война 1910-1919 гг.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-139-147

Конфронтация на границе между Соединенными Штатами и Мексикой началась почти сразу же после окончания Американско-мексиканской войны 1846-1848 гг. Отряды американских авантюристов осуществили ряд флибустьерских атак против Мексики в 1850–1860-е гг., но не добились успеха. Флибустьеры пытались отделить от соседней страны Сонору и Нижнюю Калифорнию, провозгласив их независимыми республиками. Их вооруженные отряды ежегодно

переходили границу и временно захватывали населенные пункты [8; 9]. В 1860 г. южные экспансионисты планировали масштабное вторжение в Мексику. Они надеялись включить ее территорию вместе с Центральной Америкой, Кубой и другими островами Карибского бассейна в состав рабовладельческой империи, которая должна была образоваться после выхода южных штатов из состава США [7]. Мексиканские иррегулярные вооруженные формирования также вторгались на

территорию США в 1859-1861 гг.

Десятки тысяч мексиканцев ежегодно переселялись в поисках лучших условий жизни в Америку. Они были заняты в сельском хозяйстве и работали на горнодобывающих предприятиях юго-западных штатов. Но наблюдалось также переселение американцев в соседнюю страну. Тысячи южан-конфедератов после поражения в Гражданской войне 1861-1865 гг. бежали в Мексику и попытались там заняться фермерством. В конце 1880-х гг. американские колонисты, принадлежавшие к Церкви Иисуса Христа Святых последних дней (мормоны) с разрешения властей поселились в Северной Мексике. Они основали процветающие земледельческие колонии, насчитывавшие несколько тысяч поселенцев. Фермеры-мормоны способствовали развитию пустынного и малонаселенного края. В 1910-е гг. мормонские колонии сильно пострадали из-за революционных потрясений в Мексике, а некоторые из них были сожжены и разрушены повстанцами и бандитами. Тысячи мормонов стали беженцами в США и только четверть из них вернулась на прежнее место жительства после завершения Мексиканской революции 1910-1917 гг.

Большинство мексиканцев являлись безземельными крестьянами, которые оказались в той или иной форме кабальной зависимости (пеонаж и т.п.) от крупных землевладельцев (аристократии). В конце XIX – начале XX вв. в стране при помощи иностранного капитала началось создание промышленности, развивались добыча полезных ископаемых и строительство железных дорог. В приграничном штате

Сонора американские горнорудные компании добывали медь. В соседних Чиуауа и Коауиле инвесторы из США контролировали железнодорожное строительство, производство хлопка, выращивание и переработку сельскохозяйственных культур и скота. Переживавший экономический бум север Мексики, тесно связанный с Соединенными Штатами, стал колыбелью революционного движения в стране. Несмотря на давление соседней великой державы, Мексика стремилась проводить независимую внешнюю и внутреннюю политику.

После Гражданской войны между Севером и Югом правящие круги США организовывали интервенции в соседнюю страну, борясь с контрабандой и бандитизмом на границе. Часть американской элиты надеялась в случае возникновения революционных волнений в Мексике отделить север страны, провозгласить марионеточную республику и присоединить регион. Техас служил базой для организации мятежей в Мексике. США снабжали повстанцев деньгами, оружием и боеприпасами. Конфронтация на американо-мексиканской границе приобрела особенно интенсивный характер в 1873-1896 гг.

В 1870-е гг. правительство США требовало от Мексики предоставления своей армии права преследования контрабандистов и бандитов разных национальностей, которые угоняли скот, принадлежавший американским фермерам, на мексиканскую территорию. Американцы обвиняли командующего мексиканскими пограничниками в покровительстве контрабанды через границу и настаивали на его отставке.

Соединенные Штаты требовали «наведения порядка» на границе, но их скрытой целью было поддержание состояния слабости и упадка Мексики. Часть американской элиты надеялась в случае возникновения революционных волнений Мексике отделить север страны, провозгласить марионеточную республику. Экспансионисты стремились присоединить регион, как это уже имело место в 1810 г. в случае с Западной Флоридой, а в 1845-1846 гг. – с Техасом и Калифорнией. Техас служил базой для организации мятежей в Мексике [4, с. 120, 126-127, 133-135, 287, 335, 358]. Половину из перешедшего границу с Мексикой весной 1876 г. отряда Порфирио Диаса составляли американские граждане. Диас захватил власть в Мехико и продержался во главе государства до 1911 г. (его 35-летняя диктатура получила название «Порфириат») [4, с. 49-52]. В 1877 г. едва не произошло прямое вооруженное столкновение на границе между Мексикой и США. Обе стороны перебросили большие армейские контингенты, но военная тревога оказалась ложной. В итоге был выработан негласный порядок действий: американские войска переходили границу, преследуя контрабандистов, только в случае, если рядом не было мексиканских солдат. Мексиканцы, в свою очередь, всячески старались предотвратить столкновение [4, с. 59-60].

В 1891-1893 гг. журналист и политический деятель Катарина Гарса (Гарза) (1859-1895) попытался организовать повстанческое движение в приграничье Техаса и мексиканского штата Коауила. Отряды партизан-гарсистов, состоявшие из мексиканцев и

американских граждан-техано, насчитывали не более 200 чел. В подавлении мятежа участвовали американские кавалерийские, пехотные части, индейские разведчики-скауты («черные семинолы») и мексиканские правительственные войска. В ходе боевых действий в долине р. Рио-Гранде погибли около 20 чел. (преимущественно мексиканские солдаты). Гарса, ставший народным героем, вынужден был бежать в Центральную Америку. Он участвовал в революционном движении в Колумбии и вскоре был убит во время восстания на территории современной Панамы.

В 1900 г. возникло революционное мексиканское движение магонистов, которые именовали себя «Либеральной партией», но в действительности в идейном отношении во многом являлись анархистами (анархо-коммунистами). Движение опиралось на сеть тайных организаций в Мексике, но его руководящие органы находились в эмиграции – в Калифорнии, Аризоне, Миссури и Техасе. Вскоре в Мексике возникло крестьянское повстанческое движение. В стране были созданы 44 партизанских отряда, насчитывавших 2,2 тыс. чел. В 1906-1912 гг. магонисты организовали несколько восстаний против диктатуры Порфирио Диаса и режима президента Франсиско Мадеро, установив на короткое время контроль над штатом Нижняя Калифорния и некоторыми другими пограничными территориями в Коауила и Чиуауа. Вооруженные группы магонистов, несмотря на противодействие американских властей, переходили границу США с Мексикой. Некоторые из них были разоружены

пограничниками. Отряд американских рейнджеров (около 300 чел.) под видом мексиканских добровольцев участвовал в подавлении забастовки на медных рудниках, переросшей в вооруженное восстание, в пограничном штате Сонора в июне 1906 г. В ее ходе погибли 4 американца из персонала и охраны предприятий. Под давлением США в 1907 г. правительство Мексики предоставило ему в аренду на 3 года бухту Магдалена для угольной стоянки флота. Этот договор вызвал возмущение всех слоев мексиканского общества [4, с. 94-108].

США и Мексика вынуждены были периодически сосредотачивать на отдельных участках границы или постоянно содержать в приграничных укрепленных пунктах (фортах) относительно крупные армейские силы для противодействия враждебным индейским племенам. Апачские войны, начавшиеся еще в середине XIX в., продолжались вплоть до 1886 г. Воинственные индейцы нападали на граждан США и Мексики по обе стороны границы. Против апачей приходилось организовывать полноценные военные операции и экспедиции по их поимке в труднодоступных пустынных и горных районах. Стычки с представителями отдельных групп племени происходили до 1906 г. Войны с индейским народом яки, продолжавшиеся почти 400 лет, также оказали влияние на ситуацию на американо-мексиканской границе. Яки населяли пограничный регион – пустыню Сонора (север мексиканского штата Сонора и юго-восток американской Аризоны). Земли племени стали объектом колонизации, что привело к возникновению ряда

вооруженных конфликтов с испанцами и мексиканцами. Последние события в этом противостоянии имели место в 1865-1868 гг., 1875-1887 гг., 1896-1902 гг., 1910-1919 гг., 1926-1929 гг., когда произошли значимые восстания индейцев [10]. В августе 1896 г. отряд яки напал на приграничный мексиканский город Ногалес. В отражении атаки принимали участие американские солдаты и ополченцы из Аризоны [6]. В конце XIX – начале XX вв. значительное количество индейцев яки мигрировало из Мексики в Аризону и Техас.

Мексиканская революция 1910-1917/1920 гг. и вызванный ей политический хаос способствовали дестабилизации ситуации на границе. В стране боролись между собой не менее 13 фракций: каррансисты, конституционалисты, конвенционалисты, федералы, фелицисты, хуаристы, мадеристы, магонисты, седионисты, сторонники Ороско (колорадос), порфириоисты, рейесисты, вильисты, сапатисты. Этим обстоятельством воспользовались Соединенные Штаты, активно вмешиваясь в мексиканские события, поставляя оружие противоборствующим сторонам, организуя вооруженные вторжения. Внешнеполитический курс президентской администрации Вудро Вильсона (1913-1921 гг.) представлял собой сложное сочетание «идеализма» и «реализма», должен был опираться на мораль, а не на материальные интересы, поэтому получил название «морально-миссионерская дипломатия». Первостепенное значение во внешней политике для Вильсона имело латиноамериканское направление. США устанавливали дружественные отношения с теми странами Латинской Америки, которые

признавали иностранные долги, сохраняли завоеванные американцами экономические позиции, готовы были устанавливать у себя либерально-демократические режимы и поддерживать демократические ценности на своей территории. Истинной целью США было, однако, не стремление к демократизации Латинской Америки, а установление экономического и политического контроля над регионом [5, с. 76-78].

Соединенные Штаты поддержали отставку мексиканского диктатора Порфирио Диаса в 1911 г., способствовали приходу к власти в Мексике «демократических» президентов – либерала Франсиско Мадеро в 1911 г., консервативного генерала Викторiano Уэрты в 1913 г., конституционалиста Венустиано Каррансы в 1914 г., генерала Альваро Обрегона в 1920 г. Но в ходе Мексиканской революции в условиях патриотического подъема наблюдался рост антиамериканских настроений, были введены налоги на добычу нефти и поставлена под угрозу собственность американских инвесторов (монополий) в стране [3, с. 105-250]. Соединенные Штаты ответили интервенциями. 21 апреля 1914 г. американские войска высадились в порте Веракрус в центральной части страны и удерживали его в течение 7 месяцев. В боях при захвате города американцы потеряли убитыми 17 чел., мексиканцы – 120 чел. Рост напряженности на границе, набеги на американскую территорию мексиканцев - восставших крестьян и криминальных элементов, сопровождавшиеся угоном крупного рогатого скота, привели к Приграничной войне 1910-1919 гг.

Составной частью Пограничной

войны начала XX в. стали «бандитские войны» 1915-1919 гг. в Техасе – серия налетов мексиканских повстанцев (Seditionistas) на сопредельные районы США. В начале 1915 г. мексиканские радикалы разработали и приняли «план Сан-Диего», предусматривавший отвоевание у США их юго-западных штатов, принадлежавших до середины XIX в. Мексике. Они планировали истребление значительной части белых англо-американцев. В ходе «реконкисты» повстанцы должны были при поддержке местных индейцев и афроамериканцев «освободить» Техас, Нью-Мексико, Аризону, Калифорнию и Колорадо. Всего были осуществлены в долине реки Рио-Гранде около 30 рейдов, в ходе которых погибли не менее 50 американских граждан и было уничтожено большое количество материальных ценностей. Мексиканские «банды» обстреливали поезда, уничтожали телеграфные линии, убивали и ранили чиновников и солдат. В роли рейдеров выступали вильисты, каррансисты и некоторые другие группы мексиканских революционеров и бандитов, действовавших отрядами по 25-100 чел. Повстанцам противостояли части армии США, тexasские рейнджеры и местные отряды самообороны («комитеты бдительности»). Они уничтожили в 1915-1916 г. в боях и в результате самосуда более 300 повстанцев и тexasских американцев мексиканского происхождения.

Пик насилия на границе пришелся на 1915-1916 гг. В августе и октябре 1915 г. мексиканцы напали на тexasский город Браунсвилл, пустив под откос поезд. 9 января 1916 г. отряд вильистов захватил в Северной Мексике поезд и

расстрелял 17 американскими рабочими и инженерами горнорудной компании. Наиболее крупными акциями мексиканских партизан на территории США являлись атака на Охо-да-Агуа в Техасе 21 октября 1915 г., в ходе которой погибли 4 и были ранены 8 американских солдат, и нападение на Колумбус в Нью-Мексико 9 марта 1916 г. Командир повстанческой «Северной дивизии» Панчо Вилья (1878-1923) атаковал небольшой американский городок Колумбус, убив около 20 гражданских и военных. В ответ Америка осуществила интервенцию в северные районы Мексики, вошедшую в историю как «карательная экспедиция с целью поимки Вильи». Военная операция началась 14 марта 1916 г. и закончилась 7 февраля 1917 г. В ней приняли участие 3 бригады пехоты и кавалерии (8-10 тыс. чел.), а также авиация (8 аэропланов). Корпусом, осуществлявшим вторжение, командовал знаменитый американский генерал Джон Першинг (1860-1948). Произошло несколько стычек с вильистами и правительственными войсками (карранситами), в ходе которых американцы потеряли убитыми и пропавшими без вести 68 чел., пленными – 24 чел., ранеными – 67 чел. Мексиканцы потеряли убитыми, ранеными и пленными более 400 чел. Местное население и мексиканские власти были крайне негативно настроены по отношению к интервентам, поэтому менее чем через год экспедиционные силы были выведены, так и не достигнув главной цели. Последнее вооруженное столкновение Пограничной войны имело место 15 июня 1919 г. в г. Сьюдад-Хуарес на мексиканской стороне. Войска США потеряли убитыми 2 чел., ранеными – 10 чел. Потери

убитыми и ранеными среди повстанцев из отрядов Вильи составили более 100 чел. [4, с. 369-379, 388, 420-421].

В июне 1919 г. произошло последнее вмешательство США в дела Мексики в рассматриваемый исторический период. Американское военное соединение численностью более 3,5 тыс. чел. было направлено через границу для помощи мексиканским властям. Пехотные, кавалерийские и артиллерийские части атаковали крестьянские отряды и заставили партизан отступить в горы. Но лишь в 1920 г. главные силы повстанцев Вильи были разбиты в штате Чиуауа правительственными войсками Мексики, что означало завершение наиболее активной фазы революционного движения и партизанской войны в стране [1, с. 302].

В 1919-1920 гг. в Соединенных Штатах развернулось интервенционистское движение. Оно было связано с осуществлением мексиканским правительством курса на конфискацию собственности иностранцев (владевших 20% земли) и иностранных добывающих компаний (американские нефтяные компании контролировали около 70% мексиканской нефти). В 1917-1926 гг. Мексикой был принят ряд законов, нацеленных на изъятие собственности американцев. Конфронтация могла привести к вооруженному столкновению между двумя соседними государствами. Ситуация стабилизировалась только к 1928 г. [2, с. 62-69]. Спорные вопросы были урегулированы, и на некоторое время установились дружественные отношения между США и Мексикой.

Таким образом, в период пограничной конфронтации с Мексикой на

рубеже XIX и XX вв. США декларировали в качестве главной задачи борьбу с контрабандой и бандитизмом. Но их тайными целями были: дальнейшее ослабление Мексики, поддержка ее деградации и превращение в протекторат. Рассматривались и учитывались во внешней политике также возможности для оккупации и аннексии некоторых территорий. Правительство Мексики, в свою очередь, пыталось сохранить суверенитет и, несмотря на существующие серьезные внутренние проблемы, проводить независимый внешнеполитический курс. Мексиканские радикалы надеялись отвоевать у США юго-западные штаты, принадлежавшие Мексике до середины XIX в., опираясь на местное мексиканское, индейское и афроамериканское население. Они организовали десятки рейдов на

пограничные территории, наиболее значимым из которых являлось нападение на г. Колумбус в 1916 г. Наибольшие потери американская армия понесла в ходе интервенции на север Мексики в 1916-1917 гг. Ухудшение отношений между Соединенными Штатами и Мексикой началось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. в связи с усилением нелегальной иммиграции и контрабандой наркотиков. В 1993-2009 гг. в несколько этапов возводился заградительный барьер между двумя странами, но впоследствии он частично пришел в негодность. Современное обострение американо-мексиканских отношений связано со стремлением президента США Дональда Трампа в 2017-2020 гг. возвести новую разделительную стену на границе.

Список литературы

1. Альперович М.С., Руденко Б.Т. Мексиканская революция 1910-1917 гг. и политика США. М.: Соцэкгиз, 1958. 336 с.
2. Зубок Л. Из истории американо-мексиканских отношений в 1920-1939 годах // Вопросы истории. 1946. № 10. С. 61-80.
3. Лавров Н.М. Мексиканская революция 1910-1917 гг. М.: Наука, 1972. 290 с.
4. Платошкин Н.Н. История Мексиканской революции: в 3 тт. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. Т. 1: Истоки и победа 1810–1917 гг. 432 с.
5. Согрин В.В. Рождение американской империи: 1898–1918. Причины, цели, методы // Новая и новейшая история. 2013. № 3. С. 61-84.
6. Fort Huachuca: The Traditional Home of the Buffalo Soldier. [Электронный ресурс]. URL: <http://net.lib.byu.edu/~rdh7/wwi/comment/huachuca/HI1-01.htm> (дата обращения: 22.07.2021).
7. Keehn D.C. Knights of the Golden Circle: Secret Empire, Southern Secession, Civil War. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press, 2013. 308 p.
8. Mexican Filibuster Movement (1848-1857). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.latinamericanstudies.org/mexican-filibusters.htm> (дата обращения: 20.07.2021).
9. Rippey J.F. Anglo-American Filibusters and the Gadsden Treaty // Hispanic American Historical Review. 1922. May. Vol. 5. № 2. P. 155-180.
10. Yaqui War Near End: Final Chapter of Century of Strife May Be Written With

Chief's Surrender // Lawrence Daily Journal - World. 1927. September 30. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.google.com/newspapers?nid=H3xT48m3F74C&dat=19270930&printsec=frontpage&hl=en> (дата обращения: 25.07.2021).

AMERICAN-MEXICAN BORDER CONFLICTS IN THE 1870–1910S

The article analyzes the border conflicts between Mexico and the United States at the turn of the XIXth and XXth centuries. American-Mexican relations were an important factor in the development of the regional subsystem of international relations in the Western Hemisphere. Historically, Mexico and the United States have had a complicated relationship. Mexico in the late XIXth – early XXth centuries was a secondary peripheral state, which was mainly agrarian in nature. There were both phases of acute confrontation (almost the entire XIXth century and the beginning of the XXth century), as well as periods of good neighborliness, relatively good, friendly, stable relationships and constructive cooperation. In relations with the United States at that time, it remained rather not a subject, but an object of influence. The extreme American expansionists proposed in the middle of the XIXth century to capture all of Mexico. In response to the aggressive aspirations of America, the Mexican radicals put forward their territorial claims to the neighboring country. They hoped to regain the vast northern region, that was lost during the wars of 1835-1848, which included Upper California, New Mexico, Utah, Arizona and Texas (which was called the "New Philippines" during the era of Spanish colonization). There are two stages of confrontation between the two countries: the 1870s – 1890s and the 1910s – 1920s. The most serious exacerbations on the border occurred in 1876, 1877, 1891-1893, 1896, 1906 and 1910-1919. Both government troops and irregular (militias, partisans, rebels) formations took part in the regional armed conflict. As a result, the situation stabilized for almost a century.

Keywords: international relations, U.S. foreign policy, the history of U.S. – Mexican relations, American interventions in Mexico, the confrontation on the U.S. – Mexico border in 1873-1896, the Border War of 1910-1919.

References

1. Al'perovich, M.S., Rudenko, B.T. (1958). *Meksikanskaya revolyuciya 1910-1917 gg. i politika SShA* [The Mexican Revolution of 1910-1917 and US politics]. M.: Socekgiz. 336 s.
2. Zubok, L. (1946). *Iz istorii amerikano-meksikanskih otnoshenij v 1920-1939 godah* [From the history of American-Mexican relations in 1920-1939] // *Voprosy istorii* [Questions of history]. № 10. S. 61-80.
3. Lavrov, N.M. (1972). *Meksikanskaya revolyuciya 1910-1917 gg.* [The Mexican Revolution of 1910-1917]. M.: Nauka. 290 s.
4. Platoshkin, N.N. (2011). *Istoriya Meksikanskoj revolyucii: v 3 tt.* [The History of the Mexican Revolution: in 3 volumes]. M.: Un-t Dmitriya Pozharskogo. T. 1: *Istoki i pobeda 1910–1917 gg.* [Vol. 1. The origins and the victory of 1810-1917]. 432 s.
5. Sogrin, V.V. (2013). *Rozhdenie amerikanskoj imperii: 1898–1918. Prichiny, celi, metody* [The Birth of the American Empire: 1898-1918. Reasons, goals, methods] // *Novaya i novejschaya istoriya* [New and recent history]. № 3. S. 61-84.
6. Fort Huachuca: The Traditional Home of the Buffalo Soldier. Retrieved 22 July, 2021 from <http://net.lib.byu.edu/~rdh7/wwi/comment/huachuca/HI1-01.htm>.
7. Keehn, D.C. (2013). *Knights of the Golden Circle: Secret Empire, Southern*

Secession, Civil War. Baton Rouge: Louisiana State Univ. Press. 308 p.

8. Mexican Filibuster Movement (1848-1857). Retrieved 20 July, 2021 from <https://www.latinamericanstudies.org/mexican-filibusters.htm>.

9. Rippey, J.F. (1922). Anglo-American Filibusters and the Gadsden Treaty // Hispanic American Historical Review. May. Vol. 5. № 2. P. 155-180.

10. Yaqui War Near End: Final Chapter of Century of Strife May Be Written With Chief's Surrender // Lawrence Daily Journal-World. 1927. September 30. Retrieved 25 July, 2021 from <https://news.google.com/newspapers?nid=H3xT48m3F74C&dat=19270930&printsec=frontpage&hl=en>.

Об авторе

Прилуцкий Виталий Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского (Россия), E-mail: vitaliypr@yandex.ru

Prilutskiy Vitaliy Viktorovich – Dr. Sci. (Hist.), Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky (Russia), Email: vitaliypr@yandex.ru

УДК 351.745

Пронкин С.В., доктор исторических наук, доцент Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Россия)

ПОЛИЦИЯ БОЛЬШОГО ЛОНДОНА: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Статья посвящена взаимодействию полиции и выборных органов агломерации Большой Лондон - его Администрации и муниципальных районов (боро) - в обеспечении правопорядка. Затрагиваются как история вопроса, так и его современное состояние. Зарубежный опыт взаимодействия властей в деле поддержания общественной безопасности представляет интерес для Российской Федерации, которая продолжает поиск эффективных форм регионального и муниципального управления, его места в осуществлении общегосударственных функций. Опыт Соединённого Королевства представляет в этом отношении особый интерес, т.к. в этой стране муниципальное и региональное (само)управление исторически получило значительное развитие. В качестве источников информации в статье используются преимущественно политико-правовые документы. Автор приходит к выводу, что исторически муниципалитеты и местные общественные силы играли решающую роль в обеспечении общественной безопасности. Это было типично для «малого государства» с небольшим бюрократическим аппаратом. Затем эту роль стали играть правительственные органы. Перелом в организации полиции был связан с переходом от традиционного, сельского общества к современному, урбанизированному. Это потребовало создания профессиональной, централизованно управляемой полиции. Реформа растянулась на несколько десятилетий. Её важный этап – деятельность министра внутренних дел Р. Пиля. В настоящее время предпринимаются попытки поручить выборным региональным и муниципальным властям новую миссию в обеспечении общественной безопасности – осуществление демократического контроля над деятельностью полиции. В Лондоне этот контроль осуществляют мэр и городской совет – Ассамблея. Муниципальные районы (боро) координируют деятельности публичных служб, общественных, некоммерческих организаций, бизнеса, отдельных граждан в обеспечении безопасности на своей территории.

Ключевые слова: Большой Лондон, Администрация Большого Лондона, боро Лондона, муниципальные районы Лондона, общественная безопасность, антиобщественное поведение, Администрация столичной полиции, Metropolitan Police Authority, МРА, Столичный полицейский округ, Metropolitan Police District, MPD, Служба столичной полиции, Metropolitan Police Service, MPS, Met.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-148-160

До середины XIX в. в Англии не существовала развитая система профессиональных полицейских сил. В англо-саксонский период поддержание правопорядка возлагалось преимущественно на местных жителей, их территориальные объединения - сельские

и городские общины. В случае обнаружения преступления, следовало подать сигнал, хотя бы криком (практика «шум и крик», «hue and cry»), а местные жители обязаны были заняться обнаружением и задержанием преступника (позже принято было кричать

«держи вора!» (Stop thief!) или «убийство!» (Murder!) [12]. Кроме того, взрослые мужчины были разбиты на десятки и связаны круговой поручкой. Если один из них совершал правонарушение, остальные должны были задерживать его и доставить в суд. Короля в графстве представлял шериф, роль которого возросла в норманнский период. Его полномочия как служителя короны были велики, касались широкого круга проблем государственного управления, в первую очередь - «поддержания мира», обеспечения правопорядка. Шериф начинал действовать, если община не справлялась со своими задачами. Свои функции он исполнял бесплатно в порядке феодальной повинности перед короной. В его распоряжении была вооружённая стража, которую он содержал за свой счёт, но шериф мог мобилизовать и местных жителей. После 1190 г. в Англии стали назначаться коронеры, которые расследовали случаи насильственных или подозрительных смертей. После 1250 г. в поселениях появились констебли, которые должны были наблюдать за правопорядком. Они назначались из уважаемых местных жителей и, как шерифы, которым были подчинены, исполняли свои функции безвозмездно. Обычно констеблями были местные торговцы или фермеры. Другие представители местных сообществ были обязаны помогать им. Это означало, что общины продолжали сами обеспечивать порядок на своей территории. И шерифы, и констебли обычно назначались на один год, но их полномочия могли продляться.

По мере упадка феодальной си-

стемы возросло значение низших территориальных единиц – церковных приходов, которые приобрели административные права, включая полицейские, стали т.н. административными приходами. Подобная эволюция приходов объяснялась тем, что церковь была фактически единственным местом, где собирались все местные жители, независимо от их социального статуса. После церковной службы они могли остаться и рассмотреть местные дела, не связанные с религией.

Однако приходы, их констебли, могли разрешать своей властью только мелкие правонарушения. Над ними стояли первоначально шерифами, затем - появившиеся мировые судьи (Justice of the peace). Как и шерифы, они назначались правительством из местных помещиков и богатых горожан, исполняли свои функции бесплатно. По существу, они превратились в главных администраторов графств, но поддержание правопорядка являлось их основной функцией. В графстве в среднем было около 20 мировых судей, которые мелкие вопросы могли решать единолично, а более сложные дела рассматривали коллегиально, съезжаясь четыре раза в год на т.н. квартальные сессии.

Что касается немногочисленных в то время городов, то за порядком здесь также обязаны были следить сами горожане через институты местных мировых судей, констеблей, смотрителей (watchmen), которые, как и вышеназванные администраторы и правоохранители, исполняли свои обязанности бесплатно, в порядке государственной повинности. Главной обязанностью смотрителей было патрулирование

улиц ночью, поэтому они снабжались не только оружием и колокольчиком, но также факелом или фонарём. С 1485 по 1820-е гг. именно приходские стражники отвечали за поддержание порядка на улицах Лондона.

Ситуацию попытались изменить в 1663 г., когда король Карл II создал в Лондоне оплачиваемый отряд конной стражи, который в его честь получил неофициальное название «чарли». Хотя их эффективность и престиж не были велики, это был шаг в верном направлении – к созданию профессиональной, оплачиваемой полиции. Но позже отряд был распущен.

Итак, главными чертами полицейской службы в Англии до XVIII в. были:

-Отсутствие профессиональных, оплачиваемых полицейских служащих.

-Возложение правоохранительных функций на местное население в порядке несения им государственных повинностей.

-Замещение ключевых постов (шерифы, мировые судьи, констебли), представителями местных имущих слоёв, преимущественно аграриев, что отражало экономическое и политическое господство - «land interests».

-Смещение в местном управлении полицейских и прочих административных функций.

Данные особенности были характерными для всей средневековой Европы с её «малым государством», но в Англии они были особенно заметными. Медленное развитие профессиональной полиции в королевстве было, между прочим, связано с опасением влиятельных социальных групп роста правительственного авторитаризма,

посягательства на их привилегии и «вольности». Они закономерно опасались также роста налогов, необходимых для содержания полиции. Данное положение дел следует рассматривать в контексте своеобразия исторического развития Соединённого Королевства как островного государства, которое исторически не нуждалось в мощной государственной бюрократии и могло позволить себе длительное сохранение институтов самоуправления, которые, правда, могли принимать форму несения государственных повинностей, сочетаться с ними.

Но в начале XVIII в. необходимость реформирования полиции, которая продолжала строиться на широком использовании малоэффективных непрофессиональных лиц, осуществлявших свои функции бесплатно, стала очевидной. Не были эффективными и существовавшие профессиональные «охотники за ворами» (thief-taker), которые ловили преступников по заказу их жертв за вознаграждение. Они часто вступали в сговор с преступниками, превращались в торговцев краденным. Необходимость реформы была особенно актуальна для Лондона, который быстро рос, обзаводился трущобами, привлекал криминальные элементы со всей страны. На улицах Лондона, как и по всей стране, действовали вооружённые грабители (highwayman). В 1749 г. в Гайд-Парке был ограблен и чуть не получил пулю в голову Г. Уолпол - известный писатель и сын премьер-министра Р. Уолпола. Отталкиваясь от собственного опыта, он писал, что в то время, даже в полдень, приходилось путешествовать вооружённым, будто готовишься к

бою. Позже, в 1774 г. на окраине Лондона был ограблен разбойниками сам премьер-министр лорд Ф. Норт.

В это время происходит смена образа жизни, что повлияло на практику обеспечения общественной безопасности. В прошлом люди жили локальными сообществами, где они хорошо знали друг друга, с подозрением и вниманием относились к чужакам. На смену этому миру приходил урбанизированный, когда на небольшом пространстве были собраны толпы малосвязанных между собой людей.

Подобное положение дел не могло не влиять на состояние полиции, на повышение требований к ней. В 1705 г. закон потребовал, чтобы стражниками были только сильные и здоровые мужчины, т.е. ими не могли становиться домовладельцы в порядке очерёдности. Закон 1737 г. разрешил заменять личную службу платой, которая позволяла приходам содержать наёмных стражников.

Крупный шаг в становлении профессиональной полиции в Лондоне связан с деятельностью братьев Генриха и Джона Филдингов. Генрих был известным писателем, но одновременно они с братом занимали крупные судейские посты. Ими был создан отряд профессиональных борцов с преступностью, получивший название по улице, где находилась их штаб-квартира - «ищейки с Боу-стрит» (Bow Street Runners). Удалось получить правительственный грант на содержание отряда, «ищейки» также получали вознаграждение за поимку преступников, за которых была объявлена награда. Первоначально их численность была невелика (6 человек), но она росла.

Система «Боу-стрит» постепенно распространилась на весь столичный регион. К 1800 г. численность «ищеек» выросла до 68 человек. В 1798 г. была создана Полиция реки Темза. Главным деятелем в её создании был П. Колхун (Colquhoun). Первоначально её финансировала Вест-Индская компания, страдавшая от хищений в порту Лондона, затем содержание речной полиции приняло на себя правительство. В 1805 г. был создан конный патруль из 54 человек, получивших из-за своей формы прозвище «красногрудых». Подобная эволюция вела к тому, что ответственность за правопорядок в столице, как и в королевстве в целом, переходила из рук административных приходов и других местных сил в руки правительства.

Опираясь на этот опыт, коренное преобразование полиции произвёл в 1829 г. Роберт Пиль, занимавший в то время пост министра внутренних дел. Согласно *Metropolitan Police Act*, [7] в столичном регионе была создана профессиональная, постоянно действующая полиция современного типа, которая (в честь своего создателя) неофициально называлась «бобби». Против её создания выдвигались традиционные возражения, но потребности в профессиональной полиции была слишком очевидной. Дополнительным аргументом в её пользу стали социальные волнения, вызванные промышленной революцией, пролетаризацией населения. Первоначально полномочия столичной полиции были ограничены территорией в радиусе семи миль от центра Лондона (площадь Чаринг-Кросс). Её главный офис находился на

Уайтхолл-плейс, но имелся дополнительный вход со стороны Скотланд-Ярда, в честь которого служба и получила своё название. В 1839 г. *Закон о столичной полиции (Metropolitan Police Act, 1839)* [8] расширил сферу её действия до 15 миль от центра Лондона. Он также прекратил действие других полицейских сил («ищеек Боу-Стрит», Полиции Темзы и прочих).

Во главе Столичного полицейского округа (Metropolitan Police District, MPD) встал комиссар (комиссионер). Он назначался монархом по рекомендации министра внутренних дел, в его распоряжении находилась Служба столичной полиции (Metropolitan Police Service, MPS или Met), неофициально именуемая также Скотланд-Ярдом. Знаменитое лондонское Сити не было включено в систему MPD-MPS, имело (и продолжает иметь) собственную полицейскую службу. По столичному образцу полиции была преобразована повсеместно. Численность Met к 1882 г. достигла 11,700 человек.

В 1900 г. в Великобритании насчитывался 181 профессиональный полицейский отряд. Но многие из них были небольшими, со своей собственной структурой и методами работы, без должных контактов между собой. Поэтому в течение XX в. преобразование полицейских сил было направлено на преодоление данных недостатков – их объединение, укрупнение, унификацию, профессиональное обучение и координацию деятельности.

Каково в настоящее время состояние столичной системы общественной безопасности и роль в ней выборных органов?

Наряду с традиционными муниципальными районами (боро), здесь действует восстановленная в 2000 г. общегородская власть - Администрация Большого Лондона (GLA), которая состоит из мэра и совета (Ассамблеи). Считается, что сложившаяся двухуровневая система имеет сильный муниципальный уровень (bottom-heavy two tier system) [15, 37]. Однако общегородские власти имеют преобладающее влияние на «чрезвычайные службы»: полицию, гражданскую оборону, предотвращение чрезвычайных ситуаций и подобные. Считается, что на региональном уровне данные службы осуществляются более эффективно, чем на местном. Поэтому этих сферах они имеют меньше прав, чем другие английские местные власти этого уровня (лондонские муниципалитеты-боро считаются отдельным видом местных властей). Но это не означает, что роль лондонские боро в решении данных вопросов ничтожна.

Так, деятельность столичных муниципальных районов в правоохранительной сфере активизировалась ещё в середине 80-х гг. XX в. Это было связано с двумя обстоятельствами. Первым стал *Закон о местном управлении (Local Government Act, 1985)*, [6] который ликвидировал ранее существовавший орган управления столичной агломерацией - Совет Большого Лондона. Ст. 48 закона разрешила лондонским боро оказывать финансовую поддержку общественным некоммерческим организациям, в том числе действовавшим в целях поддержания общественной безопасности. Это, с одной стороны, наделяло столичные му-

ниципальные районы соответствующими полномочиями, с другой – делало необходимым их партнёрство с полицией и другими заинтересованными структурами.

Вторым обстоятельством стало обострение проблем преступности, возникновение этнических конфликтов как следствие роста численности населения города и усилившихся миграционных процессов. В апреле 1981 г. в лондонском районе Брикстон (боро Ламберт), населённом преимущественно чернокожими выходцами из Африки и Карибских островов, произошли волнения на расовой почве, вызванные жёсткими действиями полиции в рамках операции по борьбе с уличной преступностью (операция SWAMP 81). Острота проблемы объясняется тем, что в Лондоне проживает около 60% чернокожего населения Соединённого Королевства.

Оценка событий была дана в докладе расследовавшей эти события комиссии под председательством судьи лорда Л. Скармена (Scarman) [1]. В нём констатировалась утрата полицией доверия со стороны населения, особенно этнических диаспор. Для преодоления этого отчуждения предлагалось создать совместные консультативные группы из представителей полиции и местной общественности. Эта рекомендация была принята к руководству. Возникшие «панели» могли носить разные названия, но суммарно они стали известны как полицейско-общественные консультативные группы (Police Community Consultative Groups, PCCGs). Группы были независимыми, во многом волонтерскими,

организациями, главной целью которых являлось установление взаимосвязь между полицией и обществом. Идея была закреплена в 1984 г. в *Закоме о полиции и уголовных доказательствах (Police and Criminal evidence act)* [11]. Закон предложил в каждом полицейском округе создать условия для заявления гражданами своей позиции по вопросам полиции, координации её деятельности с обществом в борьбе с преступностью.

Впрочем, ситуация нормализовалась медленно. В сентябре 1985 г. вновь заволновался Брикстон. Через несколько дней, в октябре, масштабные беспорядки на расовой почве охватили район Broadwater Farm в боро Тоттенхем. Полицейский К. Блейклок впервые с 1833 г. погиб в Лондоне в борьбе с беспорядками. Эти события подтвердили сохранение острых межрасовых отношений, как и наличие этнической преступности.

На опасность подобных преступлений указал опубликованный в 1999 г. доклад комиссии под председательством судьи У. Макферсона (Macpherson) по поводу убийства в 1993 г. чернокожего подростка С. Лоуренса [14]. Доклад Макферсона имел организационные последствия. При полицейских властях, включая столичные боро, стали создаваться группы независимых советников (Independent Advisory Groups, IAGs). Это были невыборные учреждения, в состав которых входили представители различных социальных групп. Они формировались из состава лиц, которые выразили желание участвовать в работе IAGs. Члены групп должны давать полицейским властям советы в случае

«критических», резонансных преступлений. Конкретнее, их целью были: укрепление доверия между правоохранительными властями и обществом; создание форума для обсуждения проблем, представляющих взаимный интерес; придание деятельности полиции большей прозрачности; содействие в реализации её планов; выступление в качестве представителей «дружественной критики» в отношении деятельности полиции. В настоящее время при формировании IAGs учитываются требования *Акта о равенстве (Equality Act, 2010)* [4]. Должны быть учтены следующие социальные категории: возраст, инвалидность, пол, географическая принадлежность, отношение к замкнутым сообществам (например, к цыганам), раса, религия, сексуальная ориентация, социально-экономический статус. Члены группы не рассматриваются как официальные представители данных категорий населения, но как носители собственного опыта.

Вышеназванные резонансные преступления способствовали формированию практики поведения должностных лиц, которая стала именоваться «политической корректностью». Приоритетными для полиции стали борьба с преступлениями на расовой и религиозной почве, домашним и сексуальным насилием, защита прав меньшинств, прозрачность деятельности правоохранительных органов, гендерный, расовый и иной плюрализм их состава, демократический контроль над их деятельностью.

В 1998 г. *Акт о преступлении и беспорядке (Crime and Disorder Act)* [3] потребовал, чтобы местные власти

разрабатывали и реализовывали стратегию противодействия преступности. Для этого они должны были действовать совместно с полицией, социальными службами, местным бизнесом, гражданским обществом, отдельными гражданами. Возникшие, согласно требованиям закона, структуры получили название партнёрства по уменьшению преступлений и беспорядков (CDRPs).

Эта практика постоянно совершенствовалась. Когда в 2000 г. была создана Администрации Большого Лондона, в систему управления столичной полицией были внесены изменения. Оперативное управление ею оставалось в руках MPD – MPS, возглавляемой комиссаром, который, в свою очередь, находился в подчинении у министра внутренних дел. В настоящее время им является Крессида Дик (Dick) – первая женщина на этом посту, которая к тому же открыто принадлежит к ЛГБТ сообществу. В городской же администрации было создано Столичное полицейское управление (The Metropolitan Police Authority, MPA). В его состав вошли назначавшиеся мэром члены из состава городского совета (Ассамблеи). При этом соблюдался политический плюрализм, в состав управления входили представители основных присутствовавших в совете партий. В его состав также включались независимые члены, имеющие опыт административной и правоохранительной деятельности. Управление не занималось повседневным руководством MPS, его задачей был общий демократический контроль над полицией, определение её страте-

гических приоритетов, проверка расходов отпущенных ассигнований.

В 2011 г. *Закон о реформе полиции и социальной ответственности (Police Reform and Social Responsibility Act)* [13] вызвал новые перемены в организации полиции. Главным новшеством было создание института избираемых на четыре года полицейских и криминальных комиссаров, которые осуществляли общий контроль над полицией определённого региона, текущее управление которой было поручено профессиональному полицейскому - главному констеблю. В Лондоне полномочия полицейского и криминального комиссара вручены мэру, который осуществляет их через Офис мэра по вопросам полиции и преступности (MORC), он заменил МРА. В состав MORC входят мэр города, его заместитель по вопросам полиции и преступности (он фактически руководил им), несколько представителей муниципальных советов и начальник полиции - комиссар MPS). MORC является профессиональным и постоянно действующим органом. В задачи Офиса входит определение стратегии деятельности столичной полиции, контроль над её деятельностью, финансами, обеспечение взаимодействия различных властей и общественных организаций в деле поддержания правопорядка в столичной агломерации. В этом городским властям помогает общегородское партнёрство – London Crime Reduction Board (LCRB), возглавляемое мэром. Его главная задача – рационализировать и консолидировать работу возникших ранее партнёрств в правоохранительной сфере. Поэтому в его состав вошли не только

руководители города и его районов, MPS, но и представителей служб здравоохранения, образования, probation, исполнения наказаний и общественных организаций. В последние годы беспокойство столичных властей вызывает молодёжная уличная преступность с использованием холодного оружия. Для борьбы с ней в сентябре 2018 г. было объявлено о создании при мэре города Объединения по уменьшению насилия (Violence Reduction Unit, VRU). Его задача – внедрять новую методику борьбы с ней, успешно опробованную в Шотландии. Эта методика предлагает рассматривать молодёжную преступность как болезнь, которая нуждается в лечении с использованием профилактических мер, раннего вмешательства, участия психологов и психиатров.

Городской совет (Ассамблея) контролирует полицию не только через участие в вышеназванных структурах и партнёрствах, но и посредством своего профильного комитета (Police and Crime Committee). Он наблюдает за работой MORC, ежемесячно приглашает его руководителей для ответов на возникающие вопросы.

Итак, ответственность за поддержанием правопорядка на территории Большого Лондона возложена, с одной стороны, на его Администрацию, с другой, - его полицию (Met), которая контролируется городской администрацией политически, но в административном отношении действует самостоятельно, подчиняясь МВД. Какова же роль столичных муниципалитетов в обеспечения безопасности? Столичная полиция до 2018 г. имела 32

районных управлений (Borough Operational Command Unit, BOCU) привязанных к существовавшим боро, кроме Сити, которое имеет свою особую полицию. Во главе каждого BOCU стоял полицейский офицер, именуемый главным суперинтендантом. Управления отвечали за поддержание правопорядка и расследование преступлений, чем в полиции занимается особая детективная служба – Criminal Investigation Department (CID). Зона ответственности BOCU (территория боро) делилась на квартальные (neighbourhood) полицейские участки, где за правопорядок отвечали группы по обеспечению безопасности (Safer Neighbourhood Teams, SNTs или Neighbourhood policing teams, NPT). Они наиболее приближены к местным жителям [10]. Не руководят, но контролируют их работу и устанавливают для них приоритеты местные муниципалитет (боро). При каждом SNT создаётся «панель», в состав которой входят местные жители, представители общественных организаций, бизнесмены. Эти группы участвуют в определении приоритетов деятельности SNT, в принятии решений о способе реагирования на правонарушения. Наряду с SNT-NPT существуют 32 (привязаны к боро) службы безопасности на транспорте (Safer Transport Teams, STT).

В условиях бюджетных трудностей данная структура показалась слишком сложной и дорогой. Поэтому с марта 2018 г. BOCU стали соединяться в 12 Базовые командные объединения (Basic Command Units, BCU), охватывающих несколько (2-4) муниципальных районов.

В административном отношении

местная полиция не подчинена районным властям. Но последние могут финансировать полицейские программы, в которых заинтересованы. Их влияние на работу полиции также осуществляется через различные партнёрства. Возникшая в 2000 г. Администрация Большого Лондона критически смотрела на деятельность PCCGs. Она видела в группах собрание достаточно случайных людей, которым не хватало профессиональных знаний. Кроме того, отсутствовала связь между ними и возникшим МОРС. Поэтому в 2014 г. PCCGs в Лондоне были преобразованы в новые партнёрства - по уменьшению преступности и беспорядков (Crime and Disorder Reduction Partnerships, CDRPs). Их главная задача состояла в обеспечении сотрудничества местных властей и служб в борьбе с преступностью и антиобщественными поведениями. Поэтому, как этого и требовал принятый в 1998 г. *Crime and Disorder Act*, [3] в партнёрстве, наряду с представителями полиции, городской и местной администрациями, были представлены службы пробации, пожарная, медицинская, образовательная и другие. Работа CDRPs носит деловой характер, должна строиться на основе планов, которые обновляются ежегодно. В отличие от PCCGs, они более закрыты для местных жителей. Последние могут поддерживать контакты с полицией через особые советы для обеспечения местной безопасности (Safer Neighbourhood Boards, SNB), которые создавались в каждом боро. В их состав входят руководители полиции, муниципальные советники, местные бизнесмены, представители раз-

личных социальных групп. Их заседания носят публичный характер, SNBs стали заместителями PCCGs. Советы объединяют полицию и общины в деле определения приоритетов в борьбе с преступностью, совместного участия в этой борьбе, обеспечения сотрудничества в широком круге вопросов, касающихся общественной безопасности.

В обеспечении правопорядка и контроле над полицией представители гражданского общества могут участвовать непосредственно. Первую задачу помогает решать добровольный Соседский дозор (Neighbourhood watch), вторую – группы проверки практики полицейских задержаний (Stop and search monitoring groups).

Лондонские муниципальные районы своей приоритетной задачей считают борьбу с правонарушениями небольшой тяжести, с «антиобщественным поведением». Последнее рассматривается как действия, нарушающие законные права других людей или вызывающие их беспокойство. Примерами антиобщественного поведения считаются:

- раздражающее, хулиганское поведение;
- действие групп молодёжи, создающие проблемы для местных жителей;
- неправильное использование транспортных средств, гонки на них, опасное вождение;
- употребление наркотиков;
- пьянство на улице;
- проституция;
- уличный шум, связанный с работающими двигателями, аудиосистемами, уличными вечеринками и т.д.

В этих случаях муниципальные власти выступают как координаторы

действий различных структур и лиц, заинтересованных в пресечении антиобщественного поведения. Легитимность местных властей объясняется их, в отличие от полиции, выборным характером. С начала 2000-х гг. в практику вошли соглашения об антиобщественным поведением (АВА), впервые принятое в лондонском боро Ислинг. Это письменное соглашение между персонею, её родителями и опекунами (если речь идёт о несовершеннолетнем ребёнке), с одной стороны, и местным советом, полицией, другими заинтересованными структурами, с другой, согласно которому персонею принимает обязательство прекратить действия, которые рассматриваются как антиобщественные. Близкими по смыслу являются такие способы борьбы местных властей с антиобщественным поведением, как предупреждающие письма и беседы, встречи для разрешения конфликтов, приказы по поводу воспитания детей; предписания об уменьшении шума и подобные.

Слабость большинства подобных мер заключается в их неясном юридическом статусе. Юридически обязывающие решения (запреты, injunction) выносят суды в отношении лиц, которые достигли 10 лет. Местного власти могут только обращаться в суд, если принятые ранее меры оказываются неэффективными. В этом случае АВА будет являться одним из доказательств виновности подсудимого. Конечно, местные власти также могут инициативно обращаться в полицию, прежде всего - SNT, которые несут главную ответственность за борьбу с правонарушениями в конкретном районе.

Лондонская полиция постоянно

меняется, стремится соответствовать требованиям современности. Но это не означает, что к её деятельности нет претензий. Так, в недавно опубликованном докладе Комиссии по расовому и этническому неравенству констатируется, что почти половина случаев (49%) задержания и досмотра (stop and searches) в Англии и Уэльсе приходится на Лондон, причём в 80% случаев им подвергаются чернокожие [2, 289]. Это вызвано не только расовыми предрассудками, но и наличием этнической преступности, террористических выступлений исламистов и подобного.

Итак, до середины XIX в. поддержание правопорядка возлагалась в Англии на местных жителей, профессионализм которых не был высок. Поэтому они не могли справиться с преступностью, вызванной процессами урбанизации и промышленной революции. Это привело к централизации и профессионализации деятельности полиции. В Лондоне её возглавил комиссар, назначаемый министром внутренних дел. Однако в последние десятилетия в управлении столичной полицией значимую роль стали играть

местные выборные власти. Это связано в двумя событиями. Во-первых, возник орган управления столичной агломерацией – Администрация Большого Лондона. Она, конечно, не могла не участвовать в решении проблем общественной безопасности в регионе. Во-вторых, новые требования стали предъявляться к демократичности и прозрачности деятельности полиции, традиционная организация которой была централизованно-бюрократической. Администрация Большого Лондона не руководит профессиональной деятельностью лондонской полиции, но определяет её приоритеты и осуществляет над ней демократический контроль. Роль лондонских муниципальных районов (боро) в руководстве полицией меньшая, но осязаемая. Их главная цель - координация деятельности занятых и заинтересованных в поддержании общественной безопасности муниципальных властей, полиции, представителей гражданского общества и бизнеса. Для этого на региональном и муниципальном уровнях создаются различные «панели».

Список литературы

1. Brixton Disorders, 10-12 April 1981: The Scarman Report. (1982). L.
2. Commission on Race and Ethnic Disparities: The Report. (2021). L.
3. Crime and Disorder Act. (1998). 1998 с. 37.
4. Equality Act. (2010). 2010 с. 15.
5. Emsley C. (1996). The English Police: A Political and Social History. L.: Routledge.
6. Local Government Act. (1985). 1985 с. 51.
7. Metropolitan Police Act. (1829). 10 Geo.4 с. 44.
8. Metropolitan Police Act. (1839). 2 & 3 Vict с. 47.
9. Mason G. (2004). The Official History of the Metropolitan Police. L: Carlton Books Ltd.
10. Not protectively market. Practice Advice on Professionalizing the Business of

Neighborhood Policing. (2006). L: ACPO Centrex.

11. Police and Criminal evidence act. (1984). 1984 c. 60.

12. Policing in London. How Suspects were apprehended. Central Criminal Court. (2021). URL: [http://www //www.oldbaileyonline.org](http://www.oldbaileyonline.org) (дата обращения: 22.05.2021).

13. Police Reform and Social Responsibility Act. (2011). 2011 c. 13.

14. Stephen Lawrence inquiry. Report of an inquiry by Sir William Macpherson. (1999). L.

15. Travers T. (2015). 50 years of the London Boroughs. Guildhall, L.

GREATER LONDON POLICE: ORIGINS AND CURRENT STATUS

The article is devoted to the interaction of the police and the elected bodies of Greater London-its Administration and municipal districts (boroughs) - in ensuring law and order. Both the history of the issue and its current state are touched upon. The foreign experience of interaction of the authorities in the maintenance of public security is of interest to the Russian Federation, which continues to search for effective forms of regional and municipal government, its place in the implementation of state functions. The experience of the United Kingdom is of particular interest in this regard, since in this country, the municipal and regional (self) government has historically developed significantly. The article mainly uses political and legal documents as sources of information. The author concludes that historically municipalities and local social forces played a crucial role in ensuring public security. It was typically for a «small state» with a tiny bureaucratic apparatus. Then government bodies played this role. Changes in the organization of the police were associated with the transition from the traditional rural society to modern urbanized. This required the creation of a professional centrally managed police force. The reform lasted for several decades. It's important stage – Home office secretary R. Peel's activity. Currently, efforts are being made to entrust the elected regional and municipal authorities with a new mission in ensuring public security – the exercise of democratic control over the activities of the police. In London this control is carried out by the mayor and the city council – Assembly. Municipal districts coordinate the activities of public services, civil, non-profit organization, business and individual citizens to ensure security in their territory.

Keywords: Greater London, Greater London Administration, boroughs of London, municipal areas of London, public safety, anti-social behavior, Metropolitan Police Administration, Metropolitan Police Authority, MPA, Metropolitan Police District, Metropolitan Police District, MPD, Metropolitan Police Service, Metropolitan Police Service, MPS, Met.

References

1. Brixton Disorders, 10-12 April 1981: The Scarman Report. (1982). L.

2. Commission on Race and Ethnic Disparities: The Report. (2021). L.

3. Crime and Disorder Act (1998). 1998 c. 37.

4. Equality Act (2010). 2010 c. 15.

5. Emsley C. (1996). The English Police: A Political and Social History. L.: Routledge.

6. Local Government Act (1985). 1985 c. 51.

7. Metropolitan Police Act (1829). 10 Geo.4 c. 44.

8. Metropolitan Police Act (1839). 2 & 3 Vict c. 47.

9. Mason G. (2004). The Official History of the Metropolitan Police. L: Carlton Books Ltd.

10. Not protectively market. Practice Advice on Professionalizing the Business of Neighborhood Policing. (2006). L: ACPO Centrex.
11. Police and Criminal evidence act (1984). 1984 с. 60.
12. Policing in London. How Suspects were apprehended. Central Criminal Court. (2021). URL: [http://www //www.oldbaileyonline.org](http://www//www.oldbaileyonline.org) (дата обращения: 22.05.2021).
13. Police Reform and Social Responsibility Act (2011). 2011 с. 13.
14. Stephen Lawrence inquiry. Report of an inquiry by Sir William Macpherson. (1999). L.
15. Travers T. (2015). 50 years of the London Boroughs. Guildhall, L.

Об авторе

Пронкин Сергей Владимирович - доктор исторических наук, доцент, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Россия. Pronkinsv@mail.ru.

Pronkin Sergey Vladimirovich - Doctor of History, Associate Professor, Professor of the Moscow Lomonosov State University. Russia. Pronkinsv@mail.ru.

УДК 614.3/4

Устинова Ю.Н., кандидат исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени И.Г Петровского (Россия)

САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, ПРОВОДИМЫЕ НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА (1914-1917 ГГ.)

В статье освещены и проанализированы санитарно-гигиенические мероприятия, проводимые на территории Минского военного округа в начале Первой мировой войны. С началом войны постоянно увеличивалось количество заболевших, особенно велик был рост инфекционных заражений. Эпидемии холеры регистрировались ежегодно. Была высокая заболеваемость брюшным тифом и дизентерией. Наблюдался подъем уровня заболеваемости оспой. Распространению болезней способствовали огромные потоки беженцев, которые целыми эшелонами эвакуировались во внутренние губернии России и чей маршрут проходил по территории Минского военного округа. В программу противоэпидемиологических и профилактических мероприятий входила забота о здоровье солдат, довольствовании, месте для отдыха. Велась информационно-разъяснительная работа. Однако, предпринимаемые в начале войны меры оказывались малоэффективными по причине отсутствия единой военно-медицинской организации и лекарств. Недостаток медицинского персонала в тылу и особенно на фронте, материальных и кадровых ресурсов, несогласованность действий между ведомственными структурами осложняли проведение профилактических и лечебных мероприятий по предотвращению и снижению распространения заболеваемости. Статья написана на основе материалов Приказаний Минского военно-окружного Управления на театре войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Минский военный округ, инфекционные заболевания, профилактические и противоэпидемиологические мероприятия, медицинский персонал, санитарно-гигиенические нормы.

DOI: 10.22281/2413-9912-2021-05-03-161-171

Военные действия начала 1915 года показали, что сложившаяся ситуация создавала огромную нагрузку на экономику Российской Империи. Новые сражения требовали не только мобилизации миллионов граждан, но и гигантского количества вооружений и боеприпасов. Довоенные запасы оружия и боеприпасов исчерпались, и страна начала активно перестраивать свою экономику под военные нужды и для жизни в условиях войны.

В промозглые осенне-зимние боевые будни 1914-1915 гг. на повестку дня все чаще стал выходить вопрос о продовольственном, бытовом и санитарно-гигиеническом обеспечении фронта и тыла. Боевой настрой и патриотизм солдат складывался не только из чувства любви к родине, близким, но и, желательно, чтобы имел прочную хозяйственно-бытовую основу, выражавшуюся в наличии теплой пищи и питьевой воды, обмундирования и вооружения, средств передвижения, мест

© Устинова Ю.Н.

© Ustinova Yu.N.

для ночлега и отдыха, чтобы в минуты боя солдат концентрировался только на войне, а между боями мог отдохнуть и поесть, не заботясь ни о месте для ночлега, ни об одежде, питании и т.д. Такие ежедневные минимальные потребности обеспечивали здоровье, боеспособность рядовых.

С началом войны количество инфекционных заражений увеличилось. Эпидемии холеры регистрировались ежегодно. Была высокая заболеваемость брюшным тифом и дизентерией. Наблюдался подъем уровня заболеваемости сыпным тифом, оспой. Именно заболеваемость данными инфекциями приобрела угрожающий характер в годы войны. Первая мировая война усугубила эпидемиологическую обстановку в Империи, в связи с чем вопросы борьбы с заразными болезнями вышли на первый план санитарно-гигиенической охраны здоровья населения.

Усугубляли картину постоянное расширение театра боевых действий, отсутствие централизованного управления в высших военных структурах и на местах. Распространению болезней также способствовали огромные потоки беженцев, в том числе и инфекционных больных, которые в 1915 г. целыми эшелонами на «заразных» поездах эвакуировались во внутренние губернии России, так как лечить на местах не всегда было возможно. Скудность населения, скопление большого количества людей также способствовала массовому распространению болезней по всей стране. Резко возрос приток беженцев из прифронтовых районов. Не только на фронте, но и в

тылу не были созданы условия для соблюдения минимального уровня личной гигиены: отсутствие мыла, надлежащего качества питьевой воды, средств дезинфекции, нарушение системы проведения противоэпидемиологических мероприятий, недостаточная работа санпропусков. Все это и привело к развитию в годы Первой мировой войны эпидемий инфекционных заболеваний. В 1914 г. случаи заболеваний имели место в 15 губерниях, а количество заболевших, по официальным данным, составляло 1800 человек. В 1915 г. эпидемии и отдельные вспышки отмечены в 53 губерниях и областях России. Заболеваемость брюшным тифом и дизентерией в действующей армии приобрела угрожающий характер [8]. Число инфекционных больных с 1914 по 1916 гг. варьировалось на уровне 15-18 % [1, с. 7].

Профилактические мероприятия по борьбе с распространением и лечением инфекционных заболеваний на территории Минского военного округа осуществлялись в тылу и на фронте, имели одно содержание, но разные условия и ресурсы. В тылу контроль за процессом осуществляли Всероссийский земский союз и Союз городов, главные врачи лечебных учреждений, на территории фронта – командующие войск и начальники госпиталей.

Для выправления ситуации в начале 1915 г. была организована проверка лечебных заведений город Могилева (госпиталь Красного Креста, Епархиальный госпиталь, польский госпиталь, госпиталь при еврейской больнице), в результате которой были выяв-

лены следующие недостатки и недоработки [3]:

1. плохая вентиляция помещений;
2. наличие сырости в помещениях;
3. нарушение санитарно-гигиенических норм при организации мест для ночлега;
4. большая скученность раненых, теснота в помещениях;
5. уход за бельем и одеждой больных;
6. осмотр, лечение и уход за больными.

Так как существенно снизить динамику инфекционной заболеваемости можно было посредством соблюдения правил личной гигиены, были разработаны профилактические мероприятия в нескольких направлениях*:

- информированность солдат и граждан о путях передачи, симптомах заболевания;
- контроль за чистотой и свежестью питьевой воды;
- контроль рациона питания (калорийность, соблюдение санитарно-гигиенических норм);
- организация мест отдыха;
- мероприятия по профилактике и лечению инфицированных больных.

Для устранения нарушений и проведения перечисленных мероприятий была создана значительная сеть специальных санитарно-противоэпидемических учреждений: инфекционных госпиталей, санитарно-гигиенических, дезинфекционных и банно-прачечных отрядов. Все эти учреждения входили в штат войсковых соединений и были

приближены к войскам (санотряд – в корпусе, дезинфекционные отряды – в дивизиях).

В рамках профилактики распространения инфекционных заболеваний в первую очередь предусматривалось проведение работы по информационной осведомленности солдат: следовало ознакомить с правилами соблюдения личной гигиены, поддержания чистоты мест для отдыха, помещений, дворов и т.д. Задачу расширения информационной грамотности в данном вопросе возложена была на рядовой персонал частей. На фасадах всех лечебных заведений были вывешены плакаты с надписью: «Перед приемом пищи мой руки», «Не пей сырой воды», «Держи подноготную пальцев в чистоте», «Не забывай при входе в жилье вытирать ноги» [4]. Особенное внимание уделялось чистоте рук после выполнения различного вида работ и перед приемом пищи.

В госпиталях, лазаретах, казармах, эвакуационных пунктах, санитарных поездах и т.п. для нижних чинов, больных и раненых в виду возможности заражения были вывешены на видных местах правила общей гигиены и описаны возможные пути заражения [4]:

1) Зародыши холеры, брюшного тифа и дизентерии (кровавого поноса) попадают через питье и пищу в кишечник человека и там размножаются. Опасны извержения человека (рвота), каловые массы и моча. Болезни эти разносятся мухами.

* Мероприятия по улучшению санитарно-гигиенических условий и борьбы с инфекционными заболеваниями имели один протокол действия для тыла и фронта. Главная сложность их реализации на фронте заключалась в полноте и своевременности данных мер.

2) Сыпной тиф переносят от больных к здоровым вши, особенно плотяные, клопы, блохи.

3) Необходимо всем соблюдать самую тщательную чистоту, как самих себя (особенно рта и рук), так и одежды, белья постелей.

4) Необходимо почаще мыть руки: мылом перед каждым приемом пищи, перед тем, как раздавать пищу, хлеб больным, после каждого посещения отхожего места, после переборки грязного белья, уборки палат, дворов и т.п., не плевать на пол, не мочиться на задворках.

5) Не пить сырой, непрокипяченной воды и сырого молока.

6) Не есть сырых фруктов и овощей: яблок, груш, винограда, моркови, редьки, капусты.

7) Наблюдать за чистотой казарм, жилых помещений, почаще их проветривать и убирать.

Сытное питание и отдых – верный спутник хорошего здоровья. Питание солдата – это и физические силы и забота о здоровье, об иммунитете воинов.

В отношении организации питания предусматривался тщательный контроль. Должна была отслеживаться технология выпечки хлеба, проводиться ежедневный осмотр кухонь, проверяться вес порции, качество пищи, частота приготовления, санитарная обстановка помещения и «состояние здоровья хлебопеков и кашеваров». При перевозках хлеб должен тщательно укрываться холстом от запыления и загрязнения [4], мясо должно доставляться в оцинкованных ящиках. В кухнях, кладовых и во всех

местах, где готовится или хранится пища, необходимо соблюдать чистоту и устроить сетки или занавески на полках для прикрытия пищи от пыли и мух. Кухонная и столовая посуда перед наполнением ее пищей или питьем должна быть тщательно вычищена и обмыта кипятком. На кухне кроме продуктов питания и кухонной утвари не должно быть посторонних предметов, будь то белье, обувь и платье и вообще вещи, не имеющие отношения к приготовлению пищи. Чтобы не создавать условия для размножения микробов и бактерий, все кухонные отбросы и остатки пищи, корки хлеба, помои должны немедленно удаляться. Обязательной признавалась влажная уборка либо допускалось подметать пол при помощи влажных древесных опилок. Раз в неделю обязательно нужно было пол мыть мылом и горячим щелоком. Стены в помещениях должны быть выбелены.

Важным пунктом поддержания здоровья солдат была калорийность питания. С началом войны было издано постановление об увеличенном довольствовании солдат салом: салом в большом количестве сдабривали супы и борщи к обеду и ужину, несмотря на то, что перечисленные блюда готовились с мясом. Первое блюдо получалось не только наваристым, а крайне жирным, что особенно в летнее время признавалось причиной расстройства пищеварения. В связи с этим с марта 1915 г. класть сало в борщи и супы, а также в мясные ужины запрещалось. Суточную норму следовало разделить таким образом, чтобы бóльшая часть

продукта шла в кашу на обед, остальная часть выдавалась на руки в сыром виде как добавка на завтрак или на ужин к хлебу. Холодные мясные консервы теперь запрещалось выдавать на руки, так как их употребление в таком виде могло вызвать дизентерию [2].

При различного рода желудочных заболеваниях была признана полезность риса. В виду данного обстоятельства было приказано ежедневно в любой прием пищи готовить блюда на основе риса, в которое кроме овощей и других продуктов класть по шесть фунтов риса на каждые сто человек, что больше, чем в начале войны [5]. Рис следует хорошо разварить, за этим должны следить войсковое начальство. В тылу также предусматривалась выдача красного вина при появлении желудочно-кишечных заболеваний [6].

Если без еды человек может прожить определенное количество времени, то жизнедеятельность организма без воды невозможна. Так как главным источником желудочно-кишечных заболеваний являлась вода, то обеспеченность чистой питьевой водой являлась важной составляющей профилактических мероприятий. Отныне был установлен строгий контроль за ее наличием в соответствии с санитарными нормами: не только в лечебных учреждениях, но и на станциях железных дорог, на фронте. Вода для питья должна быть обязательно кипяченой. Кадки и бочки с питьевой водой должны содержаться в постоянной чистоте, быть выкрашены внутри белой масляной краской, иметь кран, быть закрыты крышками и дезинфицироваться паром или кипятком через день.

Кипяченая вода не должна храниться больше суток. К кипяченой воде рекомендовано прибавлять во время кипячения от 1 до 3 золотников лимонной кислоты на ведро воды. В войсковых частях баклаги для воды также рекомендовалось промывать кипятком, а лучше содержать в них чай, чем воду.

Однако чистая питьевая вода не всегда оказывалась в свободном доступе. На этот случай врачам лечебных учреждений и начальникам частей поступило предписание о проведении назидательных бесед с низшими чинами о вреде употребления сельтерских вод, продажных квасов и разных прохладительных напитков, которые приготавливались крайне грязно и часто на сырой воде, так как именно сырая вода являлась самым главным источником распространения таких различных болезней как брюшной тиф и холера. Для улучшения качества и вкуса такую воду следовало прокипятить и подкислить лимонной, виннокислотной или соляной кислотой в пропорции одна чайная ложка на ведро воды. Уходящие в командировку могли наполнять свои баклаги подкисленной водой или чаем. Баклаги должны быть изготовлены из алюминия или стекла и промываться регулярно кипятком [7]. Предписывалось выдать кипяtilьник и бочки дополнительно для остужения воды. При отсутствии фляг их можно заменить бутылками, обшитыми сукном.

После боя и получения продовольствия смертельно уставший солдат нуждался в отдыхе. Местами для отдыха служили деревянные кровати или топчаны, которые настоятельно

рекомендовалось раз в неделю обмывать кипятком или щелоком. Солома для наполнения тюфяков и подушек должна быть переменяема не менее одного раза в месяц. Старую следовало сжечь. Имевшиеся грязь и мусор чрезвычайно способствовали распространению вредных насекомых, за которыми отныне также должен быть тщательный контроль. Для их уничтожения предлагалось применять жидкость Малинина, персидский порошок, настойку Сабадиллы.

Проблема плохой вентиляции помещений объяснялась малым притоком свежего воздуха и плохой вытяжкой. Первое предлагалось исправить установкой достаточного количества фрагмуг, так как имевшиеся форточки были малы и редко открывались из-за опасения простуды. Для лучшей вытяжки воздуха рекомендовано было пользоваться печами с каминами. Чтобы не допустить появления сырости в помещениях, нужно искоренить халатность и недобросовестность чинов [3].

Плевательницы должны иметься в достаточном количестве. У входа в помещения должны иметься скребки, соломенные или веревочные маты для очистки обуви. Все жилые помещения должны иметь вентиляцию, кроме того очищать воздух проветриванием. Все постельные принадлежности следовало два раза в неделю выносить во двор, выколачивать и проветривать. Белье должно быть не только чистым, но и подвергаться дезинфекции. Сушильни должны быть хорошо отапливаемы, усиленно вентилируемы и приняты меры по выводу пара.

Важным пунктом профилактики

перечисленных инфекционных заболеваний был контроль за отхожими местами. Отхожие места должны содержаться в надлежащей чистоте, проветриваться и ежедневно поливаться раствором неочищенной карболки, сиденья следовало обмывать мыльно-карболовым раствором. В каждой части должен иметься в достаточном количестве запас негашеной извести, сохраняемой в сухом месте. Отхожие места, помойные и мусорные ямы следовало как можно чаще очищать.

Запрещалось устраивать отхожие места, выгребные, помойные и мусорные ямы вблизи и выше колодцев и источников питьевой воды. На близлежащей территории, чтобы не разводить грязь и не застаивалась вода, требовалось устроить сточные каналы. Эти меры предпринимались для того, чтобы не загрязнять почву кругом жилых помещений и водоемов. Воду в тылу добывали из колодца, которые должны быть установлены вне двора с утрамбованным скатом от колодца. В колодце должно быть специальное ведро, чтобы не допускать других загрязнять своими ведрами воду колодца. Предполагалось дезинфицировать колодца каждую весну при помощи соляной кислоты, едкой или хлориновой извести.

В окопах отхожие места должны заливаться 10%-ым раствором хлориновой извести или известковым молоком в той же пропорции. Все места, где имелись испражнения, должны быть перекопаны и засыпаны землей. Главные врачи должны привлекать инженеров для решения этих задач. Также отхожие места должны быть утеплены.

При кроватях запрещалось ставить стульчики, а должны быть подкладные судна.

Как и в мирное время, также и в годы войны, всю тяжесть борьбы с инфекциями приняли на себя медицинские работники. В первую очередь они пытались предупредить развитие заболеваний, устранить возможность заражения медицинского персонала и локализовать заболевания только в пределах профильных учреждений, к которым относились все военные госпитали, лечебные заведения Красного Креста, общественных организаций, санитарные поезда. Служебный персонал безотлагательно обеспечивали ручкойниками в достаточном количестве и дезинфекционным раствором для мытья рук. При несоблюдении мер профилактики, повлекших заражение кого-либо из персонала, ответственность возлагалась на главных врачей госпиталей и поездов. Выписка выздоравливающих могла производиться только после бактериологического анализа на отсутствие возбудителя.

Теснота в помещениях допускалась только при большом наплыве раненных как временное исключительное явление. Однако наблюдалась неравномерность распределения больных между госпиталями, контроль был вменен в обязанность эвакуационных пунктов на основании информации, поступавшей от старших врачей гарнизона. Данный показатель был важен особенно при некоторых формах инфекционных болезней.

Несмотря на меры профилактики, военное и гражданское население про-

должало болеть и уровень заболеваемости по отдельным видам заболеваний был постоянно высоким.

Медицинские работники первыми «принимали» солдат с фронта. При подозрении на наличие заболевания таковые подвергались обязательному телесному осмотру и опросу. Самого больного и его одежду в бане подвергали тщательной дезинфекции и затем изолировали в лечебном учреждении с соблюдением всех санитарно-гигиенических мер, если того требовало заболевание, например, оспа. Дважды в сутки, утром и вечером, больному измерялась температура. Для такой категории лиц были предусмотрены меры для улучшения пищевого и усиленного чайного довольствия. Ежедневно больные подвергались телесному осмотру. Параллельно с прямыми лечебными мероприятиями проводились разъяснительные профилактические беседы. При выявлении новых больных главврач лечебного учреждения должен был незамедлительно сообщить в окружное Военно-Санитарное Управление.

С целью предупреждения заноса заразы в части новобранцами их размещали отдельно и по возможности изолировали в течение недели. За состоянием их здоровья предусматривался бдительный медицинский надзор. Если подозрение на заболевание подтверждалось, новобранца передавали в соответствующие лечебные учреждения. Его вещи отправляли в дезинфекционные камеры для дезинфекции. Гражданское ведомство обязательно должно было уведомить военное ведомство о

первых подозрительных случаях заболеваний. На врачей частей войск, учреждений и заведений возлагался неуклонный надзор за состоянием здоровья нижних чинов.

Также под особым контролем находились прибывающие с полей сражения раненые и пленные, вещи, белье которых должны быть дезинфицированы и продезинфицированы. Для уничтожения насекомых (вшей, клопов) на вещах самым лучшим средством было признано окуривание парами серы на протяжении 24 часов; на головах и теле – обмывание водной настойкой Сабаллы. В таких случаях предусматривалась более частая влажная уборка в помещениях, а начальникам частей и главврачам госпиталей предписывалось принять меры к более частому посещению солдатами бани и смене белья, хотя бы один раз в неделю.

Наблюдательно-сортировочные пункты устанавливали непосредственно за линией фронта на корпусных дорогах и путях эвакуации раненых, не менее одного пункта на корпус. Размещение таких пунктов согласовывалось с корпусными врачами под их непосредственным наблюдением. Такое учреждение развешивалось на двадцать или больше кроватей и снабжалось персоналом: врачом и санитаром – из главного перевязочного пункта одной из дивизий корпуса. Данный корпус должен быть обеспечен инвентарем, таким как переносные судна, тазы, грелки, вино и дезинфекционные средства, ответственность за наличие которых возлагалась на заведующего складом Особо уполномоченного Красного Креста при армии

или в Штабе армии. Здесь размещали заболевших желудочно-кишечным расстройством; холерные больные отсылались сразу же в специальный госпиталь. Данная структура имела от 3 до 5 специально отмеченных краской повозок для перевозки больных холерой. Для перевозки из частей войск в наблюдательно-сортировочные пункты только заразных солдат должны использоваться исключительно специальные повозки, помеченные краской. Эти повозки должны находиться под наблюдением особого врача, ответственного за правильность транспортировки заразных больных и дезинфекции повозок и всего, что соприкасалось с заразными больными.

С целью уменьшения и прекращения поступления инфекционных больных в лечебные учреждения тыла страны и в войска в апреле 1915 г. по решению Главных комитетов Всероссийских земского союза и союза городов, а с ноября того же года уже по приказу Верховного начальника санитарной и эвакуационной части на «путях» следования больных по линии распределительных пунктов» ... впервые в противоэпидемиологической практике были развернуты изоляционно-пропускные пункты и инфекционные (заразные») госпитали-заслоны, а на внутренних водных путях – врачебно-наблюдательные пункты [1, с. 18-19].

С увеличением количества призывников росло и количество мобилизованных врачей. Так армия и фронт «поглотили» порядка 60% от всего числа имевшихся в Империи врачебных кадров. Однако этого количества

все равно постоянно не хватало с учетом регулярного роста количества новобранцев. Кроме этого, выявлена была проблема нерационального и плохо скоординированного распределения врачебных кадров. Так, например, «... акушерки, психиатры и санитарные врачи оказывались там, где требовались опытные специалисты – хирурги; пожилые врачи работали в передовых пунктах, при полках, а неопытные и молодые – в госпиталях» [1, с. 8]. При отсутствии транспорта медики сами на руках переносили больных, при отсутствии дополнительных средств защиты – делали прививки и ухаживали за больными. По причине нехватки не только врачей, но и рядового медицинского персонала, часто встречались «люди неостриженные-лохматые» [3]. Кроме того, эвакуационные пункты были постоянно переполнены, отсутствовал строгий контроль за выздоравливающими, также большие расходы требовались на отправку почти здоровых в глубь Империи.

Таким образом, задача обеспечения и улучшения санитарно-гигиенических условий на фронте и в тылу в годы

Первой мировой войны на территории Минского военного округа представлялась комплексной и требовала мобилизации сил как медицинского персонала, так и начальников войск, рядовых, «хлебопеков и кашеваров», инженеров, работников станций и тех, кто выращивал хлеб, мыловаров, текстильщиков и многих других. А в военное время выполнение данной задачи становилось в разы сложнее. Работа возымела успех: в 1916-1917 гг. наблюдался некоторый спад в распространении инфекционных заболеваний [8]. В то же время более успешной работе мешало отсутствие единой военно-медицинской организации, поэтому проведение масштабных профилактических противоэпидемиологических мероприятий было невозможно. Как ни рациональны были меры, предусмотренные военно-медицинской службой, они часто оказывались малоэффективными, так как не подкреплялись должным количеством материальных средств, лекарственных материалов, отсутствовали кадровые ресурсы. Однако определенная работа проводилась. И это было важно.

Список литературы

1. Гладких П.Ф. Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914-1917 годы // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2017. №2. С. 5-24.
2. Приказ армиям Юго-Западного фронта. 1915. 8 марта. №297.
3. Приказ Минским Военно-Окружным Управлениям на театре войны. 1915. 06 февраля. №74.
4. Приказ Минским Военно-Окружным Управлениям на театре войны. 1915. 26 февраля. №118.
5. Приказ Минским Военно-Окружным Управлениям на театре войны. 1915. 07 июля. №470.
6. Приказ Минским Военно-Окружным Управлениям на театре войны. 1915. 22

августа. №603.

7. Приказ Минским Военно-Окружным Управлениям на театре войны. 1915. 21 июня. №417.

8. Санитарно-эпидемиологическая деятельность в период Первой мировой войны 1914-1918 года / Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rospotrebnadzor.ru/region/history/war-1.php> (дата обращения: 18.10.2020).

SANITARY AND HYGIENIC MEASURES AT THE FRONT AND IN THE REAR, CARRIED OUT ON THE TERRITORY OF THE MINSK MILITARY DISTRICT IN 1914-1917

The article highlights and analyzes sanitary and hygienic measures carried out on the territory of the Minsk Military District at the beginning of the First World War. With the outbreak of war, the number of cases constantly increased, the growth of infectious diseases was especially large. Cholera epidemics were recorded annually. There was a high incidence of typhoid fever and dysentery. There was an increase in the incidence of variola. The spread of diseases was facilitated by huge flows of refugees who were evacuated by whole echelons to the internal provinces of Russia and whose route passed through the territory of the Minsk Military District. The program of anti-epidemiological and preventive measures included concern for the health of soldiers, contentment, and a place to relax. Awareness-raising activities were carried out. However, the measures taken at the beginning of the war turned out to be ineffective due to the lack of a single military medical organization and medicines. The lack of medical staff in the rear and especially at the front, material and human resources, and the inconsistency of actions between departmental structures complicated the implementation of preventive and therapeutic measures to prevent and reduce the spread of morbidity rate. The article is written on the basis of the materials of the Orders of the Minsk Military District Administration at the theatre of war.

Keywords: World War I, Minsk Military District, infectious diseases, preventive and anti-epidemiological measures, medical staff, sanitary and hygienic standards

References

1. Gladkikh P.F. (2017). Voennaya medicina imperatorskoj Rossii v Pervoj mirovoj vojne v 1914-1917 gody [Military medicine of Imperial Russia in the First World War in 1914-1917] // Medico-biological and socio-psychological problems of security in emergency situations. No. 2. P. 5-24.

2. Prikaz armiyam YUgo-Zapadnogo fronta (1915) [Order to the armies of the South-Western Front]. March 8. No.297.

3. Prikaz Minskim Voенно-Okružnym Upravleniyam na teatre vojny (1915) [Order to the Minsk Military District Departments in the theater of war]. 06 February. No.74.

4. Prikaz Minskim Voенно-Okružnym Upravleniyam na teatre vojny (1915) [Order to the Minsk Military District Departments in the theater of war]. February 26. No.118.

5. Prikaz Minskim Voенно-Okružnym Upravleniyam na teatre vojny (1915) [Order to the Minsk Military District Departments in the theater of war]. July 07. No.470.

6. Prikaz Minskim Voенno-Okružnym Upravleniyam na teatre vojny (1915) [Order to the Minsk Military District Departments in the theater of war]. August 22. No.603.

7. Prikaz Minskim Voенno-Okružnym Upravleniyam na teatre vojny (1915) [Order to the Minsk Military District Departments in the theater of war]. June 21. No.417.

8. Sanitarno-epidemiologicheskaya deyatel'nost' v period Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 goda [Sanitary and epidemiological activity during the First World War of 1914-1918] / Federal Service for Supervision of Consumer Rights Protection and Human Welfare from <https://www.rospotrebnadzor.ru/region/history/war-1.php> (accessed: 18.10.2020).

Об авторе

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, Брянский государственный университет имени И.Г Петровского (Россия), E-mail: julija0404@rambler.ru

Ustinova Yuliya Nikolaevna - candidate of historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, The Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia), E-mail: julija0404@rambler.ru

Правила предоставления рукописей

В журнале «Вестник БГУ» публикуются статьи теоретического, методического и прикладного характера, содержащие оригинальный материал исследований автора (авторов), ранее нигде не опубликованные. Материал исследований должен содержать научную новизну и/или иметь практическую значимость.

Статьи обзорного характера к публикации не принимаются.

Научный журнал формируется по научной отрасли **07.00.00 – исторические науки и археология**.

Научные специальности: **07.00.02 - Отечественная история; 07.00.03 - Всеобщая история; 07.00.06 - Археология; 07.00.09 - Историография, источниковедение и методы исторического исследования; 07.00.15 - История международных отношений и внешней политики.**

Требования к структуре статей

(см. образец оформления статьи)

Все указанные структурные элементы статьи отделяются друг от друга пропуском строки.

1. В начале статьи указываются:

- номер по Универсальной десятичной классификации – УДК (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по левому краю);
- фамилия и инициалы автора (Times New Roman 14 pt, жирный), ученая степень, ученое звание, название образовательной организации, страна – на русском языке (Times New Roman 14 pt, обычный, выравнивание по ширине, межстрочный интервал одинарный);
- название статьи (10-12 слов, заглавными буквами, Times New Roman, 14 pt, жирный, выравнивание по центру, межстрочный интервал – одинарный);
- аннотация на русском языке (150-250 слов, см. образец оформления статьи);
- ключевые слова (8-10 слов и словосочетаний, Times New Roman 14 pt, надпись «Ключевые слова» - жирный, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный).

2. Текст статьи на русском языке (Times New Roman 14 pt; обычный; выравнивание по ширине; междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см.)

3. После текста статьи размещаются:

- список литературы на русском языке (Times New Roman 14 pt, выравнивание по ширине, междустрочный интервал одинарный, абзацный отступ – 1 см., нумерация автоматическая, см. образец оформления статьи);
- название статьи на английском языке;
- аннотация на английском языке («Abstract»);
- ключевые слова на английском языке («Keywords»);
- список литературы на английском языке (References);
- информация об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень, ученое звание; должность; название образовательного учреждения, страна; адрес электронной почты) на русском и английском языках.

Статьи предоставляются в редколлегию в печатном и электронном виде, подготовленные с помощью текстового редактора Microsoft Word (*.doc, *.docx, *.rtf) и разбитые на страницы размером А4. Поля страницы: левое — 2 см, правое – 2 см, верхнее – 2 см, нижнее – 2 см. Текст – шрифтом Times New Roman, 14 pt, межстрочный интервал — одинарный, красная строка (абзац) 1 см (формата А-4), выравнивание по ширине. Страницы не нумеруются. Ручные и автоматические переносы не допускаются. Если статья выполнена при поддержке гранта или на основе доклада, прочитанного на конференции, то необходимо сделать соответствующую сноску в заголовке статьи (*). Объем статей, как правило, не должен быть менее 5 страниц А4 (14 000 знаков с пробелами) и не превышать 12 страниц А4 (32 000 знаков с пробелами), включая список литературы (10-15 источников). Желательно привлечение источников, индексируемых в Scopus. Все источники в тексте статьи обязательно должны быть процитированы хотя бы один раз.

Аннотация на русском языке должна содержать 150-250 слов (актуальность темы исследования, постановка проблемы, цели и методы исследования, результаты и ключевые выводы). После аннотации размещаются ключевые слова (8-10). Через строку размещается текст статьи, который должен содержать следующие обязательные элементы:

- **Введение** (актуальность темы, обзор литературы, постановка проблемы, формулирование целей и задач данного исследования);
- **Методы** (детально описываются методы и схема экспериментов/ наблюдений, позволяющие воспроизвести результаты, пользуясь только текстом статьи);
- **Результаты** (представляются фактические результаты исследования);
- **Обсуждение** (содержит интерпретацию полученных результатов исследования, включая: соответствие полученных результатов гипотезе исследования; ограничения исследования и обобщения его результатов; предложение по практическому применению; предложения по направлению будущих исследований);
- **Заключение** (содержит краткие итоги разделов статьи без повторения формулировок, приведенных в них).

После основного текста статьи автор или авторы могут поместить благодарности коллегам за помощь в подготовке статьи, за финансовую поддержку и другие.

На титульной странице оформляется исключительное авторское право на статью путем перечисления фамилий и инициалов всех авторов после знака Copyright © на русском и английском языках.

После текста статьи размещается «Список литературы» (14 pt) с выравниванием по ширине (см. пример оформления статьи). В этот список включаются только те источники, на которые в тексте статьи имеются ссылки. Он формируется в алфавитном порядке (вначале источники на русском языке, затем на иностранных языках).

Ссылки на литературу по тексту статьи необходимо давать в квадратных скобках, через запятую номер страницы [5, с. 17]. Ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Работы одного и того же автора цитируются в хронологическом порядке независимо от наличия соавторов.

Затем размещается английский блок: фамилия, имя, отчество автора, ученая степень, ученое звание, название организации, страна, название статьи, аннотация и ключевые слова (Abstract + keywords), список литературы (References), см. образец оформления статьи).

Если статья содержит таблицы или рисунки, в тексте должны быть ссылки на эти элементы (см. рис. 1 или см. табл. 1).

Оформление таблицы. Обратите внимание, что надпись «Таблица 1» не имеет знака номера и точки. **Обязательно** должно быть название таблицы (располагается перед самой таблицей), после которого также не ставится точка. Шрифт Times New Roman 14 pt, (жирный), интервал – одинарный.

Таблица 1

Результаты исследования уровня волевого самоконтроля

Все рисунки и чертежи выполняются четко, в формате jpeg, обеспечивающем ясность понимания всех деталей; это особенно относится к фотокопиям и полутоновым рисункам. Весь иллюстративный материал должен быть выполнен в черно-белой гамме. (Цветные иллюстрации будут удаляться). Язык надписей на рисунках (включая единицы измерения) должен соответствовать языку самой статьи. Поясняющие надписи следует по возможности заменять цифрами и буквенными обозначениями, разъясняемыми в подписи к рисунку или в тексте. Название иллюстративного материала оформляются исключительно под рисунком. Подписи к рисункам – шрифт Times New Roman 14 pt, (обычный), интервал – одинарный.

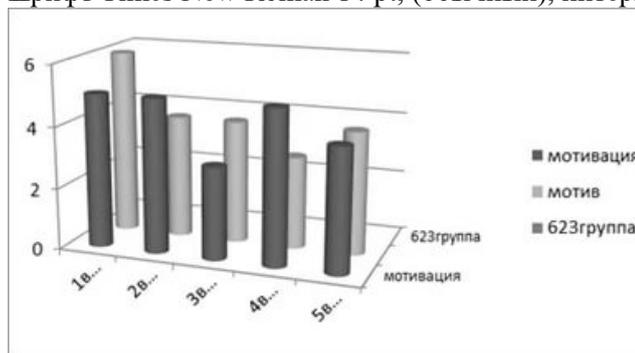

Рис.1. Результаты изучения мотивации студентов

Авторов, использующих при подготовке рисунков компьютерную графику, просим придерживаться следующих рекомендаций: графики делать в рамке; штрихи на осях направлять внутрь; по возможности использовать шрифт Times; высота цифр и строчных букв должна быть в пределах 3-4% от максимального размера (высоты или ширины) рисунков, это относится и к цифрам на осях вставки; обозначения единиц измерения на осях графиков приводить в скобках. Таблицы, рисунки и подписи к ним помещаются непосредственно в тексте. Векторные величины выделяются прямым полужирным шрифтом. Все сколько-нибудь громоздкие формулы выносятся на отдельные строки. В тексте статьи допускаются системы физических единиц СИ и СГСЭ.

Всего автор оформляет и подает 3 электронных документа:

1. Текст статьи, оформленный в соответствии с указанными требованиями;
2. Авторская справка (см. образец);
3. Отчет о проверке в системе «Антиплагиат». Оригинальность статьи должна быть от 80%.

Каждая статья в обязательном порядке проходит процедуру закрытого рецензирования. По результатам рецензирования редколлегия оставляет за собой право либо вернуть автору статью на доработку, либо отклонить ее публикацию в журнале.

Контактная информация доступна на сайте журнала: vestnik-brgu.ru

Адрес: 241036, г. Брянск, Бежицкая, 20, редакционно-издательский отдел.

Телефон: (4832) 66-67-58; **E-mail:** gumvest.bgu@yandex.ru

Вестник Брянского государственного университета

№3 (49) 2021

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
ПИ № ФС77-51557 от 26.10.2012**

Подписной индекс «Пресса России»: 40705

Главный редактор журнала: Михальченко С.И.

Адрес учредителя:

ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 14.

Адрес редакции и издателя:

РИСО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет
имени академика И.Г. Петровского»
241036, г. Брянск, Бежицкая, 20.

Адрес типографии:

241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20

Подписано в печать: 27.09.2021.

Дата выхода журнала в свет: 30.09.2021.

Формат 60x84/8. Печать на ризографе. Бумага офсетная.

Усл. п.л. 22. Тираж 500 экз. Свободная цена. **16+**